

Айрис Мёрдок

Iris Murdoch

ЗАМОК НА ПЕСКЕ
КОЛОКОЛ

Библиотека класики (АСТ)

Айрис Мердок

Замок на песке. Колокол

«Издательство АСТ»

1957, 1958

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Мердок А.

Замок на песке. Колокол / А. Мердок — «Издательство АСТ»,
1957, 1958 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-160976-4

«Замок на песке» (1957) Жизнь Уильяма Мора, школьного учителя истории в маленьком сонном городке, мало чем отличается от жизни его соседей: стабильная работа, семья, двое детей. Но все меняется, когда в город приезжает яркая и остроумная художница Рейн Картер... Любовь к молодой женщине рушит привычный уклад жизни Уильяма как песочный замок. Но что, по сути, страшнее – оставить семью или не попытаться изменить жизнь, в которой нет места любви и чувству? «Колокол» (1958) Старинная легенда гласит: колокол женского монастыря Имбер упал с колокольни, когда молодая монахиня нарушила обет, тайно встретившись с возлюбленным. Прошли века, а колокола в аббатстве по-прежнему нет... Как нет и покоя мятущимся душам обитателей общины, расположенной неподалеку в имении Имбер-Корт. Общины, основанной на религиозных принципах и объединившей людей, желающих жить простой и праведной жизнью. А когда в Имбер-Корт появляются двое новых постояльцев – энергичная и непосредственная Дора Гринфилд и наивный восемнадцатилетний юноша Тоби, – отношения между всеми героями начинают завязываться в тесный клубок, распутать который будет очень непросто...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-160976-4

© Мердок А., 1957, 1958

© Издательство АСТ, 1957, 1958

Содержание

Замок на песке	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	60
Глава 8	72
Глава 9	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Айрис Мёрдок Замок на песке. Колокол

© Iris Murdoch, 1957, 1958

© Перевод. О. Редина, 2023

© Перевод. И. Трудолюбова, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

Замок на песке

Глава 1

– Пятьсот гиней! – воскликнула жена Мора. – С ума сойти!
– Рыночная цена, – пробормотал Мор.
– Что ты там бормочешь? Выплюнь эту дурацкую сигарету, а то ничего не разобрать.
– Я говорю, это рыночная цена, – повторил Мор уже без сигареты.
– Бладуард написал бы задаром.
– Бладуард сумасшедший. По его мнению, писание портретов – порочное занятие.
– А я считаю, что правление вашей школы – собрание сумасшедших. У вас, должно быть, денег куры не клюют! Сначала это прожекторы для освещения, а теперь новая напасть. Освещать школу прожекторами! Словно за день эта школа не успевает намозолить глаза!
– Подождем Фелисити или без нее позавтракаем? – спросил Мор.
– Нет, ждать не будем. Она всегда приезжает домой такая хмурая, ей будет явно не до еды. Фелисити, дочь Мора и Нэн, вот-вот должна была вернуться из пансиона, так как занятия отменили из-за эпидемии кори.

Они сидели за столом друг против друга. Крошечная столовая. Массивная полированная мебель. Створки окон распахнуты во всю ширь, а за ними жаркий, томительный полдень. И небольшой палисадник. А дальше дорога, по обочинам стоят аккуратные домики, глядясь окнами друг в дружку, как в зеркало. Городок застроен сплошь новыми домами, вполне в современном духе и весьма солидными. Над крытыми красной черепицей крышами, над поникшей листвой деревьев возвышается в сонном мареве середины лета неоготическая башня школы Сен-Бридж, где учителем и куратором служит Мор. Сейчас время ланча.

– Пить хочешь? – спросила Нэн. И налила себе из большого сине-белого кувшина.

Мор передвинулся вместе со стулом, чтобы выбрать что повкуснее из ряда наполненных компотом бутылок, стоящих на буфетной доске. Только и радости от этой столовой, что до всего можно дотянуться рукой.

– А Дональд придет вечером повидать Фелисити? – спросила Нэн.

Дональд, сын Нэн и Мора, учился в шестом, выпускном, классе Сен-Бридж.

– У него дежурство в младших классах, – сказал Мор.

– Скажите пожалуйста, дежурство в младших классах! – передразнила Нэн. – Ты бы мог избавить его от дежурства в младших классах! Вы трусы оба, каких свет не видывал. Не дай бог нарушить правила! Можно подумать, ты дал клятву верности Сен-Бридж!

– Дон сам против привилегий, – коротко бросил Мор. В сущности, с этого пункта и начался сегодняшний спор. Без особого энтузиазма Мор нарезал мясо. – Поскорее бы Фелисити приехала.

– Нет, я все-таки поговорю хорошенько с Доном, – сказала Нэн.

– Только не пили его насчет экскурсии.

Дон мечтал на каникулы поехать в горы. Родители были против.

– Что значит – «не пили»? – возмутилась Нэн. – Мы же родители, мы за детей отвечаем.

– Пусть сначала сдаст экзамены, потом поговорим. Зачем ему лишние волнения. – Дональду вскоре предстоял вступительный экзамен по химии в Кембридже.

– Пустим все на самотек, а потом нас поставят перед фактом, – возразила Нэн. – Мне Дон сказал, что от этих альпинистских планов они отказались. А вот миссис Пруэтт вчера сообщила, что вопрос все еще обсуждается. У вас там детишки, кажется, взяли за правило лгать родителям, вопреки всем разговорам о правдивости.

Хотя Мор нынче полностью отошел от религии, все же воспитан он был как методист. Поэтому глубоко верил, что безупречная честность – основа и условие существования всех прочих ценностей. Тем горше было обнаружить, что его собственные дети, так скажем, достаточно равнодушно воспринимают этот постулат. Он отодвинул тарелку.

– Не будешь есть? – деловито спросила Нэн. – Ну так я доем, согласен? – Потянувшись острозубой вилкой через стол, она забрала мясо с тарелки Мора.

– Слишком жарко, не хочется есть, – сказал Мор. Он посмотрел в окно. Башня школы нелепо торчала в дрожащем от зноя мареве. С проходящей неподалеку магистрали доносился приглушенный, не прекращающийся ни ночью ни днем гул автомобилей. Городок располагался на полпути между Лондоном и побережьем. Среди полуденной жары этот гул напоминал жужжание насекомых в зарослях. Летом время тянется, тянется, тянется бесконечно.

– Помнишь, как Лиффи, бедная, не любила жару? – произнес Мор.

Лиффи, их собаку, золотистого ретривера, два года назад на шоссе сбила насмерть машина. Пес связывал Мора и Нэн, это была связь, которую не смогли создать даже их дети. И Мор интуитивно нашел средство – чтобы задобрить Нэн, он вспоминал Лиффи.

Лицо Нэн в самом деле тут же смягчилось.

– Бедняжка, – вздохнула она. – Любила носиться по лужайке за собственной тенью. Просто до изнеможения.

– Любопытно, сколько еще продлится эта жарница, – проговорил Мор.

– В других странах наслаждаются летним теплом. А у нас только и разговоров что о жаре, – вздохнула Нэн. – Невыносимо.

Нэн доедала завтрак, Мор молчал. Семейная идиллия навевала на него дрему. Потянувшись, он зевнул и принялся разглядывать пятно на скатерти.

– Сегодня вечером мы обедаем у Демойта, ты не забыла? – напомнил он жене.

Демойт, бывший директор Сен-Бридж, ныне вышедший в отставку, по-прежнему жил в собственном обширном доме поблизости от школы. И по заведенному обычаю приглашал супругов Мор к себе отобедать. Для написания его портрета и была выделена сумма в пятьсот гиней, столь возмутившая Нэн.

– Вот наказание, я и забыла, – расстроилась Нэн. – Но там же скука смертная. Позвоню и скажу, что заболела.

– Неужели? Тебе же нравится туда ходить.

– Ах, оставь. А кто еще будет? – Нэн сторонилась шумных сборищ. А Мор, наоборот, любил.

– Будет художница, портретистка. Кажется, вчера приехала.

– А, я читала о ней в нашей газетке. У нее еще имя такое, потешное. Похоже на дождик...

– Рейн Картер.

– Рейн Картер! – воскликнула Нэн. – Бог мой! Дочь Сидни Картера. Он-то уж точно хороший художник. По крайней мере, знаменитый. Если уж так захотелось ухнуть кучу денег, пригласили бы его.

– Он умер. В начале года. Но, по общему мнению, дочь тоже справится.

– Еще бы, за такие деньги. Придется одеться соответственно. Она-то наверняка явится разряженная. Француженки – они такие. Вот не было заботы! Кстати, где же она остановилась? В «Голове сарацина»?

– Нет. У Демойта. Прежде чем начать писать, она хочет изучить характер, познакомиться с его окружением. Она подходит к портретистике фундаментально.

– Демойт, этот старый осел, наверняка будет в восторге. Но каково выражение! «Фундаментальная портретистика»! Сногшибательно!

Ехидство Нэн больно задевало Мора, даже когда она насмехалась над другими. Когда-то Мору казалось, что злословие – это всего лишь ее способ самозащиты. Но время шло, и ему

все труднее было верить, что Нэн так уж ранима. И все же он держался за созданный когда-то образ беззащитной Нэн, уже исключительно ради собственного спокойствия.

– Ты ведь с ней не знакома, зачем же сразу ехидничать?

– Это что, вопрос? Прикажешь подумать над ответом?

Они взглянули друг на друга. И Мор отвел глаза. Жена сильнее его. Мора глубоко ранило это открытие. И как ни уговаривал он себя, что сила-то ее идет от упрямства и от бессмысленного жестокосердия, чувство стеснения и обиды не проходило. Он видел ее насквозь, и прошло уже то время, когда удавалось укрываться от этого знания во влюбленности или, на худой конец, в равнодушии. Он поработан. Он под пятой. Его непрестанно оскорбляют. Ранние годы их брака прошли в общем-то безоблачно. В те времена у супругов был один предмет разговоров – они сами. Этот источник не мог не иссякнуть, а новый им отыскать не удалось... и пришел день, когда Мор понял – та, с которой он до конца дней своих связан, вовсе не считает себя связанной. Право изменяться, возможность отдаляться от него, становиться независимой – эти права она сохранила за собой. В тот день Мор поспешил обновить в памяти свои брачные обеты.

– Извини. – Мор поставил себе за правило: виноват ты или нет, извиниться надо в любом случае. Нэн всегда была готова рассердиться, и надолго. Он первым шел на мировую. Ее упорство было бесконечно. – На самом деле, как говорит Эверард, она чрезвычайно скромная, застенчивая девушка. Рядом с отцом вела совершенно монашеский образ жизни.

Преподобный Джайлз Эверард был новым директором Сен-Бридж и носил прозвище Эвви-реви.

– Совершенно монашеский! – насмешливо воскликнула Нэн. – Во Франции? Это Эвви-реви так думает. Он ведь как завидит кого-нибудь противоположного пола, сразу опускает очи долу, словно барышня. А с другой стороны, даже хорошо, что эта девица будет на обеде. По крайней мере, избавимся от Хандфорт, хотя ты от нее без ума! – Мисс Хандфорт, домоправительницу Демойта, Нэн числила среди своих заклятых врагов.

– Совсем я не без ума от нее, но она такая энергичная, а Демойту рядом с ней хорошо.

– Никакая она не энергичная, – возразила Нэн, – просто голос громкий и болтовню не прекращает ни на минуту, даже когда прислуживает за столом. Меня прямо в дрожь бросает. Кто вообще против условностей, тому незачем держать слуг. Вот мороженое. Хочешь? Нет?

– Она поддерживает в Демойте бодрость духа. По его мнению, когда вокруг шум и гам, перестаешь углубляться в собственные горести.

– Несносный старикан. Глупости все это, – отрезала Нэн. Мор симпатизировал Демойту.

– Поскорее бы Фелисити приехала, – произнес он.

– Не тверди все время одно и то же. Можно у тебя взять ложечку для мороженого? Я свою в подливке испачкала.

– Мне пора в школу. – Мор взглянул на часы.

– Ты поел, но это не означает, что завтрак закончен. Еще не пятнадцать минут третьего, колокол не зазвонил. И нам надо поговорить с Фелисити о ее будущем, ты не забыл?

– А надо ли? – спросил Мор. Эта реплика была своего рода провокацией, от которой он не мог удержаться и на которую Нэн всегда ловилась. Часть повторяющейся схемы. Его грешок.

– Что значит «надо ли»? – Нэн умела спросить так, что ответ извергался из Мора сам собой.

– «Надо ли» значит, что я не знаю, *что* по этому поводу думать. – Он ощутил внутри холодок, обычно предшествующий раздражению.

– Не беда, я знаю. Наши финансы и ее способности порядком ограничивают выбор, тебе не кажется? – Она посмотрела на Мора в упор. И снова не избежать ответной фразы.

– Давай подождем немного. Фелисити и сама еще не разобралась в своих намерениях. – Мор знал – Нэн может часами продолжать в таком же духе и при этом оставаться совершенно

спокойной. Никакие доводы его не спасут. Рассердиться – вот его единственная, по-настоящему действенная защита.

– У тебя привычка считать, что люди не знают чего хотят, если они не хотят того, чего хочешь ты, – заметила Нэн. – Ты смешон, Билл. Фелисити, конечно же, мечтает бросить школу. И если в следующем году она все же поступит на эти курсы машинисток, то уже сейчас нам надо подумать о средствах.

– Я не желаю, чтобы Фелисити стала машинисткой.

– Но почему? Если повезет, она может сделать приличную карьеру. Стать секретаршей у какого-нибудь состоятельного мужчины.

– Я не хочу, чтобы она стала секретаршей у состоятельного мужчины. Я хочу, чтобы она сама стала состоятельной женщиной и чтобы у нее самой был секретарь.

– Ты витаешь в облаках, Билл. Дети у нас совсем не вундеркинды, а ты их убеждаешь в обратном и уже тем самым делаешь несчастными. Втянул Дона в историю со сдачей экзаменов, ну так успокойся на этом. И если бы ты наш брак воспринимал более ответственно, то старался бы быть реалистом. Почувствуй же хоть немного ответственности за детей. Я знаю, насчет себя ты строишь разные несбыточные планы. Но хотя бы ради детейними розовые очки.

Мору стало не по себе. Выражение «наш брак» всегда резало его слух. Потому что всплывало всегда в связи с каким-нибудь неприятным замыслом, в правильности которого Нэн тут же начинала его убеждать. Он сделал над собой усилие:

– Может, ты и права. И все же я думаю, мы должны подождать.

– Я, несомненно, права.

Последняя реплика эхом отозвалась в голове Мора. Он все время боялся, что в пику безапелляционности Нэн и сам станет излишне категоричным. И он попробовал заговорить о другом:

– Ты сделала перестановку в комнате Фелисити. Но понравится ли ей?

Нэн любила переставлять мебель. Ее стараниями все в доме постоянно двигалось, смешалось, ничья собственность не уважалась, ничьи взгляды, ничьи привычки не учитывались: таким образом удовлетворялось, или так Мору казалось, желание Нэн ощутить себя полновластной хозяйкой в доме. За долгие годы он привык к этой нескончаемой кутерьме, но пренебрежение желаниями детей его обижало.

О другом Нэн не пожелала говорить.

– До чего же ты простодушен. По-твоему, все реакционеры считают женщин тупыми, а прогрессисты, наоборот, умными! На такой сентиментальный феминизм у меня нет времени. А вот ваш обожаемый Эверард ему очень привержен. Я тебе не рассказывала, он уговаривает меня произнести речь на этом глупом обеде.

В честь вручения школе портрета Демойта должен был состояться торжественный обед, дату еще не определили.

– Да, он мне говорил. Надеюсь, ты согласишься. У тебя наверняка хорошо получится.

– Нет, не хочу. Ну зачем и мне, и тебе строить из себя дурачков? Я и Эвви сказала. Ох и глуп же он. Мужчины его поколения буквально напичканы возвышенными идеями насчет эмансипации женщин. Но если он представляет себе свободное общество в виде женщины, произносящей речь на торжественном обеде, то пусть поищет кого-нибудь другого. Он попросил меня «обдумать». Но я лишь рассмеялась. Да он просто смешон.

– Но ты должна попытаться. Вот ты жалуешься на замкнутость нашей жизни, но при этом не пытаешься ничего изменить, внести в нее что-нибудь новое, другое.

– Если ты думаешь, что из-за дурачеств на каких-то там глупых обедах моя жизнь станет, как ты прелестно выразился, менее замкнутой, то могу тебя поздравить – попал пальцем в небо.

Над деревьями поплыл колокольный звон. Пятнадцать минут третьего. Начало первого послеполуночного урока.

– Мне не нравится, что ты забросила немецкий. Давно уже ничего не учишь, разве не так?

Когда-то Мор тешил себя надеждой, что в силах расширить ее кругозор. В сообразительности Нэн он никогда не сомневался. И все надеялся отыскать в ней какой-нибудь талант. Дом был завален кучей книг, намекающих на области, которыми он пытался заинтересовать жену: французские грамматики, грамматики немецкие, книги по истории, биографии, альбомы репродукций, была даже гитара, на которой Нэн какое-то время брэнчала, но так и не научилась играть. Нэн любила сокрушаться по поводу собственной бесталанности и в то же время совершенно не пыталась взяться за дело серьезно, это огорчало Мора. Она намеренно выбрала именно его в посредники между собой и миром и потом на него за это же сердилась. Знакомых у нее было мало, и из занятий только домашняя работа.

– Не зли меня. У тебя нет урока в два пятнадцать?

– У меня «окно», но надо пойти проверить тетради. Вот, кажется, и Фелисити?

– Это молочник. Кофе выпьешь?

– Возможно.

– Если не особо хочешь, не наливай, кофе стоит дорого. На самом деле, тебе ведь все равно, учу я немецкий или нет. Бредни, которыми тебя потчует Тим Берк, вот что тебе интересно. По-твоему, именно я, такая ограниченная, мешаю тебе сделаться в конце концов премьер-министром!

Тим Берк был ювелиром, старинным другом семьи. Попутно занимал кресло председателя местного отделения лейбористской партии и уговаривал Мора стать их депутатом в парламенте. Тут открывались любопытные перспективы. Мора глубоко занимала эта идея.

– Я еще всерьез не задумывался, но вижу, что ты *уже* напугана. – Он и не предполагал, что несогласие жены с его планами может так обижать его. Но во всем этом еще предстояло разобраться.

– Напугана! Ну и словечко ты нашел! Да я просто трезво смотрю на вещи. Я не хочу, чтобы над нами потешались. Милый мой, я все понимаю, это очень заманчиво, Лондон и все такое, а на деле все обернется вот чем – крохотное жалование, гигантские расходы и никаких гарантий. Чтобы быть членом парламента, надо иметь постоянный источник доходов. Ты же хочешь объять необъятное. Отправить Фелисити в дорогую школу – твоя придумка. Послать Дона в Кембридж – тоже захотел ты.

– Он будет получать вспомоществование от здешней администрации, – пробормотал Мор. В настоящую минуту он не хотел вступать в спор. Предпочитал побереечь энергию.

– Ты не хуже меня знаешь, – продолжила Нэн, – что вспомоществование от администрации – это капля в море. Он мог бы поработать у Тима. Мог бы попутешествовать, посмотреть мир. А в Кембридже он одному лишь научится – подражать богатеньким приятелям.

– Его заберут в армию.

Убедив Дональда готовиться к поступлению в университет, Мор одержал победу, что случалось нечасто в его жизни. И вот с тех самых пор и расплачивался за эту победу.

– Беда в том, Билл, что, несмотря на все свои громогласные лейбористские декларации, в душе ты просто сноб. Ты мечтаешь, чтобы твои дети стали «леди и джентльменами». Но, не говоря уже о деньгах, ты, увы, просто не из того теста, из которого получаются общественные деятели. Пиши свой школьный учебник, так будет лучше.

– Я уже объяснял – это не учебник. – Мор писал книгу о природе возникновения политических идей. Писал уже несколько лет, работа продвигалась медленно. Но ведь у него так мало свободного времени.

– Ну, не сердись. Зачем сердиться. Что не учебник, это жаль, конечно. На учебниках можно неплохо заработать. А если мы срочно не достанем откуда-нибудь денег, то придется поумерить аппетиты. О каникулах на континенте останется только мечтать. Даже наш скром-

ный отдых в Дорсете по сути своей будет испорчен, особенно если мы с Фелисити уедем прежде, чем закончится учебный год.

– Нэн, бога ради, перестань! Хватит о деньгах! – Мор встал. Ему уже давно пора быть в школе.

– Когда ты вот так со мной разговариваешь, Билл, я перестаю понимать, зачем мы вообще продолжаем жить вместе. Я думаю, может, нам развестись? – Нэн время от времени повторяла эту фразу, всегда спокойным, бесстрастным тоном, избранным ею для споров с мужем. Это тоже была часть ритуала. Настал черед реплики Мора.

– Не говори чепухи, Нэн. Прости, что своими словами тебя огорчил.

Сцена изменилась моментально. Нэн встала, и они вместе начали убирать со стола.

Из прихожей донесся какой-то звук.

– Фелисити! – воскликнул Мор и быстрым шагом прошел мимо жены.

Фелисити закрыла за собой дверь и поставила чемоданчик на пол. Родители смотрели на нее, остановившись в дверях столовой.

– Здравствуй, детка, – сказала Нэн.

– Привет, – ответила Фелисити.

Ей было четырнадцать лет. Тоненькая, стройная, для своего возраста довольно рослая, с очень светлой кожей, к лету имевшей обыкновение покрываться щедрой россыпью золотистых веснушек, с чуть выпуклыми глазами, которым было присуще вопросительно-изумленное выражение. Глаза у нее были материнские, синие, но при этом к синеве примешивался еще какой-то неуловимый затуманивающий синеву оттенок. У Нэн были темно-русые, от природы волнистые волосы. У Фелисити – такого же цвета, но светлее и невьющиеся, собранные сейчас в конский хвост, торчащий из-под школьной шапочки. От отца она ничего не унаследовала. Дон, вот кто получил и темные, жесткие, курчавые волосы Мора, и его костистое лицо с чертами неправильными до некрасивости.

Фелисити сдернула шапочку и метнула ее в направлении столика. Шапочка упала на пол. Нэн подошла, подняла шапочку и поцеловала дочку в лоб.

– Как занятия, детка, все благополучно?

– Ничего, нормально.

– Привет, старушенция, – улыбнулся Мор, похлопав дочь по плечу.

– Привет, папа. А Дон здесь?

– Нет, доченька, но завтра придет наверняка, – ответила Нэн. – Ты проголодалась? Я приготовлю завтрак.

– Я не голодная, – ответила Фелисити, берясь за ручку чемодана. – Ничего, папа, не волнуйся, я отнесу сама.

– Что ты собираешься делать вечером? – спросила Нэн.

– Я же только что приехала. Еще не знаю.

Она начала подниматься по лестнице. Родители молча смотрели ей вслед. Через минуту наверху громко хлопнули дверью.

Глава 2

Был светлый, тихий вечер. Затворив двери шестого класса, Мор широким шагом прошел по коридору. За дверью тут же загалдели. Он только что провел урок истории на классическом отделении. Дональд тоже учился в шестом, но на естественно-научном отделении, и вот уже два года как выбыл из числа учеников Мора, к величайшему облегчению последнего. Мор преподавал в Сен-Бридж историю, а если требовалось, то и латынь. Он любил свою профессию и знал, что обладает педагогическим талантом. В школе его уважали. А с уходом Демойта стали уважать еще больше. И сознание этого в какой-то степени вознаграждало его за все неудачи в других «департаментах» жизни.

Выйдя из застекленных дверей главного корпуса и окунувшись в теплый солнечный свет, он почувствовал себя вполне довольным, частью оттого, что урок прошел хорошо, частью от предвкушения приятного вечера. В обычные дни между окончанием занятий и ужином повисала томительная пауза, которую приходилось чем-то заполнять – чтением, проверкой тетрадок, бестолковыми разговорами с Нэн. Обычно это было самое бесполезное время дня. Но сегодняшний вечер сулил живую, захватывающую беседу с Демойтом в его восхитительном доме. Если потороплюсь, думал Мор, то успею, прежде чем явится Нэн, выпить с Демойтом пару бокалов хереса. Нэн взяла за правило приходить позже, что неизменно сердило Ханди. Несомненно, будут вино и закуска. Нэн вообще-то не употребляла алкоголя, да и Мор позволял себе выпить лишь изредка, отчасти из-за того, что был воспитан в традициях трезвости, отчасти из соображений экономии, но с Демойтом или с Тимом иногда выпивал, хотя при этом почему-то всегда испытывал чувство вины.

Демойт жил в трех милях от школы, в роскошном георгианском доме, именуемом «Брейлингское Подворье».

Этот дом он приобрел во времена своего директорства и его же намеревался отписать школе в своем завещании. Он наполнил дом сокровищами, среди которых выделялись старинные восточные ковры – предмет особой гордости Демойта. Он даже написал монографию на тему восточного ковроткачества, небольшую, но очень толковую. Демойт был истинным ученым. И Мор, которого природа наделила талантом учителя, но никак не ученого, без всякой зависти, искренне восхищался его недюжинным умом. А в сильный, независимый характер и великолепное чувство юмора был, можно сказать, влюблен; к тому же и Демойт чрезвычайно благоволил к Морю. Мор частенько задумывался, что окажись Демойт в стане противника, это было бы очень и очень хлопотно. Долгое пребывание Демойта на посту директора знаменовалось постоянными стычками с учительским коллективом. И о времени его директорства до сих пор упоминали не иначе как об эпохе «террора». Чувство, что ты надежно укрепился на своем месте, было в те времена для учителей Сен-Бридж роскошью, которой Демойт ничтоже сумняшеся их лишил. Как только в работе того или иного преподавателя случались погрешности, Демойт тут же начинал хлопотать о его увольнении. А уж если Демойт брался за осуществление чего-либо, то быстро добивался своей цели.

С Демойтом было трудно ужиться, но и с должности снять не так-то просто. Когда пришел возраст выхода на пенсию, он убедил правление продлить срок его директорства еще на пять лет. Но и это время истекло, а он все продолжал возглавлять школу и ушел только в результате сильнейшего нажима, после того как школьный инспектор обратился в арбитраж. Лет десять назад Мор стал доверенным лицом Демойта, его правой рукой, посредником между директором и учительским коллективом и сначала неофициальным, а после уже и общепризнанным заместителем Демойта. Исполняя свои обязанности, Мор понимал, что наслаждается близостью к абсолютной власти, не испытывая при этом никаких угрызений совести за послед-

ствия. Он смягчал бремя тирании, будучи в то же время ее орудием и нередко вкушая сладость ее плодов.

Демойт хотел, чтобы Мор стал директором после его ухода. Но поскольку Сен-Бридж принадлежал англиканской церкви, то и кандидат на место главы школы должен был, так требовало правление, хотя бы номинально быть англиканцем. Этому пункту Мор не соответствовал, и буря, разыгравшаяся ради того, чтобы в школьном уставе изменили параграф о вероисповедании, окончилась ничем. Наверняка вначале Демойт строго придерживался буквы устава относительно веры, но ко времени прихода Мора ортодоксальность директора успела поизноситься, превратившись в вежливый, но непоколебимый консерватизм. В годы правления Демойта Закон Божий, в сущности, не преподавался, если не считать избитых сведений и пения древних и новых псалмов. И мальчики знакомились с религией во многом так же, как с вопросами пола, собирая нескромные сведения из каких попало книжек. О чем заботился Демойт, так это о профессионализме в работе. Его подчиненные обязаны были *взрачивать* молодую поросль, а за неумение взрачивать их ждало увольнение. И с каждым годом жертв на школьном судне, именуемом Сен-Бридж, становилось все больше, процесс выбраковки шел постоянно. Что касается морали и тому подобных высоких материй, Демойт считал, что если школяр успеваешь в латыни, то уж точно не станет негодяем.

Совсем иные взгляды исповедовал преемник Демойта, преподобный Джайлз Эверард, к которому Демойт относился с нескрываемым презрением и всегда, упоминая о нем, прибавлял «бедняга Эвви». Воспитание характера – вот что было ближе всего сердцу Эверарда, а успехи в латинской прозе и поэзии он считал как раз задачей второстепенной. Первым делом новый руководитель изменил учебный план, потому что именно в этом документе ярче всего отражалось увлечение Демойта «звездными» учениками. А появлением нового плана как бы провозглашался *новый* Сен-Бридж, обещающий сосредоточить свои усилия не на пестовании вундеркиндов, а на воспитании *всех* учащихся в духе высокой нравственности, в том числе посредственных и даже откровенно тупых. Демойт с гневом и неприязнью следил за этими нововведениями.

Нэн всегда прохладно относилась к Демойту. Может, потому, что Демойт прохладно относился к ней; впрочем, как догадывался Мор, в любом случае эти двое не смогли бы стать друзьями. Нэн не терпела эксцентричности, которую раз и навсегда обозвала кривлянием. Наверное, она и мысли не допускает, размышлял Мор, что есть люди, полностью от нее отличающиеся. Помимо всего прочего, Нэн настороженно относилась к одиноким особам обоего пола, видя в их неустроенности нечто нездоровое и угрожающее. И с особым подозрением она относилась к Демойту, за долгие годы одиночества ставшему, так сказать, холостяком в квадрате. Демойт был страстным спорщиком и в редких случаях жертвовал остроумием в пользу такта. С одной стороны, по своим привычкам он был как бы консерватором, но, с другой стороны, гражданские институты громил на чем свет стоит. И в том числе, разумеется, институт брака. В священном домашнем уединении Нэн частенько позволяла себе выражение «наш брак», но касаться этой области отношений в компании посторонних, в общих чертах или в деталях, считала недопустимым. А где начиналась область обитания «посторонних»? Да тут же, за порогом ее дома. Демойту такая шепетильность была чужда. И он то и дело приводил Нэн в смятение своими колкими замечаниями на тему семейной жизни. «Семейная пара – это опаснейший механизм!» – говаривал он, поднимая палец и наблюдая за выражением лица Нэн. «Брак есть выражение эгоизма, благоустроенного, да еще и санкционируемого обществом. Семейному человеку ох как трудно войти в Царствие Небесное!» А однажды после какой-то его особенно острой реплики, когда Мор вступился за Нэн, Демойт, можно сказать, выгнал обоих из дома, да еще и прокричал вслед: «Вы можете мириться друг с другом, но я с вами мириться не обязан!»

После этого Морю лишь с величайшим трудом удавалось убедить Нэн ходить вместе с ним на обеды к Демойту. Но в глубине души он понимал – если бросить уговоры и начать ходить одному, враждебность Нэн к Демойту удвоится. И она сделает все, чтобы положить конец этой дружбе. Поэтому они ходили в гости вдвоем, но на обратном пути Нэн всякий раз давала волю своей язвительности. Вяло соглашаясь с жениными комментариями, Мор оправдывал свое мелкое предательство тем, что таким образом предотвращает более чувствительную для его самолюбия капитуляцию. Нэн соглашалась терпеть Демойта, но при условии, что Мор присоединится к ее неприязненному мнению. И чтобы умиротворить жену, Мор присоединился, при этом не переставая мысленно бичевать себя за малодушие.

Мор прошел по асфальтированной площадке, по привычке стараясь не смотреть на окна классных комнат, за которыми все еще шли уроки. С некоторым разочарованием он вспомнил, что сегодня Демойт будет не один. Мор иногда заезжал на Подворье поздно вечером, уже после ужина. Но почему-то особенно драгоценны были для него короткие встречи перед обедом, когда, вырвавшись из тусклых школьных стен, он от души наслаждался отдыхом в необыкновенной гостиниой Демойта. Мор радовался, когда к Демойту приходили гости, и вместе с тем ему нравилось встречаться со стариком наедине. И если он успевал приехать к шести, то обычно так и получалось. Но сегодня вечером эта художница, мисс Картер, наверняка будет там. По отношению к этой молодой особе Мор испытывал какое-то смутное любопытство.

Несколько месяцев тому назад умер ее отец и газеты запестрели некрологами и хвалебными отзывами о его картинах, а в этих заметках часто упоминалась и дочь. Кажется, она слыла талантливой. Эверард поделился впечатлением о ней, но ему, как выразилась Нэн, в том, что касается женского пола, доверять, в общем-то, было нельзя. Мысли о девушке улетучились как облачко, и Мор вновь задумался о Демойте.

Демойт и Тим Берк всегда были противниками в области политических взглядов. Но несмотря на это, Демойт поддерживал, к удивлению Мора, планы Тима – выдвинуть его, Мора, кандидатом от лейбористов. «Вреда от вас не будет, – говорил он Морю, – потому как, что бы вы там, в Вестминстере, ни делали, страной все равно управлять не вам, зато себе пользу принесете, вырветесь из этой проклятой рутины. Быть на побегушках у Эвви – жалкая роль, а больше вас здесь ничего не ждет. Мне думать больно об этом. Это так несправедливо». В последнем пункте Мор целиком соглашался с Демойтом. Но ему не хотелось, чтобы нынешним вечером, в присутствии Нэн, Демойт заговорил об этих планах, и поэтому надо успеть его предупредить. Ведь если Демойт голосует за, то Нэн тут же, по привычке, голосует против.

Гараж, где стояли учительские велосипеды, представлял собой ветхое деревянное строение, оплетенное вьюнком, скрытое в густых зарослях, именуемых «учительским» садиком. И существовал параграф в «Правилах поведения школьника», запрещающий ученикам приближаться к этому участку. От гаража вела усыпанная гравием и поросшая сорняками тропинка. По ней можно было проехать к площадке, на которой стоял новенький «остин» Эверарда и громадный дряхлый «моррис» Пруэтта. Мор отыскал свой велосипед, проехал по чуть бугристой дорожке между деревьями; затем, одолев площадку, подъехал к воротам, за которыми в нескольких шагах чернела гладкая лента асфальтового шоссе. Автомобили мчались в обоих направлениях, и Морю пришлось ждать. Наконец он перебрался на другую сторону и поехал по склону вверх, к железнодорожному мосту. Подъем был довольно крутой. Как обычно, он дал себе приказ – одолеть подъем единым махом, не сходя с велосипеда. И, как обычно, пришлось сделать передышку. Наконец он добрался до вершины и начал спускаться.

И вот вдалеке между деревьями замелькало Подворье. Отсюда, с этого места дороги, казалось, что дом стоит в полнейшем уединении. Городок на мгновение скрылся за мостом, а возвышающийся по другую сторону полей, возле проходящей параллельно дороги, торговый центр еще не успел показаться. Величественно-меланхолический дом Демойта вырисовывался как на картине. Точно таким же был этот дом в те времена, когда в экипажах, через грозящие

нападением разбойников вересковые пустоши, сюда наезжали из Лондона гости, привозя провинциалам известия о последнем театральном триумфе Гаррика и новейшие остроты Доктора.

Еще раз переждав на обочине, Мор переехал на другую сторону и свернул на ведущую к дому, окаймленную старыми вязами аллею. Трухлявые вяза давно уже были угрозой для проходящих и проезжающих под ними, но Демойт отказывался их выкорчевывать. «Пусть Эбби корчует после моей смерти, – отвечал он. – Я завещаю ему это удовольствие. У него в жизни так мало радостей».

Длинный фасад дома, выстроенного из розоватого кирпича, украшали четыре эркера. Гости, идущие по аллее, могли видеть широкий, снабженный каменным фронтоном подъезд. Но чтобы оказаться возле дверей, предстояло еще объехать обширный квадратный газон. Продолав это, Мор оставил велосипед у стены бывшего каретного сарая и направился к дверям. Почувствовав, что за ним наблюдают, он поднял голову и в окне над парадным входом увидел мисс Хандфорт. Приветливо помахал ей. Мор был из числа любимцев Ханди.

Мисс Хандфорт встретила его в вестибюле, спустившись по витой лестнице с топотом, от которого затрясся дом. Это была крепкая, властная женщина средних лет, с лицом льва и поступью носорога. В свое время она преподавала в начальных классах.

– Привет, – произнес Мор. – Как дела, Ханди? Как его светлость?

– Еще более ленив и несносен, чем обычно, – зычным голосом доложила мисс Хандфорт. – Вы, как всегда, пришли слишком рано, но ничего страшного. – Ханди никогда не называла людей по именам. Во время разговора она то и дело покашливала. – Подхватила какую-то ужасную простуду, хотя, как это меня угораздило в такую погоду, ума не приложу. Может, это сенная лихорадка, но сено ведь уже убрали, впрочем, кто его знает. Если хотите умыться, идите, не стесняйтесь, дорога вам известна. Сегодня лучше воспользоваться туалетной комнатой на первом этаже, если вам угодно. Его величество сейчас наряжается, а юная особа – в гостиную, если хотите знать. Ну как хотите, ступайте к старикану, если вам так угодно. А мне надо на кухню, обед на плите.

После чего, кашляя и чихая, мисс Хандфорт скрылась за обитой зеленым сукном кухонной дверью. А Мор проделал описанный ею путь к умывальнику и попытался отмыть руки. От износившейся резины велосипедного руля ладони сделались черными. Мылу грязь уступать не хотела, зато охотно перешла на полотенце. Тон, каким мисс Хандфорт упомянула о госте, недвусмысленно намекал, что домоправительница относится к постоялице не очень дружелюбно. Поэтому и Мор, махнув рукой на приличия, пошел наверх и постучал в дверь гардеробной. Изнутри донеслось какое-то ворчание.

– Можно войти, сэр?

– Нет, – раздался голос. – Уходите. Вы дьявольски рано притащились. Три минуты назад я еще спал. И вот теперь надо что-то решать относительно брюк. Не являться же перед вами в кальсонах. Там внизу, в гостиной, очаровательная леди.

Мор медленно побрел вниз. По дороге зачем-то поправил галстук. Остановившись у двери гостиной, он посмотрел вдаль, туда, где комнаты, идущие одна за другой, сходились в перспективе на дверях кухни, в которых стояла Ханди и, по всей видимости, прислушивалась. Мор пожал плечами. Этот жест мог означать что угодно. В ответ Ханди тоже пожал плечами и звучно втянула носом воздух. Что она хотела этим сказать, Мор не понял. Он вошел в гостиную и тихо притворил дверь.

В комнате, наполненной желтоватым вечерним светом, три высоких окна были широко распахнуты. Гостиная находилась в торцевой части дома. Окна ее выходили на лужайку, отгороженную сложенной из крупных камней стеной от ведущей к парадным дверям дорожки. В глубине лужайки темнела густая тисовая изгородь, украшенная каменной аркой с железной калиткой, ведущей на следующую лужайку, которую из окон гостиной нельзя было разглядеть. Эту лужайку со всех сторон окаймлял широкий цветочный бордюр. С нее ступеньки вели к

расположенной на возвышении третьей лужайке. По обеим сторонам ступенек росли подстриженные кусты остролиста. А по верху обсаженного вьющимися растениями склона шла изгородь из самшита, как бы подчеркивающая разницу уровней. На этой третьей лужайке цвели розы, а за ними начиналась шелковичная аллея. Еще дальше стеной стояли высокие деревья, в просветы которых зимами гляделись красные крыши домов. Но летом ничего нельзя было разглядеть, разве что в одном месте, где зеленую стену разрезал указующий перст башни Сен-Бридж.

Гостиная была пуста. Мор почувствовал себя спокойнее. Он вновь поправил галстук и осторожно опустился в кресло. Эта комната ему нравилась. В его собственном доме, несмотря на пылкое старание Нэн подобрать всю обстановку по цвету и стилю, ощущения гармонии не возникало. Предметы оставались замкнутыми в себе, их форма и цвет никак не проявлялись. А здесь, в этой переполненной небрежно расставленными вещами комнате, все объединялось в вихре красного и золотого, и каждая вещь, отдавая дань целому, еще ярче проявляла свою индивидуальность. На полу лежал драгоценный ферганский ковер, наполовину скрытый под слоем плотно уложенных поверху маленьких ковриков, не менее прекрасных. Мебель стояла без всякого склада и лада, обеспечивая лишь одно – обилие ровных поверхностей, на которых теснились чашки, кубки, вазы, шкатулки вперемешку с фигурками из слоновой кости, нефрита, черного и желтого янтаря и агата. Вышитые подушечки громоздились на стульях и креслах в таком количестве, что толком и присесть было негде. Стены были оклеены бело-золотыми обоями, но являлись взгляду лишь фрагментами меж развешенных под различными углами, переливающихся, подобно шерсти сказочных животных, ковров. Мор прикрыл глаза. Формы предметов расплылись. Но теперь цвета с большей силой проникали в него. Он почти заснул.

И вдруг очнулся, словно от неожиданного толчка. В глубине комнаты на столике стояла на коленях *женщина*. Он не заметил ее раньше, не только потому, что цвет одежды сливался с фоном, но и потому, что не ожидал увидеть кого-то здесь, в этой точке пространства. Она стояла спиной к нему, поглощенная, по всей видимости, изучением висящего на стене ковра.

– Простите! – вскочил Мор. – Я вас не заметил!

Она резко обернулась, столик накренился и едва не опрокинулся вместе с ней, но она успела спрыгнуть, хотя и очень неловко. Мор устремился вперед, чтобы поддержать ее, но она уже вскочила на ноги.

– Вы меня испугали. Я не слышала, как вы вошли.

Они смотрели друг на друга. Мор увидел, что она очень маленькая, совсем юная, у нее короткие, по-мальчишески подстриженные черные волосы и очень румяные щеки, что на ней черная хлопчатобумажная блузка и цветастая красная юбка, что на шее бусы из больших красных шариков. И в тот же миг он будто увидел себя ее глазами: господин средних лет, с унылым лицом, уже начинающий седеть.

– Меня зовут Рейн Картер, – представилась девушка.

– А меня – Уильям Мор. Извините, что напугал вас.

– Не беспокойтесь. Я просто слишком увлеклась изучением ковра.

В ее интонациях промелькнула забавная важность.

– Это одно из сокровищ мистера Демойта, – пояснил Мор. – Кажется, ширазский.

Какая же она маленькая, подумал он, совсем ребенок. Может, Эвви и в самом деле прав. Глаза темно-карие, живые. Нос несколько широковатый, вздернутый. Довольно приятное лицо.

– Вы не ошиблись, ширазский, – отозвалась мисс Картер. – Как непостижимо сочетаются краски на ковре, вы обратили внимание? Каждая частичка переливается присущим только ей оттенком, а потом они сливаются в единый для всей поверхности цвет, точнее, в единый розоватый отблеск. – Она говорила наставительно и так важно, словно читала лекцию, и Морю это показалось и трогательным, и вместе с тем чуточку смешным. Интересно, она и в самом

деле талантливый художник? Он протянул руку к ковру и осторожно притронулся к гладкой поверхности.

Мор хотел что-то ответить, но тут вошел Демойт. Мор оглядел его с некоторым удивлением. В это время дня старик обычно появлялся в старой, усыпанной табаком рыжей вельветовой куртке и в несколько помятом галстучке-бабочке. Но сейчас он предстал в сером элегантном костюме, который надевал, насколько Мор знал, лишь по праздникам, и в строгом галстучке. Да еще в чистой сорочке. Наклонив голову, он не вошел, а как бы неожиданно вонзился в пространство комнаты. Годы ссутулили его спину, но он по-прежнему был высок ростом, и голова его была почти до смешного велика для ветшающего тела. И нос с возрастом тоже укрупнился. На испещренном морщинами сухом старческом лице ярко голубели глаза. Редкие седые пряди плотно прилегали к черепу, обнаруживая его шишковатость.

– Что я вижу! – возопил Демойт. – Вы не предложили мисс Картер вина? Деревенщина вы, Мор! Простите нам, мисс Картер, нашу неотесанность, уж такая у нас здесь жизнь. Я налью вам хересу. – И тут же взялся за бутылку.

– Спасибо, но я не осуждаю мистера Мора. Он лишь минуту назад разглядел меня. А вначале принял за орнамент на ковре. – С Демойтом девушка говорила чуть поживее, чем с Мором. И Мор это отметил. Хотя в ее английской речи не чувствовался акцент, все же закрадывалась мысль, что это не ее родной язык. Мору припомнилось, что мать у нее француженка.

– И неудивительно, дорогая, – ответствовал Демойт, – ведь вы и в самом деле прекрасны, как цветок, как птица, как антилопа. – С этими словами старик изысканным жестом вручил девушке бокал.

И тут в дверях появилась мисс Хандфорт.

– Обед готов, – провозгласила она, – чего не скажешь о вас.

– Ступай, Ханди, – буркнул старик, – еще не время. Похоже, всем хочется как можно быстрее отправить этот вечер в прошлое. А между тем прекрасная половина мистера Мора все еще не явилась.

– Ну хорошо, так что же делать с обедом? Пусть кипит дальше до полного уничтожения или выключить и подать уже холодным? Мне все равно, хоть так, хоть этак, но вы мне дайте указание.

Раздался стук в дверь, и в холл вошла Нэн. Мор увидел ее голову, неожиданно возникшую поверх плеча мисс Хандфорт.

– Нэн! – воскликнул он так, будто хотел оградить ее от враждебности этого дома. Он поспешил в холл и помог ей снять пальто, чего ни Демойт, ни мисс Хандфорт никогда не делали. Потом, взяв за руку, привел в гостиную. Нэн постаралась, как она сама любила выражаться, ради общества: на ней было элегантное черное платье, а на шее жемчужное ожерелье, купленное Мором по сниженной цене у Тима Берка в честь какой-то годовщины свадьбы. Ее волнистые, безупречно уложенные волосы обрамляли белый овал лица, гладкого, напудренного ровным слоем, от чего еще заметнее стал крупный рот и глаза, наблюдательные, все оценивающие, не собирающиеся сдавать свои позиции. Высокая, привлекательная женщина, хорошо одетая, уверенная в себе. Такой она предстала перед собравшимися. Мор глядел на нее с одобрением. В любом конфликте с внешним миром Нэн, несомненно, надежный союзник.

– Нэн, разреши представить тебе мисс Картер, – вместо молчащего Демойта произнес Мор. – Мисс Картер, позвольте представить вам мою жену.

Женщины с улыбкой поприветствовали друг друга. И Нэн, как всегда, отказалась от бокала хереса, который Демойт, как всегда, предложил ей.

– Итак, как я уже сказала, угощение готово, – по-прежнему стоя в дверях, повторила мисс Хандфорт. – Если дамы хотят привести себя в порядок, дорогу они знают. Мне же пора нести суп.

– Да будет тебе, Ханди, – отмахнулся Демойт. – Дай нам допить и не дергай дам.

Нэн и мисс Картер все же воспользовались предложением и удалились, а мисс Хандфорт промаршировала на кухню. Мор посмотрел на Демойта. Демойт, в свою очередь, смотрел на Мора, поблескивая глазами и морща нос. Судя по этим признакам, старика явно что-то рассмешило. Просто его рот, как всегда, с некоторым опозданием подхватывал возникшую в глазах усмешку.

– Что за фантастический наряд, сэр? – удивился Мор, указывая на костюм.

– Тише! – заговорщицки произнес старик. – Да будет вам известно, я отдан на растерзание этой девчонке. Вы просто не представляете, что я пережил за последние сутки! Она требует, чтобы я показывал ей фотографии родителей, свои детские фотографии, студенческие фотографии. Ей необходимо знать, что я пишу. Не постеснялась спросить, веду ли я дневник. Такое впечатление, будто в доме поселился психоаналитик. Это не девица, а прямо какой-то паровой молот! А глядя на нее, не скажешь, правда? Ну так вот, я ей не дамся. Я ее направлю по ложному следу. Этот наряд – часть моего замысла. Тшш, возвращаются! – И все направились в столовую.

Вот уже и десерт подали. Нэн сосредоточенно разрежала грушу, а мисс Картер изящно отщипывала маленькие виноградинки от кисти. Мор наслаждался портвейном. Демойт сидел во главе стола, Мор – напротив, а между ними, по обеим сторонам стола, сидели дамы. Предсказание Нэн сбылось – в тот вечер мисс Хандфорт отодвинули на обочину. При этом она все же возвышалась над столом, словно башня, часто наклонялась, делала какое-то замечание, время от времени чихала и дышала гостям в затылок.

– Я попросил старину Бладуарда почтить своим визитом наше общество, – произнес Демойт, – но он нашел отговорку, скорее всего фальшивую. Мисс Картер, вы еще не знакомы с Бладуардом?

Бладуард преподавал в Сен-Бридж изобразительное искусство и слыл чудаком.

– Очень хочу с ним познакомиться. Я видела кое-какие его работы. Талантливые.

– Неужели? – удивился Мор. – А мне казалось, он ни одной картины не написал.

– Ну почему же. Я видела три прекрасно выполненных пейзажа. Но, насколько мне известно, у него есть теория, как бы запрещающая ему заниматься живописью?

– О, теорий у него множество, – вступил в разговор Демойт. – Они ему и нужны-то, чтобы оправдать собственный творческий крах. Так мне кажется. Но, вообще, человек он неплохой. В нем есть основа. А вот бедняга Эвви вскоре наводнит школу своими благочестивыми фантомами. И вам тоже пора становиться на путь благочестия, не то, не ровен час, обвинят в отступничестве, – заметил старик Мору.

Испугавшись, что Демойт сейчас затронет опасную тему «пути благочестия», Мор поспешно сказал: «В четверг я завтракаю у Эверарда. Надеюсь, мисс Картер, вы тоже? Думаю, и Бладуард будет приглашен». Он выпалил эту фразу и тут же пожалел, потому что вспомнил, что Эверард неизменно допускает грубую бестактность – его, Мора, приглашает, но забывает пригласить Нэн. Сегодня в полдень Эверард уже пригласил его, и он, не подумав, согласился. Нэн со стуком положила нож и отпила воды.

– У Эвви вам вина не подадут, – заметил Демойт. – Так что заправляйтесь сейчас. Мисс Картер, вам налить? А вам, миссис Мор? Поглядите, мисс Картер пьет беспрерывно как рыбка и все же трезвее нас всех.

Мор тоже это заметил.

Оставив шутку без внимания, девушка произнесла серьезным тоном:

– Я всего лишь раз видела мистера Эверарда. И с радостью с ним встречусь вновь.

– Вот оно как! – воскликнул Демойт. – И как вы себе представляете нашего горемычного Эвви, ну-ка, расскажите! А мы послушаем! – И старик подмигнул Мору.

Мисс Картер помолчала. Изучающе глянула на Демойта.

– У него хорошее открытое лицо, – решительным тоном заявила она. – Он явно человек добродетельный. А это достоинство, причем редко встречающееся.

Старик как бы опешил на минуту. Мор насмешливо посмотрел на него.

– Маленькая пуританка! – вскричал Демойт. – Этак вы всех нас подвергнете суровому суду! Давайте-ка я подолью вам вина.

– Нет, мистер Демойт, благодарю. Конечно, человек открывается не сразу, и я говорю лишь о первом впечатлении. А вы как думаете, миссис Мор?

Мор затаил дыхание. Какой дерзкий вопрос. Только бы Нэн не лягнула чего-нибудь обидного.

– Если честно, – сказала Нэн, – я считаю, что мистер Эверард глуп. А глупость, да еще если эта глупость лица руководящего, способна затмить все прочие, быть может, и неплохие, качества.

– На сей раз я полностью согласен с миссис Мор, – заявил Демойт. – А теперь, дорогие друзья, время пить кофе.

Кофе был сервирован в библиотеке. Мору нравилась эта комната. Библиотека располагалась над гостиной, и из окон ее открывался все тот же вид, но эта комната была больше. Тут было три окна, соответствующих трем окнам гостиной, и еще одно большое окно в эркере, выходящее на дорогу. Прямо под ним, этажом ниже, находилась отделенная от гостиной маленькая комнатка, которую мисс Хандфорт, в силу своей извечной насмешливости, прозвала «мой будуар». Эркером была украшена и столовая, а еще один находился этажом выше, в спальне Демойта. Рядом с библиотекой располагалась спальня для гостей, из одного окна которой была видна лужайка, а из другого вечерами можно было различить красноватое свечение огней находящегося в двадцати милях отсюда Лондона.

Демойт хранил книги в шкафах за стеклянными дверцами, и поэтому комната была наполнена отблесками. Демойт относился к племени библиофилов. Мора, который к этому племени не относился, довольно долго не допускали к библиотеке. Мор, читая, любил перегибать книгу, имел привычку замусоливать и сгибать страницы, писать на полях заметки и подчеркивать строчки. Ему нравилось, чтобы книжка находилась в пределах досягаемости – на столе, на полу, на худой конец, на открытой полке. Это своеобразное панибратство помогло ему чувствовать, что содержание книги уже почти усвоено. Но книги Демойта были существами иной породы. Ему нравилось смотреть на них, таких элегантных, стройных и незапятнанных, одетых в дорогие переплеты, украшенных золотым обрезаем, словно созданных для того, чтобы их осторожно брали в руки, и восхищенно вздыхали, и помнили, что книга – это не только собрание мыслей, но и драгоценность.

Гости расселись вокруг большой лампы. Мор бродил по комнате. Он чувствовал внутри какую-то легкость, освобожденность, может, счастье? Он выглядывал из окон. Шум никогда не смолкал вокруг Подворья – по трассе день и ночь мчались автомобили. Чуть поодаль, по железнодорожному мосту, проносились поезда, оглашая воздух пронзительными печальными гудками. Свет автомобильных фар то и дело выхватывал из темноты листву деревьев. Мор отошел от окна. Его взгляду предстала кучка людей в свете лампы. И он, только что глядевший в ночь, почувствовал, как они далеки от него и что он почему-то выше их. Мисс Картер сидела, подвернув под себя ноги, раскинув широкую юбку кругом, и свет лампы зажигал на шелке то красные, то желтые блики. Она похожа, подумалось Мору, на маленькую яркую птичку. Смущенный собственными мыслями, Мор отвернулся к книжному шкафу.

– Руки прочь от книг! – завопил Демойт. – Идите-ка лучше пейте ваш кофе, не то Ханди унесет чашки. У нее на эту церемонию отпущено семь минут, вы же знаете.

И тут же мисс Хандфорт вступила в комнату. На ней был довольно неопрятный передник – значит, она как раз мыла посуду.

– Забрать сейчас или прикажете вернуться чуть погодя? – спросила Ханди и чихнула.

Пока она задвигала занавески, Нэн демонстративно глядела в сторону. Мор допил кофе, поднос унесли.

Мор видел, что Нэн сидит как на иголках. По всему видно, изобретает благовидный предлог для прощания. Ему казалось, он даже слышит, как подходящие фразы складываются в голове жены.

– Наверное, нам уже пора домой, – действительно тут же произнесла Нэн. И поглядела на Мора.

– Да, пожалуй, – кивнул Мор. Ему не хотелось уходить.

Однако Нэн уже поднялась на ноги. Демойт не стал ее отговаривать. Вежливо и чинно гости и хозяин проследовали к дверям.

– Я заранее попросил Ханди срезать для вас несколько роз, – сказал Демойт, – но боюсь, она забыла. Ханди! – Старик перегнулся через перила. – Розы для миссис Мор!

Мор растрогался. Он понял, что эти розы на самом деле подарок *ему*, потому что именно он несколькими днями раньше восхищался красотой здешнего розария.

Ханди вышла из кухни, громко хлопнув дверью.

– Сегодня я не спускалась в сад, – известила она.

– Ну так *сейчас* спустись, – сварливо приказал Демойт. Вечер утомил его.

– Вам хорошо известно, что в темноте я плохо вижу, – парировала Хандфорт, не сомневаясь, что Демойт не будет настаивать. – К тому же выпала роса.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – тут же вмешалась Нэн. – Розы, несомненно, прекрасны, но раз уж так получилось, не стоит беспокоиться. – Мор знал, что Нэн не большая любительница роз. Мусор и беспорядок от этих цветов – так она считала. Но в то же время почему бы и не намекнуть, что Ханди пренебрегает своими обязанностями.

– Давайте я принесу! – вдруг вмешалась мисс Картер. – Я прекрасно вижу в темноте. И знаю, где растут розы. Срежу несколько для миссис Мор! – И она побежала вниз по лестнице.

– Чудная мысль! Молодчина! – заулыбался Демойт. – Ханди, достань-ка из буфета, что в холле, большие ножницы и передай барышне. Мор, вы пойдете с ней, а то, не дай бог, заблудится. Тем временем я буду развлекать вашу благоверную. Но возвращайтесь побыстрее.

Захватив ножницы, мисс Картер выбежала из парадных дверей. Мор вышел за ней и прикрыл двери. Вокруг благоухала ночь, прохладная, бархатно-черная. Но Мор в темноте нашел путь к деревянной калитке в стене, ведущей на первую лужайку. Он ступил на безмолвную росистую траву. Вдали гудело шоссе, то и дело мелькали огни автомобилей, а здесь было темно и тихо. Поморгав, он различил впереди маленькую тень, спешащую через лужайку.

– Мисс Картер! – вполголоса позвал Мор. – Подождите, я иду! – После ярких огней дома этот сад, заросший невидимыми сейчас деревьями и кустами, росистый, звездный, казался чем-то фантастическим. Мору даже стало как-то не по себе.

Заслышав его голос, девушка остановилась. Там, в доме, посреди толчеи и тесноты вещей, она казалась крохотной, а сейчас, в пустоте, будто выросла. Мор уловил в темноте блеск ее глаз.

– По этой дорожке, – прошептала она. И Мор вслепую побрел за ней.

– Вы и в самом деле видите в темноте, – сказал он, – а я вот не умею.

Они нырнули под арку в тисовой изгороди и прошли на вторую лужайку.

Они шли по траве. Мор с удивлением заметил, что идет затаив дыхание. Мисс Картер ступала мягко, беззвучно. Мор пробовал подражать ей, но у него не получалось, он слышал, как шуршит под его ногами влажная, низко срезанная трава. Пронзительный пьянящий запах земли и аромат затаившихся в темноте цветов окружал их плотной стеной, поглощая звуки внешнего мира. Едва различая, что там у него под ногами, Мор послушно следовал за темным силуэтом девушки, словно зачарованный.

Они приблизились к лестничке, ведущей на третью лужайку. Мисс Картер легко, как птичка, взлетела по ступенькам и остановилась, ожидая Мора; ее рука белела на фоне черной стены остролиста. Мор с трудом нащупал первую ступеньку, споткнулся и едва не упал.

– Идите сюда, – тихонько позвал сверху голос. Наверняка тоже подчиняясь окружавшему их волшебству, она говорила еле слышно. Потом спустилась по ступенькам. И он догадался, что она протягивает ему руку. Мор подал свою, и она повела его вверх. Держала его руку крепко, по-мужски. Они прошли между кустами остролиста и лишь тогда разняли руки. Мор чувствовал себя потрясенным, будто в глубине души что-то переместилось и забрезжил какой-то свет. И еще какое-то удивление. Показалась луна, и на мгновение стало видно, как движутся по небу облака.

Цветник, состоящий из одних роз, окружал их со всех сторон, уходя вдаль, к тому месту, где двумя рядами шелковичных деревьев заканчивалось поместье Демойта. Мор впервые видел эти деревья ночью. И аллея показалась ему совсем не такой, как при дневном свете, гораздо более широкой и длинной. И почудилось ему, что в конце этой аллеи возвышается чей-то дом, то ли еще один дом Демойта, а может, его двойник, где все происходит по-другому.

– *Quelle merveille!*¹ – шепотом выдохнула мисс Картер. Она сделала несколько стремительных шагов и остановилась, запрокинув голову к лунному небу. Потом побежала по аллее и обвила руками стоящее рядом дерево. Ветви над ней зашумели, как речной поток.

Мор кашлянул. Его слегка смутил этот порыв.

– Знаете, нам нельзя задерживаться, – сказал он.

– Да, да, – отозвалась девушка, отходя от дерева, – я сейчас наберу цветов, это быстро. – И она засновала между клумбами, склоняясь над полураскрытыми бутонами. Защелкали ножницы, и дивные розы на длинных стеблях упали на траву. Белые розы лунный свет выбелил до голубизны, а темно-красные стали черными, как кровь. Мор хотел помочь, но поскольку у него не было ножниц, то он лишь исколол ладони и помял цветок.

– Давайте я, – подросла девушка и срезала поникший стебель. – Ну вот, наверное, хватит.

Мору захотелось вернуться как можно быстрее. Нэн и Демойт наверняка нетерпеливо поджидают их в холле. К тому же надо кое-что обдумать. Глаза уже попривыкли к темноте, и он заторопился вниз по ступенькам, потом, громко топая, прошел лужайку, добрался до тисовой изгороди. Здесь он задержался и, придерживая железную калитку, пропустил мисс Картер вперед. Калитка со стуком захлопнулась, и их ослепили освещенные окна дома, возле которых Ханди продолжала ежевечерний ритуал задергивания штор. Они прошли через деревянную калитку и минуту спустя уже растерянно моргали в ярком свете холла. Мисс Картер прижимала к груди охапку роз.

– Вас не было целую вечность, – усмехнулась Нэн. – Должно быть, заблудились?

– Нет, – ответил Мор, – просто в темноте идти трудновато.

– Вот розы. – Мисс Картер пыталась вытащить вонзившиеся в ткань блузки колючки. – Надо бы какую-нибудь бумагу, чтобы завернуть.

– «Ивнинг ньюс» сгодится, – взял со стола газету, буркнул Демойт. – Я так и не прочитал, но черт с ним, день все равно кончился.

Нэн расстелила листы на столе, а мисс Картер, уложив на них розы, расправила лепестки и листья.

– Чудесные! – заметила Нэн. – Дорогая, вы несомненно заслужили одну из них. – Она выбрала розу густо-красного цвета и изящным жестом протянула ее девушке. Та взяла цветок и попробовала приколоть к блузке, но у нее не получилось, и она просто сжала стебель в руке.

¹ Какое чудо! (фр.)

– А теперь забирайте свои цветы и ступайте, – сказал старик, зевая и всем своим видом показывая, что ему пора отдыхать. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, спасибо за приятный вечер, – раскланялся Мор. – Спокойной ночи, мисс Картер.

– Спокойной ночи, – подхватила Нэн. – Благодарю за цветы.

– Спокойной ночи, – сказала мисс Картер.

Нэн и Мор вышли на воздух. Из парадной двери еще мгновение лился яркий свет, Демойт и мисс Картер помахали им на прощание. Потом дверь закрылась, стало темно. У Демойта не были приняты долгие провожания гостей. Нэн подождала, пока в темноте Мор отыщет свой велосипед. И они пошли по дороге. Мор вел велосипед, Нэн держала его за руку.

– Слава богу, отбыли повинность! – говорила она. – Скучища какая, правда?

– Да.

– Как тебе понравилась мисс Картер?

– Не очень, – пробормотал Мор. – Рядом с ней как-то не по себе. Слишком серьезная.

– Важничает, а на самом деле просто клоунесса. Такая же, как Демойт. Наедине они наверняка прекрасно ладят.

– Может, и так, – чуть удивившись ее предположению, ответил Мор.

– Вы столько времени пропадали в саду, – вновь заговорила Нэн. – Что случилось?

– Ничего, ровным счетом ничего.

В молчании пройдя под вязами, они вышли на шоссе. Мор вспомнил странное чувство потрясения, пережитое им на ступенях лестницы. Что же это было, он так и не смог себе объяснить.

Глава 3

– Ригден, – вызвал Мор.

Наступила угрожающая тишина. Мор вел урок латыни в пятом классе. Это бремя иногда возлагали на него, когда болел куратор пятиклассников, мистер Бейсфорд. Это было на следующий день после вечера у Демойта. Был жаркий полдень, то время сразу после ланча, которое Мор мучительно не любил. Муха жужжала на оконном стекле. Двадцать мальчиков сидели, раскрыв перед собой элегии Проперция. Ригдена явно застали врасплох.

– Ну, Ригден, – устало произнес Мор, – смелее. Переведи первое слово.

– *Ты*, – промямлил Ригден. Странноватый мальчик с очень мелкой головенкой. Боготворящий Мора, но неспособный завоевать ответную симпатию. И это стало трагедией его школьной жизни. Он озабоченно склонился над страницей.

– Правильно. Теперь второе слово.

Из соседнего класса слышался веселый смех. Там Пруэтт вел урок математики. К несчастью, он совершенно не умел поддерживать дисциплину. Мор понимал, что умение держать аудиторию дается от природы, и в то же время не мог не порицать Пруэтта. Самому Морю стоило лишь взглянуть на ребят, и тут же воцарялась тишина.

– *Только*, – произнес Ригден.

– Так. Ну, продолжай.

Ригден уперся взглядом в страницу:

– *Пока позволено*.

– *Licet*, неуч, а не *Licet*. Кард.

Джимми Кард был одним из врагов Мора. И в то же время закадычным другом его сына Дональда. Морю с ним всегда было тяжело.

– *Пока светит свет*, – прочел Кард. Слова он выговаривал небрежно, едва шевеля губами, словно делал одолжение.

– Верно. Ригден, продолжай.

Ригден, по всей видимости, потихоньку впал в панику. Он кусал губы, напряженно вглядываясь в строчки.

– Побыстрее. Мы не можем тратить весь урок на этот отрывок. – Где-то в отдалении монотонно гудело шоссе. Мор вздохнул. В начале урока в его памяти смутно мелькнуло, а теперь прорезалось напоминание о том, что в четверть четвертого у него встреча с художницей. Предстояло показать мисс Картер школу. Этим утром в ящичке для корреспонденции Мор нашел записку от Эверарда с просьбой показать гостье школу и принял эту просьбу как нечто вполне заурядное. Хотя нет, по какой-то ему самому непонятной причине он испытывал окрашенное легким недовольством разочарование оттого, что вторая встреча с мисс Картер произойдет не на завтраке у Эверарда, как было условлено, а в совершенно неожиданном месте.

– *Жизнь не заслуживает плодов*, – произнес Ригден так, будто ему стало все равно, что там будет и как.

– Нет. Ты подготовился к уроку?

– Да, сэр, – ответил Ригден, не поднимая глаз, таким тоном, будто и его незаслуженно подозревают.

– Что ж, тогда тебе придется остаться после уроков, проверим твои знания. Урок заканчивается. Кто-нибудь может перевести? Кард, ты как, осилишь эти шесть строк?

Кард не торопясь просматривал текст. Опытный учитель, Мор терпеливо ждал. Кард был способным учеником, а Мор ценил способных людей. В тишине, установившейся в классе, Мор еще раз пробежал глазами элегию. Он выбрал ее утром как материал для перевода. Возможно, текст трудноват. Возможно, не совсем удачно выбран. Взгляд скользил по строчкам.

Tu modo, dum lucet, fructum ne desere vitae.
Omnia si dederis oscula, pauca dabis.
Ac veluti folia arentes liquere corollas,
Quae passim calathis strata natate vides,
Sic nobis, qui nunc magnum speramus amantes
Forsitan includet crastina fata dies ².

Кард кашлянул.

– Слушаем тебя. – Мор глянул на часы. Урок вот-вот должен был закончиться, и легкое беспокойство охватило его.

– Пока светит свет, – высоким напряженным голосом и вместе с тем не торопясь начал Кард, – не отказывайся от радостей жизни. Если ты отдашь даже все свои поцелуи, то и тогда отдашь слишком мало. И как листья опадают с увядшего венка и, кружась, плавают в чаше, так и мы, столь сильно верящие в любовь, завтра станем, быть может, добычей рока.

– Верно, – кивнул Мор, – верно. Отлично, Кард. Спасибо. Урок окончен, все свободны. Ригдена попрошу остаться.

Тут же поднялся галдеж, захлопали переплеты книг и крышки парт, все заспешили к дверям. Кард вышел первым. Мистер Пруэтт, очевидно, тоже отпустил свой класс на волю. И, судя по топоту, два потока соединились в коридоре. Быстренько вразумив Ригдена, Мор вышел в душный коридор, мимоходом разогнал расшалившихся сорванцов и через секунду уже стоял на крыльце, оглядываясь по сторонам.

То здание, из которого он только что вышел, официально именовалось довольно неуклюже – «главная школа». Основные строения Сен-Бридж, а они были разной высоты, группировались вокруг обширной асфальтированной площадки, называемой «игровым полем», хотя как раз играть здесь строго-настрого запрещалось. Комплекс состоял из четырех краснокирпичных блоков. Той самой *главной школы* – в ней находился актовый зал и аудитории старших классов, именно это здание венчала неоготическая башня. *Библиотеки*, где помимо книг еще были дополнительные классные комнаты. Сама библиотека располагалась справа от главной школы, под прямым углом к ней. Напротив библиотеки – *общежитие*, где проживали те ученики, чье обучение шло за счет стипендий. А напротив главного здания возвышалась «*наука и спорт*», то есть корпус, включавший в себя спортивный зал, ряд лабораторных комнат, административные помещения, а также квартиры учителей, живущих при школе. Обширные уголья Сен-Бридж располагались на склоне холма, отчего возникали печально известные трудности со спортивными площадками, устроенными позади *главной школы* и сбегавшими вниз, к первым домам городка, к сплетению проселочных дорог, среди которых стоял и дом Мора. Пройдя по тропинке через учительский садик, а затем по усыпанной гравием площадке, можно было через главные ворота выйти к шоссе. На пологом склоне позади библиотеки рос настоящий лес – березы, дубы, понизу густо заросшие папоротником и подлеском. И всю эту чащобу прорезали извилистые тропинки, еле заметные, усыпанные прелой листвой, – словом, подлинное раздолье для учеников младших классов. На опушке леса, доступная обозрению из окон библиотеки, виднелась школьная церковь, построенная относительно недавно – приземистое продолговатое здание из светлого кирпича, которое по незнанию можно было принять и за бойлерную. Дальше, за церковью, прячась среди деревьев, располагались три общежития для учеников разных классов, не попадающих под категорию стипендиатов. Тут они жили, столо-

² Что же! Покуда жива, наслаждайся жизнью беспечно: Все поцелуи отдав, все же ты мало отдашь! Знай, как эти листки, что слетели с венков помертвевших И, одиноко кружась, плавают в чаше вина, Так вот и мы: хоть сейчас любовь так много сулит нам, Может быть, завтрашний день будет последним для нас (*лат.*) *Проперций. Элегии. Пер. Л. Остроумова.*

вались, причем у каждого из старшеклассников была своя отдельная комната. Одно общежитие курировал Мор, второе – Пруэтт, а третье находилось под началом Бейсфорда, потому и имело вид весьма плачевный. Общежития назывались именами кураторов, между которыми шло постоянное соперничество, вдобавок еще и подогреваемое учительским коллективом. За лесом, на той стороне, недалеко от которой проходила оживленная магистраль, находился павильон, включающий корты для сквоша и плавательный бассейн. Напротив павильона, едва ли не впритык к частным домам, располагались помещения для занятий музыкой и изостудия. У самого подножия холма зеленела неухоженная лужайка. Здесь явно пытались развести цветник, но потом идею забросили. А по другую сторону лужайки стоял белый дом в викторианском стиле, официально принадлежавший мистеру Эверарду. И тут территория школы заканчивалась.

В записке говорилось, что мисс Картер будет ждать его на игровом поле. Мор огляделся по сторонам, но никого не увидел. Жаркое солнце косыми лучами соединяло библиотеку со зданием «науки и спорта», усеивая золотистыми отблесками похоронно-черную поверхность асфальта. Воздух слегка дрожал над раскаленным полем. Кого Мор заметил, так это своего сына Дональда, стоящего в дальнем конце площадки, возле библиотеки. А к нему по горячему, как сковорода, асфальту бежал, попутно проделывая немислимые пируэты и подскоки, Джимми Кард. И поэтому не просто подбежал, а со всего маху стукнулся об него, будто посланный чьей-то мощной рукой мяч. Обхватив друг друга за плечи, мальчишки завертелись волчком. Какое-то время без особой радости Мор наблюдал за происходящим. Потом и сам пошел к библиотеке. По пути он озирался, ища мисс Картер, и в то же время краем глаза следил за все еще буйствующими мальчишками. Мор подошел к дверям библиотеки. Только тогда Дональд и Кард заметили его и отступили друг от друга. И через секунду, снова вприпрыжку, вращая, словно обезумевшая мельница, растопыренными пятернями, Кард промчался в сторону общежития, сделал в дверях заключительный выкрутас и тут же исчез. Кард был стипендиатом. Дональд остался в одиночестве возле библиотечного здания. И явно был растерян. Ему наверняка тоже хотелось улизнуть, но теперь, на глазах у отца, он не мог так поступить. Но при этом Дональд вовсе не торопился навстречу родителю. Он стоял, сжимая в руке книжку, и застывшим взглядом следил – войдет ли отец в библиотеку или направится к нему.

Мор тоже раздумывал, как поступить. Такие вот случайные встречи во время занятий смущали обоих, поэтому Мор избегал их, насколько было возможно. Но сейчас сделать вид, что не заметил Дональда, он не мог. Это может ранить мальчика. И он пошел к сыну. Замерев на месте, Дональд ждал.

– Здравствуй, Дон. Как дела?

Дональд взглянул на него и тут же отвернулся. Он был достаточно высок и, когда отец приблизился почти вплотную, мог смотреть ему прямо в глаза. Копия отца – такие же, как у Мора, черные жесткие волосы, такой же крючковатый нос и такая же манера, улыбаясь, чуть кривить рот. Но глаза у него были темнее, смотрели более пристально. Карие глаза Мора отливали серым оттенком, а у Дональда темная глубина глаз, наоборот, еще больше затемнялась какой-то неотвязной думой. Темные точки на подбородке предвещали в будущем черную густую бородку. Но лицо пока хранило детскую округлость. И рот у него был еще по-детски пухлый, неоформившийся.

Медленно взрослеет Дональд, с какой-то грустью думал Мор, слишком медленно. Это странное отсутствие зрелости огорчало Мора. Сам-то он помнил себя в этом возрасте, помнил, с какой жадностью поглощал все книги подряд в ненасытной жажде знания. А у Дональда, кажется, вообще нет никаких интеллектуальных запросов. Химию если и учит, то как-то вяло, урывками, ровно настолько, чтобы избежать родительских упреков, одним словом – лентяй, это совершенно ясно. Массу времени тратит на болтовню с Кардом и с другими мальчишками, слоняется по окрестностям то с компанией, то в одиночку, что больше всего озадачивало Мора.

Может подолгу что-то высматривать из школьного окна. Или уходит вниз, на опушку леса, и, обхватив руками колени, сидит там, погруженный в мечтания. Такой образ жизни был абсолютно непонятен Мору. Но он не решался бранить сына и даже не спрашивал, почему тот так странно себя ведет. Если мальчика видели с книжкой, то это были либо «Трое в лодке, не считая собаки», которую он перечитывал вновь и вновь, заливаясь всякий раз неудержимым смехом, либо различные книжицы по альпинизму, тщательно скрываемые от матери. Во время каникул он превращался в неумолимого и неразборчивого посетителя кинотеатра. Глядя на сына, пытаясь поймать его уклончивый взгляд, Мор испытывал чувство глубокой печали от того, что не умеет выразить свою любовь к сыну, и еще от мысли, что мальчик, вполне возможно, и не догадывается об этой любви.

– Нормально, – пожал плечами Дональд. – Я иду на спортивную площадку. – Дональд был фанатом крикета.

– Ты в команде общежития? – поинтересовался Мор. Дональд относился к подопечным Пруэтта.

– Да, сэр. С прошлого года.

Мальчик стоял сейчас вполборота, явно не зная, уходить ему или еще подождать.

А Мору не хотелось его отпускать, хотелось подольше задержать, дожидаться какой-нибудь по-настоящему искренней фразы. Хотелось, чтобы Дональд взглянул ему прямо в глаза. И до боли резануло слух обращение «сэр».

– Кард хорошо перевел на уроке латыни. – Мор сказал это специально, чтобы похвалить приятеля сына.

– А, понятно.

Мор спросил себя, перескажет ли Дональд Карду эти слова и как тот воспримет похвалу. Как же мало он о них знает. Дональд сунул книгу под мышку. А если спросить, что за книжка? По опыту Мор знал, что сыну не нравятся такие вопросы. Но любопытство пересилило.

– Что читаешь, Дон?

Мальчик молча протянул ему книжку. «Пятьсот лучших шуток и загадок» значилось на обложке.

Не найдя что сказать, Мор вернул книжку.

И тут поодаль, за спиной у Дональда, появилась маленькая фигурка. Это была мисс Картер. Мор тут же с неодобрением отметил, что на ней брюки. Дональд обернулся, увидел ее и, пробормотав что-то вроде приветствия, побежал к крикетному полю.

– Извините за опоздание. Надеюсь, я не помешала разговору? Это ваш ученик?

– Мой сын.

Мисс Картер удивленно взглянула на Мора.

– Я и не предполагала, что у вас может быть такой взрослый сын, – чуть шутливо ответила она.

– Как видите, может, – неуклюже пожал Мор плечами. Как вызывающе она выглядит в этих брюках, раздраженно думал он. Плотные облегающие, сужающиеся книзу черные брючки, ярко-синяя блузка, синие же парусиновые туфли и никаких украшений. У нее неплохая фигурка, подумал Мор, и в то же время она сейчас похожа на девочку-школьницу, переодетшуюся в костюм парижского уличного мальчишки.

– Когда есть вот такой взрослый сын, это прекрасно.

– Неплохо, хотя случаются и грозы. Идемте? – И они направились к дверям библиотеки.

– Чувствую, вас раздражает мой сегодняшний наряд. И наверняка я зря надела брюки. Но обычно я так одеваюсь для работы, и мне не пришло в голову, что такая одежда в школе неуместна. В следующий раз оденусь иначе.

Мор рассмеялся. Его недовольства как не бывало. Они вошли в читальный зал, прошли в тишине между столами, за которыми склонялись над книгами ученики старших классов,

и Мор поймал себя на мысли – помнит ли мисс Картер, как вчера в темноте взяла его за руку? Наверняка позабыла. Этот вопрос облачком проплыл в сознании Мора и так же тихо растаял. Когда они выходили из библиотеки, он уже об этом не думал.

Пройдя по асфальту игрового поля, они приблизились к *главной* школе. Теперь покажу ей актовый зал, решил Мор. Зал встретил их гулкой пустотой. Окна были распахнуты, за ними открывался вид на поросший соснами склон, и можно было разглядеть вдали спортивные площадки. Летняя меланхолия здесь чувствовалась особенно сильно. Высоко, у самых стропил, порхали бабочки. Закрывающие сцену бархатные занавески колыхались от легких дуновений ветерка. Звонкое эхо их шагов отражалось от стен.

– Это наш зал, – каким-то бесцветным голосом проговорил Мор. Ему стало скучно. Он знал здесь все назубок.

– Расскажите о Демойте, – вдруг попросила мисс Картер.

– Что же вы хотите узнать? – Мор понял, что в душе ждал этого вопроса.

– Все. Расскажите все, что знаете. Как понимаете, создание портрета – это не просто: сел и фиксируй, что видишь. Для портретиста личное отношение к тому, с кого пишешь портрет, чрезвычайно важно. Когда мы лучше узнаем кого-то, этот человек в наших глазах меняется. Ну, есть, разумеется, задачи рангом пониже, их тоже надо решать. Костюм, поза, настроение, фон, окружающие детали. Надо все это обдумать заранее, потому что есть связь между изобразительными приемами и техникой. В спешке ничего хорошего не получается.

Мор про себя улыбнулся горячности ее слов, произнесенных чуть самоуверенным, наставительным тоном. Они шли к «науке и спорту». «Любопытно, – думал Мор, – это ее собственные убеждения или она повторяет отца?» Отчасти чтобы проверить, он спросил:

– А зачем вам столько знать о Демойте? А вдруг чье-то мнение о нем окажется ложным? А что, если тот самый первый взгляд, когда знания ваши ограничивались лишь зрительным восприятием, самые правдивые? И я лишь собью вас своими рассказами с толка.

– Я профессиональный портретист, – строго нахмурилась мисс Картер, – и меня пригласили написать *вашего* мистера Демойта, а не *моего*.

Мор даже присвистнул про себя. Теперь понятно, что Демойт подразумевал, когда говорил, что в своем профессионализме она похожа на тяжелый паровой молот. Они зашли в спортивный зал. Там было полно учеников младших классов. Кто-то лез по канату, кто-то крутился на перекладине, там прыгали через коня, тут подсакивали и носились друг за дружкой, что вполне естественно для маленьких мальчиков. Хензман, учитель физкультуры, с улыбкой помахал Морю. Мор симпатизировал ему. Учитель физкультуры был из тех, кто доброжелательно относился к Дональду.

Мисс Картер какое-то время наблюдала за этой веселой возней. Потом, когда они покинули спортивный зал, вернулась к прерванному разговору:

– Конечно, вам мои слова могли показаться претенциозной бессмыслицей, *чепуховиной*, как выразился бы мистер Демойт. Вот видите, я его изучила немножко, даже знаю его излюбленное словцо. Нет, это не бессмыслица и не чепуховина. Я просто хочу написать такой портрет, чтобы все уловили внутреннее сходство. В каждом человеке заключена его собственная истина, но чтобы эту истину понять, *нужно* время. Мне кажется, вы знаете истинного мистера Демойта, а мне еще только предстоит его отыскать.

Пройдя по игровой площадке, они вошли в общежитие. Мор вдруг почувствовал какой-то новый интерес и симпатию к мисс Картер. Его заинтересовало, где она получила образование? Наверняка в каком-нибудь французском лицее. Он хотел было спросить, но понял, что сейчас не время.

– Постараюсь вам помочь, – улыбнулся он. – Здесь у нас спальня для школьников, получающих стипендию. – Он отворил двери, за которыми обнаружили два длинных ряда железных кроватей, прикрытых синими покрывалами. Возле каждой – белая тумбочка, на крышку кото-

рой пансионеру разрешалось ставить не более трех предметов. Кровати разделялись белыми занавесками, в дневное время раздвинутыми.

Это помещение, кажется, заинтересовало мисс Картер больше, чем гимнастический и актальный залы.

– Похоже на Голландию, – проговорила она. – Но почему? Много белизны и света... Ваш сын здесь ночует?

Вопрос озадачил Мора.

– Мой сын не стипендиат. К тому же только ученики младших классов спят в общей спальне. У старших – отдельные комнаты.

– В общих спальнях есть что-то щемящее, – произнесла мисс Картер. – Мне приходилось испытывать такое же чувство при виде кладбищенских надгробий.

Они пошли вниз по лестнице.

– Мне показалось, что мистер Демойт намеренно обманывает меня относительно некоторых вещей. Например, одежда. Я уверена, что до моего приезда он одевался совсем иначе. Не только запах нафталина выдает, но и то, как все эти одежки на нем сидят.

Мор рассмеялся. Он не чувствовал себя обязанным хранить нелепый секрет Демойта.

– Вы угадали. Демойт очень редко надевает костюм. Днем он обычно ходит в вельветовых брюках и спортивной куртке, а вечером переодевается в черные брюки и домашнюю куртку. Ну, к этому, разумеется, еще галстук-бабочка.

– Я так и думала, что должен быть галстук-бабочка, потому что он постоянно делает такой характерный жест, словно что-то поправляет на шее. Но к чему весь этот спектакль?

– Не хочет, чтобы юная девица его разгадала, – ответил Мор, искоса глянув на нее.

– Но я его разгадаю, – улыбнулась мисс Картер. – Разгадаю!

«Нет, это не голос отца, – подумал Мор. – Это она сама». Они пошли вниз по травянистому склону, отделяющему библиотеку от начала лесных зарослей.

– Хотите посмотреть часовню?

– Нет, благодарю, – решительно отказалась мисс Картер. – Я для этого неподходяще одета. Не хочу оскорбить чьи-то чувства. А скажите-ка, мистер Демойт и в самом деле издал когда-то томик своих стихотворений под названием «Увядающие цветы»?

Мор расхохотался:

– Ничего подобного! А он уверяет, что это *его* стихи?

– Да. Я попросила показать все его опубликованные работы. И он извлек эту книжку. Да еще сказал, что вот-вот выйдет несколько новых сборников.

– Он еще и не такое способен выдумать. Я даже сожалею, что испортил его шутку. «Увядающие цветы» – это давние поэтические опыты мистера Эверарда.

На этот раз расхохоталась мисс Картер.

– Догадываюсь, мистер Демойт развлекается. В таком случае я буду полагаться на вас. Могли бы вы показать мне его книги? Вы, надеюсь, не подведете? – Она произнесла это с такой холодной решимостью, что Мор вполне мог обидеться.

– Согласен! – радостно согласился Мор. Он не обиделся. – Я покажу вам все, что он написал. Не так уж много. Монография о восточных коврах, несколько статей о книжных раритетах, сборник речей, произнесенных на торжественных собраниях в школе. Это все очень давно публиковалось. Но Демойт страшно рассердится, если узнает, что я дал вам его книги.

– Я сохранию это в тайне.

На минуту на душе у Мора стало тревожно, ему показалось, будто он предал старика, но в то же время ему хотелось сделать одолжение мисс Картер, просьбы которой, как ему казалось, были вполне обоснованны.

– Что бы еще вы хотели увидеть? Может быть, изостудию? Там устроили выставку по случаю вручения наград. Думаю, работы еще не убрали.

– О да, с удовольствием. Я очень люблю творчество детишек.

«Странно, что она называет школьников детишками», – подумал Мор. И тут же понял, что видит в мисс Картер существо, куда более юное, чем его собственные ученики. Теперь их окружала прохлада леса. Они шли по лесной тропинке, усеянной солнечными бликами. Листва шуршала под ногами, и похрустывали сухие ветки.

– А мистера Бладуарда мы там встретим?

– Вы не хотите? В такой солнечный день мы его вряд ли застанем. Наверняка он повел учеников на этюды.

– Я с ним еще не встречалась, и мне как-то беспокойно.

– Он совершенно безобидный тип, наш Бладуард, разве что немного странный. Он в некотором роде первохристианин. Это влияет и на его воззрения в области портретной живописи. По его теории, надо либо возвращаться к византийскому стилю, либо вообще отменить портретистику.

Вот уже и изостудия показалась, длинное, не блещущее изяществом строение, бывшее некогда амбаром. Мелькали среди деревьев сборные металлические домики. Там размещались музыкальные классы, и оттуда доносились, растворяясь в летнем воздухе, звуки пианино и духовых инструментов. Мисс Картер вдруг остановилась. Видно было, что она смущена.

– Что с вами? – удивился Мор. – Не бойтесь. Я отсюда вижу, что в студии никого нет.

По траве, по жухлой листве они спустились к мощенному булыжниками двору и, пройдя по нему, подошли к дверям изостудии. Мор вошел первым. Запах краски ударил ему в ноздри, цельный, мастеровой дух искусства, сменивший легкомысленную мелодию, рожденную дуновениями ветерка и шуршанием листвы, сопровождавших их на лесных тропинках. В студии и в самом деле не было ни души.

– Путь свободен, заходите! – крикнул он мисс Картер, которая все еще стояла снаружи и, казалось, в любую секунду готова была упорхнуть. И вошла она тоже очень настороженно.

И тут же ее вниманием завладели живописные работы, приколотые к высоким, расставленным вдоль стен мольбертам. Она увлеклась рассматриванием картин. Сквозь высокие окна солнечный свет лился в комнату щедрым потоком, придавая ей сходство с некоей церковью, оформленной в современном духе. Впервые за весь этот длинный день Мор почувствовал себя свободным, в такой степени свободным, что позволил себе понаблюдать за спутницей. Он уселся на табурет и стал смотреть, как она переходит от одной детской работы к другой. Да и сама она сейчас стала похожа на девочку с детского рисунка, доверчивую и простодушную. Черные волосы падали ей на лоб. Он видел юношескую округлость ее сосредоточенного лица и вдруг подумал: «Как редко я теперь смотрю на женщин».

– Как необыкновенно дети умеют видеть! – взволнованно произнесла мисс Картер. – Взгляните на эту сценку... сколько чувств! Взрослый художник не смог бы это вытянуть. Получилось бы просто слащаво.

Мор взглянул на картинку. Девушка заходит в вагон поезда, а юноша снизу протягивает ей розы, и в глазах его и в позе чувствуется отчаяние. Мор еще не успел ничего сказать, а мисс Картер уже стояла перед другой картинкой, и вновь послышался восхищенный возглас. В конце ряда мольбертов лежала стопка белой бумаги и стояла баночка с краской. Осмотрев последнюю картинку, мисс Картер вдруг схватила кисточку, макнула в краску и одним махом нарисовала круг на белом листе. Да так стремительно, что Мор невольно рассмеялся.

– Знаете этот анекдот о Джотто? – спросила она. – Какие-то знатные господа пришли к нему заказать картину и потребовали доказательство его мастерства. Тогда он взял кисточку и нарисовал круг, безупречный. И получил заказ. Этот рассказ в детстве очень впечатлил меня. И с тех пор я тоже рисую круг, словно залог успеха.

– А это трудно?

– Попробуйте. – И мисс Картер протянула Морю измазанную краской кисточку.

Мор повертел в руке непривычный предмет и вывел овал, очень неуклюже.

– Увы! – со смехом воскликнул он. – Какой-то *овалокруг* получился. А теперь нам пора идти.

Он обещал доставить мисс Картер на Подворье к вечернему чаю и вдруг встревожился, как бы не опоздать.

– Но я не хочу уходить, – заупрямилась мисс Картер. – Запах красок действует на меня магически. – И она отправилась бродить среди табуретов и мольбертов, вдыхая воздух и разводя руками. – А это куда ведет? – спросила она, указывая на деревянную лестницу под самым потолком студии, заканчивавшуюся дверцей.

– Да будет вам известно, что здесь прежде был амбар, – пояснил Мор. – Лесенка вела к сеновалу. Там прекрасное освещение. Передняя часть помещения отдана под гончарную мастерскую, а в дальней – жилище мистера Бладуарда, если это можно так назвать.

– Значит, он живет наверху?

– Да.

– Я хочу посмотреть!

Мор не успел опомниться, как она уже взбежала по лесенке и толкнула дверь.

– Минуточку! – крикнул Мор и поспешил за ней. Но, подняв голову, увидел лишь подошвы синих туфель, исчезающих за дверью. Когда он вошел, мисс Картер уже прохаживалась между гончарными кругами, которыми была уставлена комната. Мору припомнилась сцена в розарии. Тревожно ухнуло сердце.

– Мне кажется, нам лучше уйти. Бладуард вот-вот вернется.

– А где его комната? Вон там? Я хочу посмотреть. – Она побежала в дальний конец помещения и отворила дверь. Мор пошел за ней.

Просторная комната с покатым потолком, очень светлая, служила Бладуарду одновременно и спальней, и гостиной. Кухня и ванная находились внизу, в пристройке, и туда надо было спускаться по шаткой лесенке. Мор прежде был здесь лишь один раз и теперь застыл в изумлении. Это была начисто лишенная украшений, бесцветная комната. Пол выскоблен, стены побелены. Никаких картин, вообще никаких красочных пятен. Мебель из светлого дерева, даже постель покрыта белым покрывалом.

Мисс Картер обвела взглядом комнату.

– Никаких красок, – пробормотала она. – Любопытно.

– Ну вот, посмотрели, а теперь идемте, – жалобно попросил Мор.

– Надо проверить кровать. Интересно, насколько она жесткая. – И резво пробежав по комнате, она улеглась на постель, вытянув обтянутые черными брючками ноги и подперев ладонью щеку. На фоне этой белизны она казалась Мору чумазым мальчиком-трубочистом, пылливо разглядывающим его.

Мор был рассержен и изумлен. Но в то же время старался не показать виду, как будто перед ним был ребенок, который чем больше на него обращают внимания, тем сильнее шалит. Насколько она искренна в своей шалости, он еще не разобрался. Он вернулся к входной двери, отворил ее и хотел было спуститься, и тут холодок пробежал у него по спине – глянув вниз на хорошо освещенный квадрат студии, он заметил, что дверь с улицы начинает отворяться. Укороченная ракурсом, возникла на пороге фигура Бладуарда. По обыкновению понуро свесив голову, он вошел в помещение и начал бродить по нему, по всей видимости что-то разыскивая. Он был весь погружен в поиски, к тому же длинные волосы падали ему на глаза и, как шторы, закрывали обзор, поэтому открытую верхнюю дверь вряд ли заметил. Хождение внизу длилось и длилось. Мор наблюдал за ним, испытывая легкое чувство вины. Так иногда бывает, когда следишь за кем-нибудь сверху. Он мог бы окликнуть Бладуарда, и в какой-то момент это прозвучало бы вполне естественно. Но надо было придумать, что сказать, и к тому же там, в

комнате, мисс Картер все еще лежит на постели. В общем, пока Мор взвешивал все за и против, Бладуард вышел из студии. Он прислушался – шаги удалялись в сторону леса.

– Что случилось? – раздался голос мисс Картер. Все это время она лежала на постели, наблюдая в полуоткрытую дверь спальни за маячившим вдали Мором.

Он вернулся и приблизился к ней.

– Бладуард! – сдержанно произнес он. – Но теперь он ушел.

Мисс Картер спрыгнула с постели и торопливо, явно желая загладить вину, начала поправлять покрывало.

– Боже мой! Он нас не заметил? И как меня угораздило!

Заверив, что ничего страшного не случилось, Мор осторожно повел ее вниз. Но в душе корил себя за то, что не окликнул Бладуарда, и злился на девушку за ее неуместное озорство. Вот, кажется, еще один секрет, маленький, глупый секрет, возник между ними. А Мор порицал секреты.

Глава 4

Нэн не умела подбирать ни пальто, ни шляпки. В вечернем платье ей еще удавалось выглядеть эффектно. Но в пальто и шляпке ну никак.

Мор видел, как, сидя в заднем ряду, она смотрит с чуть надменной усмешкой поверх голов собравшихся. На ней фетровая шляпка, бог знает, где она ее раскопала, и, несмотря на теплынь, пальто с меховым воротником.

Мор вел занятие на ВОК (Вечерние образовательные курсы). Лекция близилась к концу. Мор часто спрашивал себя – почему Нэн всегда приходит на эти лекции, зачем ей это надо? С Тимом Берком, неизменно председательствующим на лекциях, она не очень дружит, и его, Мора, диалог с аудиторией ее тоже вряд ли интересует. Во всяком случае, о том, что он здесь рассказывает, она потом никогда не вспоминает. А если и задает вопросы, то всегда какие-то неглубокие, а подчас и неумные. Вероятней всего, приезжает просто покрасоваться. Лучше бы оставалась дома.

Дональд тоже был здесь. Но сидел не с матерью, а в первом ряду с краю, прислонившись к стене, закинув ногу на ногу. У него было особое разрешение из Сен-Бридж на посещение этих лекций. Марсингтон находился в трех остановках от их городка, тоже в пределах лондонской зоны. Так что после лекции мальчик успевал на пригородном поезде еще задолго до полуночи добраться до общежития. Что заставляет Дональда приходить на лекции? Вот это уж для Мора не было загадкой. Ради Тима Берка, с которого весь вечер не сводит глаз. Мор сомневался, слышит ли мальчик вообще, о чем здесь говорят.

Мор отвечал на вопрос:

– Свободу, если быть точным в определениях, нельзя назвать добродетелью. Свобода – это скорее дар или своего рода благодать. Хотя, безусловно, способность или, наоборот, неспособность достичь ее есть доказательство тех или иных нравственных качеств.

Тот, кто задал этот вопрос, – средних лет преуспевающий владелец овощной лавки и одновременно один из активистов местного отделения лейбористской партии – тяжело оперся на стоящий впереди стул. Отчего сидящий там нервно отклонился вперед.

– Свобода, несомненно, является главной добродетелью, а если это не так, то чем наше время отличается от Средневековья? – возразил зеленщик и впился в лектора глазами, напряженно ожидая ответа.

А Мор тем временем думал: «Ведь на самом деле этот человек не слышит меня, не хочет слышать. Он убежден в своей правоте и не собирается менять свое мнение. И мои слова скользят мимо, не задевая его».

И снова пришло то самое, окрашенное печалью, чувство вины. Он испытывал его всякий раз, когда ловил себя на том, что, забывая о необходимости взаимопонимания с учениками, просто *изображает* учителя. Скольких учителей он знал, а среди них и пользующихся репутацией одаренных, которым так нравилось разыгрывать спектакли, подчас блестящие, перед теми, кого следовало в первую очередь *просвещать*, и в итоге обе стороны оказывались в дураках. А ведь учитель, настоящий, об одном лишь должен заботиться – о понимании. И для достижения его обязан жертвовать всем остальным. Мор всегда расстраивался, когда ловил себя на желании блеснуть, произвести впечатление. А пример брать было с кого. Ведь во взрослой аудитории непременно отыщутся слушатели, тоже являющиеся не за тем, чтобы научиться чему-либо, а исключительно – чтобы поразить всех своей оригинальной точкой зрения. И вот, махнув рукой на освещение вопроса, лектор уступает соблазну устроить эффектный спектакль. «А можно ли вообще кого-либо по-настоящему просветить *здесь!*» – с неожиданно нахлынувшим отчаянием спросил себя Мор. И тут же, без всякой связи с происходящим, вспомнил заманчивое предложение Тима Берка и почему-то вдруг устыдился своих нынешних усилий.

– Извините, мистер Стейвли. Я недостаточно полно ответил на ваш вопрос. Разрешите сделать еще одну попытку. Вы утверждаете, что свобода есть добродетель, но я не тороплюсь согласиться с вашим мнением. Позвольте объяснить почему. Начнем с того, что, как я уже ранее заметил, понятие «свобода» нуждается в определении. Если под свободой понимать отсутствие внешних препятствий, тогда человека, обладающего такой свободой, можно назвать счастливым, но можно ли назвать его добродетельным? С другой стороны, если понимать свободу как самодисциплину, как власть над эгоистическими желаниями, тогда свободного человека можно назвать одновременно и добродетельным. И не будем забывать, что наиболее утонченные концепции свободы способны в то же время играть на руку опаснейшим тенденциям в политике. Такого рода теории могут использоваться для оправдания тирании отдельных личностей, возмнивших себя просвещенными. Но вы, мистер Стейвли, подразумевали, я не сомневаюсь, именно ту свободу, которую проповедовали великие либеральные демократы прошлого столетия, то есть политическую свободу, отсутствие тирании. Она есть условие добродетели, и стремление к этому – есть добродетель. Но свобода сама по себе не добродетель. Назвать простое отсутствие ограничений, простую расправу над схемами и насмешку над условностями добродетелью – это обыкновеннейший романтизм.

– И чем же плох романтизм? – не собирался сдаваться Стейвли. – Кстати, давайте определимся с понятием «романтизм», раз вы так любите определения.

– А любовь, не есть ли именно она главная добродетель? – спросила, повернувшись к Стейвли, одна из слушательниц. – Или вы, мистер Стейвли, полагаете, что Новый Завет уже устарел?

«Опять ничего не получилось», – подумал Мор. Он чувствовал себя как наездник, надевшийся, что со второго раза лошадь возьмет препятствие, но она вновь остановилась перед барьером. Он очень устал, и слова давались ему с трудом. И все же он не собирался сдаваться.

– Ну хорошо, оставим романтизм и начнем рассуждать последовательно. Для начала рассмотрим...

– Увы, пришло время закрывать нашу плодотворную дискуссию, – вмешался Тим Берк.

«А, черт! – мысленно выругался Мор. – Закрывает лекцию раньше времени, чтобы поговорить со мной». Мор сел. Последнее слово, он чувствовал, осталось не за ним. Покачивая головой, Стейвли говорил что-то вполголоса своему соседу.

Тим Берк встал и подался всем корпусом вперед – поза, свойственная закаленным, профессиональным ораторам. Но Мор ведь знал, насколько Тим робеет перед аудиторией.

– Друзья мои, – произнес Тим, – мне жаль прерывать ваш интереснейший ученый спор, но время, как говорится, поджимает. И мистер Мор, я уверен, не обидится, если я сейчас предложу всем вам переместиться на краткий миг в ресторанчик, здесь, по соседству, где мудрыми словами нашего лектора можно будет насладиться вместе с пинтой горького пива. Можно ли заканчивать лекцию раньше времени? Этот вопрос в свое время мы обсудили с руководством марсингтонского отделения ВОК и получили, что случается крайне редко, полное одобрение.

– И таким образом, – раскачиваясь на каблуках, продолжал Тим, – отметим завершение еще одного цикла полезнейших лекций, читаемых мистером Мором. Лекций, из которых, я могу смело сказать, мы все без исключения почерпнули много полезного. И содержание которых, я уверен, даст нам пищу для размышлений в период каникул, после чего, осенью, мы снова здесь соберемся. И дерзну предположить, что к тому времени мистер Мор согласится, мы все на это надеемся, занять другой, более высокий пост, на который, по мнению марсингтонцев, имеет полное право. Но на эту деликатную тему я не скажу больше ни слова. А теперь, друзья, поблагодарим мистера Мора, как это принято.

Раздались громкие рукоплескания, они длились долго, сопровождаемые возгласами благодарности. «Вот черт», – подумал Мор. Он видел, как Нэн неспешно похлопывает в ладоши, опустив глаза. Мор не одобрял пристрастия Тима к риторике, это во-первых, и претензии Тима

на роль знатока политической жизни, это во-вторых. Занимаясь с Тимом делами ВОК, он неожиданно для себя разглядел, до чего Берк нескладен, малообразован, внутренне скован. И желание произвести впечатление на публику наверняка обратная сторона его комплексов. Мор относился к Тиму с теплотой, кое-чем в нем восхищался и потому болезненно воспринимал эти превращения Тима в «трибуна». Он предпочитал видеть его беззаботно сидящим за столиком в кафе или в деловой атмосфере на заседании какой-нибудь комиссии, а лучше всего – за легкой беседой в узорчатом полумраке ювелирного магазинчика. Но грустный парадокс их взаимоотношений заключался именно в том, что Тим постоянно стремился впечатлять Мора своими скудными познаниями. Обучать его было трудновато, одергивать – немислимо. Но такого бестактного выступления, как в нынешний вечер, Мор не ожидал. И именно сейчас, когда Нэн так настороженно присматривается к нему, вдруг такое заявить! Теперь она решит, что они за ее спиной сплели сети заговора.

Слушатели начали подниматься со своих мест. Мор тоже встал и потянулся. Раздражение улеглось, осталась одна усталость. Надеясь избежать внеурочного разговора с мистером Стейвли, он подвинулся ближе к Тиму, под его защиту. Тим собирал раскиданные по столу бумаги. Похоже, он считал, что в обязанности председателя входит и это – во время лекции устраивать на столе беспорядок. Тим был старым знакомым семьи Моров. Мор и Тим, оба члены лейбористской партии, познакомились в ходе партийных дел. Мор преподавал тогда в школе на южной окраине Лондона, и они с Нэн взяли холостяка Тима, так сказать, под свое крыло. Сейчас они виделись с ним куда реже, чем в былые годы, тем не менее Мор продолжал числить Берка среди своих лучших друзей. Он был немного старше Мора. Худошавый, бледный, с оспинами на лице и тонкими белесыми волосами, то ли желтоватыми, то ли сероватыми, когда как; кисти рук у него были крупные, белые. Внешность самая заурядная, и если в ней что и запомнилось, так это глаза, в синеве которых неожиданно просвечивали и другие цвета; и еще оставалась в памяти его речь. Тим Берк еще в детстве покинул Ирландию, но его национальность можно было без труда угадать, вопреки тому, что долгие годы жизни в Лондоне и пристрастие к кинематографу добавили выговор кокни к его ирландскому акценту и засорили американизмами свойственную дублинцам цветистую образность его речи. Он был искусным ювелиром и, если бы захотел, мог стать богачом.

– Спокойно, капитан, мы выручим вас, пусть это будет стоить нам жизни! – проговорил Тим, бдительно следя за Стейвли, который стоял в одиночестве, погруженный в глубокую задумчивость.

Лекция состоялась, как и всегда, в абсолютно безликом здании Пэриш Холл, где сейчас горели все имеющиеся в наличии электрические лампочки. На улице еще не успело стемнеть. И сквозь густую синеву вечера большая часть слушателей потянулась в сторону ресторанчика, именуемого «Пес и Утка». Но некоторые остались. И теперь, стоя среди массивных парт и металлических стульев, переговаривались и одновременно с беспокойством поглядывали на лектора – наверняка готовили свои вопросы и мысленно прикидывали, умно ли это прозвучит. Нэн натягивала перчатки подчеркнуто медленно, с надменным видом, как бы намекая, что ко всему окружающему она никакого отношения не имеет. Мор знал эту ее манеру. В первое время Мору казалось, что Нэн подружилась с кем-то из слушателей курсов и именно поэтому приезжает вслед за ним на лекции. Но он ошибся, ни с кем Нэн не подружилась, никто ее не заинтересовал. Когда Мор упоминал того или иного слушателя лекции, Нэн отвечала, что не помнит такого, а может, просто умело изображала забывчивость. Она вела себя как знатная дама в окружении презренной черни.

Нэн медленно прошла по комнате. Дональд, тот уже давно в волнении стоял поблизости от стола, с которого Тим собирал бумаги. В такие минуты возникало впечатление, что Дональд привязан к Тиму, что их тела соединены невидимыми нитями. Проходя между ними, Мор содрогнулся. Сын совсем рядом, но нет сомнений, что сейчас для него существует только Тим.

Он с жадностью ловит его жесты, к его голосу прислушивается. Дон боготворит его друга. Уверенность в этом давала Мору еще один повод к раздражению. Что за бессмыслица, спрашивал он себя. Невероятная бессмыслица!

Уже вошло в обычай, что после лекций Тим приглашает Морю к себе в магазинчик. И там они отдыхают, пока не наступит время спешить на пригородный поезд. Как-то раз Тим намекнул, что Мору иногда можно и пропустить эти послелекционные словесные поединки в «Псе и Утке», и Мор с ним согласился. Сейчас Тим, зорким взглядом окинув окружающих, оценил обстановку. Стейвли после приступа задумчивости понемногу оживал. Выражение решимости вновь загоралось на его лице.

– Отступаем! – скомандовал Тим.

Через кухню, потом по какому-то коридору он вывел их на улицу. Марсингтон – старинный городок, с прекрасной широкой главной улицей, окаймленной сложенными из булыжника, поросшими травой бордюрами. Окрестные поля давным-давно застроены домиками под красными крышами, и мимо них, через равные промежутки времени, проходят по путям зеленые составы, отвозя марсингтонцев и их ближайших соседей в Лондон за хлебом насущным и привозя обратно. Теперь по главной улице проходила одна из важнейших ведущих к столице автомобильных дорог. И самыми заметными были соперничающие одна с другой автостоянки с бензозаправками, чьи горящие ярким светом вывески освещали древние булыжники мостовой и заманивали проезжающих. Поток машин нескончаем. Но сейчас, в теплых летних сумерках, все вокруг обрело какой-то отстраненно благостный и мирный вид, а длинные просторные фасады гостиниц и жилых домов казались уютными и гостеприимными.

Магазин Тима Берка находился среди прочих старых магазинов, выложенных понизу темными камнями и окрашенных в белый цвет сверху. Черная вывеска над дверью гласила: «Т. Берк, ювелир и золотых дел мастер». Тим рылся в карманах в поисках ключа. Мор прислонился к стене. Ему было радостно оттого, что удалось сбежать, но к радости примешивалось беспокойство – Нэн рядом и, возможно, уже начинает сердиться. Он искоса глянул на нее. Стоит, выпрямившись, поджав губы. Плохой знак. Ключ наконец отыскан; гости вошли в магазин и подождали, пока где-то там, в глубине, Тим включит свет.

Мору нравилось здесь, особенно вечерами, при затворенных плотно ставнях, когда темнота нарушалась лишь тусклым светом лампы. И поэтому казалось, что ты очутился то ли в пещере, то ли в лаборатории алхимика. В нескольких шагах от дверей комнату перегораживали два высоких застекленных прилавка. И если эта, передняя часть магазина содержалась в относительном порядке, то по ту сторону начинался и чем дальше вглубь, тем больше нарастал хаос. Вдоль трех стен, от пола до потолка, громоздились полки, уставленные чем попало и как попало. А подступы к ним преграждали стоящие вплотную друг к другу деревянные лари. Между ларями на оставшихся клочках пространства теснились маленькие столики, некоторые со стеклянными крышками. Часть драгоценных ювелирных изделий была выставлена в витрине магазина, часть хранилась в сейфах в задней комнате, остальные же лежали под стеклом на прилавке в продуманном беспорядке. Тим, когда хотел, прекрасно демонстрировал свой товар. Он любил камни, собирал и выставлял их, руководствуясь собственной системой ценностей, не всегда совпадающей с рыночной ценой. Мор отметил, что сегодня один из прилавков отдан коллекции опалов. Ожерельям из опалов, серьгам с опалами, брошам; опалам черным, опалам переливчато-многоцветным, опалам бесцветным, сверкающим, словно капельки замерзшей воды. Второй прилавок был заполнен жемчугом, сверху лежал настоящий жемчуг, под ним – жемчуг культивированный, а рядом красовались вещицы из золота – печатки, кольца, часы. За годы дружбы с Тимом Мор выучил кое-что о камнях. Это получилось помимо его воли, потому что, по причинам ему самому неясным, он поначалу с некоторым неодобрением относился к профессии друга.

В порядке содержались только действительно дорогие изделия. Дальше, на задворках, хранилась дешевая бижутерия, и она-то лежала как попало. На застекленных приземистых столиках, скрученные в виде многоцветных канатов, кудрявились бусы. И не всякий клиент набирался храбрости, указав пальцем на эти радужные лианы, потребовать: «Покажите мне вот *эти* бусы». Тут же, рядом, громоздились клипсы, серьги, причем часто оказывалось, что вторая клипса или серьга безвозвратно потеряна; а еще броши, браслеты, аграфы и целый винегрет прочих мелких украшений. К дешевым изделиям Тим относился без всякого трепета. Они не выставлялись, они просто валялись. И между столиками позволено было бродить тем из покупателей, которые упрямо стремились отыскать какую-то определенную вещь. И очень часто им приходилось обшаривать магазин вдоль и поперек в поисках второй сережки или второй половинки какой-нибудь пряжки. На задворках хранились и другие предметы, более или менее дорогие: табакерки, вышивки, старинные монеты, кубки, веера, пресс-папье, кинжалы с эфемами из серебра; Тим часто говаривал: «Не могу понять, как эти *диковины* сюда попали, потому что, клянусь, сам я их не покупал».

Тим принес стулья и, рассадив гостей в передней части магазина между прилавками, исчез в глубине, чтобы принести печенье и молоко для Нэн и Дональда и виски для себя и Мора. В задней части магазина находилась мастерская, кухня и дворик, где росло лишь одно растение – платановое дерево. На втором этаже – спальня, небольшие оконца которой выходили на улицу. Мор вытянул ноги. Как и всегда, легкое волнение охватило его, лишь только он представил, что находится сейчас в пространстве, для других посетителей недоступном. В этом был привкус избранности и вместе с тем что-то волшебное. Он чувствовал, что жена и сын тоже взволнованы. Дон и Нэн становились в магазине Тима непоседливыми и беспокойными. Немного обождав, они вставали и начинали бродить по магазинчику, отодвигая крышки, трогая предметы. Видя их в таком настроении, Мор неизменно начинал беспокоиться. Ему казалось, что его близкие уходят за кем-то в неведомую даль. А Тим, наоборот, был счастлив, что они так интересуются, и всячески их поощрял.

Тим вернулся с большим подносом и поставил его на прилавок. В молоко, предназначенное для Нэн, он добавил немного *овалтина*, пододвинул печенье.

– А может, сегодня разрешим мальчику виски? – как всегда, спросил Тим.

– Рановато, я думаю. А ты что скажешь, Дон? – как всегда, ответил Мор.

– Не хочу, – недовольным голосом буркнул Дональд. И Тим подал ему молоко.

Мор сидел, задумчиво играя стаканчиком, отчего содержимое чуть покачивалось на свету. Нэн и Дональд вскоре отправятся на поезд, а он останется, вернется полуночным. Потому что ему необходимо поговорить с Тимом наедине. Придется ждать, пока они уйдут.

Нэн встала и с кружкой молока в руке отправилась в глубь магазина и там начала бродить, поднимая то одну вещь, то другую. Мор наблюдал за ней с беспокойством, Тим – с затаенным радостным любопытством. Единственная зажженная в углу лампа бросала свет на изъеденные дrevоточцем дубовые полки. И лицо Нэн то выныривало из мрака, то вновь погружалось во тьму. Тим сидел, повернув голову к Морю, и золотая полоска очерчивала его профиль. Дональд тоже повернулся к свету, лицо его стало задумчиво-тревожным. Потом он встал, пошел туда, где прохаживалась Нэн, и путешественников теперь стало двое. Поблескивала стоящая на подносе бутылка виски, и то вспыхивали, то гасли стаканчики в руках у мужчин, а где-то в глубине магазина луч лампы падал на поверхность драгоценных камней, и они рассыпались световыми брызгами.

Нэн отодвинула одну из витрин и набрала полную пригоршню ожерелий. Она выглядела необыкновенно веселой и оживленной. Дональд забрел в самую дальнюю часть магазина и теперь, встав на стул, рассматривал, что стоит на полках. Морю хотелось их позвать. Он взглянул на часы. Нет, еще не время.

А Дональд отыскал на полке что-то интересное. Соскочил на пол и с находкой в руке смущенно направился к Тиму. Это была маленькая шкатулочка из слоновой кости.

– А вы, оказывается, еще не продали эту шкатулку, – произнес Дональд.

«Поглядите на него! – мысленно вскричал Мор. – Будто не знает, как Тим относится к таким фразам! А если знает, то почему бы ни попридержать язык».

– Как, это старье все еще здесь? – притворно удивился Тим. – Бери ее себе, мой мальчик, я в ней не нуждаюсь. Ни о какой плате и речи быть не может, это грошовая безделушка, и у меня таких кучи. Будь добр, избавь меня от нее.

– Зачем тебе эта шкатулка? Что ты с ней будешь делать? – вмешался Мор и тут же пожалел, что не сдержался. Нэн мгновенно повернулась в их сторону. Дон на глазах стал пунцовым.

– Красивая коробочка, – проговорил он. – Буду хранить в ней разные вещи. – Это прозвучало совсем по-детски.

Мор еще раз укорил себя за несдержанность. Дональд вдруг показался ему таким беззащитным. Маленького ребенка можно взять на руки, прижать к себе и хоть так утешить. Со взрослыми труднее: слово сказано, назад не возьмешь, и ранит обоих.

Наверное, желая сгладить впечатление, Тим встал, взял связку ключей и, подойдя к прилавку, начал открывать ящики. Тим любил демонстрировать свои богатства. Карманы его рабочей куртки обычно топорщились от маленьких безделушек – колец, зажигалок, часов и тому подобных вещиц, которые он неожиданно вынимал и вручал собеседнику. Мор часто наблюдал в пабе, как он это делает. Вот и сейчас он разыскивал, что бы такое показать, и при этом непрерывно комментировал:

– Полюбуйтесь-ка на эти жемчужины, какой великолепный розовый блеск, они из залива, из Персидского залива... и обратите внимание, как отличаются от культивированных, пусть те тоже хороши, но уж о долговечности и говорить не стоит... а вот, глядите, какой цвет, пара сапфиров, синих, как васильки, если желаете зеленого, то вот вам прекрасный изумруд, как говорится, ласкает взгляд и слепит глаза змеи, собирающейся вас ужалить. На Изумрудном острове змеи не водятся, это подлинный эдемский сад, но только без змей... а теперь взгляните на это, как вам эти камешки, нравятся? – Тим поднял бриллиантовое ожерелье и осторожно покачал им в воздухе, заставляя камешки вспыхивать. – Полюбуйтесь, как сияют! – продолжал он. – Требуется дамская шейка. Давайте-ка, примерим на вашу жену.

Мору такие представления не нравились. Тим часто их устраивал, и Нэн не возражала. И сейчас она послушно приблизилась и сняла пальто. Под ним оказалось летнее платье с круглым вырезом. Тим надел ей на шею ожерелье и отступил, любуясь. Украшение действительно впечатляло. «Но все равно, – подумал Мор, – совершенно неуместно». Нэн поспешила к зеркалу, висящему на стене за прилавком.

– Бриллианты безжалостны, – изрек Тим, – и высвечивают все слабости их владелицы, если той есть что скрывать. Но вам нечего бояться. Королева может носить их без опаски, а вы и есть королева. – Подойдя к Нэн, он из-за ее плеча поглядел в зеркало. Он часто одарял Нэн подобными изысканными комплиментами, и все же Мор подозревал, что его не столько волнуется женщина, сколько все те же украшения.

– Изумительные! – вздохнула Нэн. Она сняла ожерелье и сжала его в ладони. Мор чувствовал, что она начинает волноваться, как и прежде при посещении обиталища Тима. Здесь в ней пробуждалась та живость, которую он, Мор, кажется, бессилён был в ней пробудить. Намотав ожерелье вокруг запястья на манер браслета, она по-девчоночьи запрыгала по комнате, на ходу успевая схватить какую-нибудь безделушку, примерить серьги и подбежать к зеркалу полюбоваться ими, и обмахнуться веером, и распутать связку бус. Дональд под шумок вновь вернулся к своим раскопкам. А Тим извлекал из своих сокровищниц то кольцо, то брошь и показывал Нэн. Искорки света вспыхивали в драгоценных камнях и гасли, подобно тому, как загораются и вновь потухают звезды на облачном ночном небосклоне.

– Им пора уходить, – известил Мор.

– Еще рано, – возразил Тим.

– Если не хотите потом бежать бегом, – не вняв Тиму, продолжил Мор, – отправляйтесь сейчас. А я останусь, у меня деловой разговор с Тимом. – Его обижало, что Нэн так развеселилась, и тяготило чувство вины перед Доном, которую он не знал, как загладить.

– В самом деле, ни к чему тебе нас провожать, – возразила Нэн. – Если что, Дон меня защитит. Тим, напомните Биллу, когда надо уходить, а то он сам опоздает на поезд. – И плавно покачиваясь, она вышла из дверей. Дональд со шкатулкой в руке последовал за ней. Когда сын проходил мимо, Мор тронул его за плечо, но мальчик даже не взглянул на него. Дверь закрылась.

– Выпьем еще чего-нибудь? – спросил Тим.

Мор протянул стакан. Бриллиантовое ожерелье, которое примеряла Нэн, осталось лежать на одном из столиков. Мор взял его и положил под стекло.

– Ты очень небрежно обращаешься со всеми этими ценностями, – заметил Мор. – Вот ожерелье, сколько оно стоит?

– А бог его знает, – беззаботно отмахнулся Тим. – В этой области цены очень капризные. Ну, может быть, гиней пятьсот.

И Мор тут же вспомнил о мисс Картер. Впервые за весь вечер. С необычайной яркостью перед ним вновь предстала вчерашняя сцена в спальне Бладуарда. Волнение охватило его. Не рассказать ли Тиму? Нет, не надо. Вспомнилось еще одно – завтра на ланче у Эверарда будут мисс Картер и Бладуард. Интересно, как все пройдет? Несомненно, не без казусов. Чувство мрачной безысходности, весь вечер не отпускавшее Мора, кажется, рассеялось. Сознание цели, направления, интерес к будущему – все это вновь вернулось к нему.

Он только собрался перейти к делу, как Тим вдруг сказал:

– Я хочу кое-что подарить твоей жене. Не бойся, не бриллианты! Как ты смотришь на эти серьги? Ей они нравятся, я заметил. Она их примеряла и в прошлый раз, и сейчас. Ей идут. Почему бы не подарить? Это не очень дорогая вещица, которую вряд ли удастся сбыть. Сейчас я упакую.

Серьги были из синего лазурита, и Мору они показались вовсе не такими уж дешевыми. Тим уже приготовил тонкую шелковистую бумагу и маленькую коробочку, но Мор остановил его:

– Ты слишком щедр. Не надо.

– Это не тебе, а твоей жене.

– И все равно не надо. К тому же Дональд уже взял у тебя ту вещицу. В другой раз, Тим. А теперь поговорим о деле.

– Ладно, – неохотно откладывая серьги, вздохнул Тим. – Ну так да или нет?

Мор выпрямился на стуле. Перед ним поставили вопрос, резко и прямо. И он вдруг осознал, что вот уже который месяц изображает из себя барышню-недотрогу, которая уже все в уме решила, но не уступает просто из-за того, что хочет, чтобы ее подольше уговаривали. Так вот, хватит кривляться. Теперь ему все ясно. От такой ясности на душе стало как-то радостно. Он сказал:

– Ответ, разумеется, «да». Хотя есть ряд трудностей.

– Что я слышу, ты согласен? – не сдержавшись, крикнул Тим. – Я уж думал, будешь и дальше ломаться, а ты взял и согласился.

– Ты что, разочарован? – с еле заметной улыбкой спросил Мор.

– Я? Разочарован? – возмутился Тим. – Да я тебя сейчас просто расцелую! Вот, на, пей виски! Да я бы жемчужину в нем растворил, если бы мог!

– Потихе, потихе, – успокоил его Мор. – Я хочу выполнить задуманное. Не сомневаюсь, что у меня хватит сил это выполнить. И все же в моем возрасте бросить службу ради парламентской деятельности... тут поневоле задумаешься. Я пройду, это уже наверняка?

– Можешь не сомневаться, парнишка. Святой Франциск угодил в рай не так быстро, как ты угодишь в Вестминстер.

– Но тут возникнет еще масса вопросов, связанных с финансами. Сейчас не стану в них углубляться. И со школой надо будет улаживать. Ну, это я как-нибудь решу. А вот с женой как быть, тут дело посерьезней. Тебе ведь известно, что Нэн против этой затеи, она и слышать о ней не хочет.

Тим мгновенно помрачнел.

– Я догадывался, что она против. Но, может, со временем передумает?

– Хотелось бы верить. А вдруг нет? Без трудностей не обойдется. Кстати, что же ты сегодня вечером не сдержался, олух, ляпнул при ней? Больше всего Нэн сердится тогда, когда узнает, что я строю планы, не посоветовавшись с ней. Я надеялся, ты сможешь на нее повлиять, а теперь она будет думать, что мы за ее спиной сговорились. А если ты поговоришь с ней с глазу на глаз? Может, что-нибудь и получится?

– Вряд ли, – опустив глаза, ответил Тим. – Тут тебе самому придется постараться. Ты же, насколько я понял, не сомневаешься, что она согласится. Я рад, что ты в конце концов решился. И если ты и в самом деле будешь тверд, то все получится. А мы тебя поддержим, чем можем. Главное, *ты* держись.

– Я обещаю, – сказал Мор. Рядом с Тимом он чувствовал себя храбрецом. – Но пока никому ни слова об этом. Предстоит обсудить с Эверардом мою отставку. И уговорить Нэн. Потом я дам тебе знать, и уж тогда ты сможешь известить партию и прессу.

– Замечательно! – подняв стакан, блестя глазами, провозгласил Тим. – Так когда же мы встретимся?

– Когда? Дай подумать. О, на соревнованиях... ты ведь приедешь? На этот раз мои будут играть против ребятишек Пруэтта. – Когда-то Дональд пригласил Тима на традиционные школьные соревнования, и с тех пор тот не пропустил ни одной летней финальной игры команд Сен-Бридж. – Тогда, надеюсь, мы все и проясним и решим, что дальше делать. Но до тех пор ни слова!

– Пора на поезд, – спохватился Тим. – Я тебя провожу.

– А знаешь, я, наверное, возьму эти серьги. Только за деньги.

– И слышать о деньгах не хочу! Возьми, сделай одолжение. Сейчас упакую хорошенечко, красиво. Ну, Мор, доставь мне эту радость.

Мор со смехом замахал руками, но в конце концов сунул коробочку в карман. И они вместе вышли из магазина.

Глава 5

На следующее утро Мор проснулся с мыслью: «До чего мне легко!» Словно добрый ангел пролетел над ним ночью. Удивляясь этому новому ощущению, он не спешил вставать и вдруг понял, в чем дело – он наконец *решился*. И это главное. По сравнению с этим осуществить задуманное будет, наверное, гораздо легче. Что действительно нужно, то обязательно сбывается. Мысленно просматривая предыдущий вечер, пытаясь извлечь то главное, что вчера произошло, Мор предположил – а может быть, Тим каким-то образом сумел передать ему уверенность, совершенно для него несвойственную, в собственной правоте? Вот любопытный повод для размышлений. Потом его мысли переключились на мисс Картер. Сегодня на ланче он ее увидит; и тут же пришла мысль, а не она ли, мисс Картер, так повлияла на него, что в нем вдруг всколыхнулись силы, возродилась вера в свои возможности? Некоторое время он размышлял над этой загадкой. Эксцентричные индивиды, наконец сделал он вывод, полезны людям, руководствующимся в жизни сводом условностей; полезны хотя бы тем, что открывают этим последним некие новые горизонты окружающего мира, из которых и рождается чувство свободы. В конце концов, поучительней и не придумаешь, чем посмотреть на все как бы глазами другого человека.

Утро пролетело быстро. И незадолго до часа дня Мор сел на велосипед и поехал к Эверарду. В корзинку он положил пакетик с полным собранием сочинений Демойта, которое намеревался передать мисс Картер. Особая, исключительно для учительских велосипедов, дорожка вела лесистым неухоженным склоном к запущенному директорскому саду. Лавируя между деревьями и чуть подсакивая на небольших неровностях, Мор ощущал глубочайшее довольство собой, да и вообще всем миром. Было жарко, как и в предыдущие дни, но сегодня с юга, со стороны моря, повеял ветерок, принося прохладу.

Благосклонные мысли об Эверарде копошились в его голове. Вспомнилось ему попутно и замечание мисс Картер, что Эверард – человек простодушный. Верно. Коварства в Эвви нет. В определенном смысле он и в самом деле такой. Преследующий только благие цели, неэгоистичный; как будто и не знает, что можно добиваться чего-то для себя лично. Его жизнь выстроена, по всей видимости, таким образом, что в ней нет даже закуточка, где можно было бы копить что-то для себя. Бытие большинства людей обязательно предусматривает какую-нибудь кладовочку, этакое укромное местечко, куда складываются лакомства про запас, так сказать, на черный день. У Эвви такой кладовочки нет. Он живет открыто, нетщеславный, нечестолюбивый, даже не ведающий этих пороков в себе и поэтому отказывающийся видеть их в окружающих. Если люди на него и обижаются, то причиной тому нерешительность Эвви, его явная бестолковость, но никак не непреклонность, потому что, прожив на свете достаточно долго, он до сих пор не развил в себе ничего похожего на непреклонность.

Несомненно, человек с таким характером не может завоевать авторитет в глазах подчиненных. И все же Мор чувствовал, и даже сильнее, чем прежде, что в Эверарде есть что-то покоряющее. Эверард добр, бескорыстен, так почему же, спрашивал себя Мор, я испытываю глубокую симпатию не к нему, а к Демойту, лукавому, ершистому, прямой противоположности Эверарда? «Возможно, – думал Мор, – я и сам не такой уж паинька?» Вот вам еще одна загадка. Вокруг одни загадки. Ну что ж, это может быть даже приятно. И пока он съезжал по склону, осознание присутствия некоей тайны перешло в уже без всяких сомнений приятное предвкушение новой встречи с мисс Картер.

К дому Эверарда вела покрытая гравием дорожка. По гравию было трудно ехать, поэтому Мор слез и повел велосипед к белеющему невдалеке особняку. Площадку перед домом украшал ряд бетонных ваз, в которых произрастала герань. Подъезжающие к дому автомобилисты всегда вынуждены были изыскивать способ, как бы так поаккуратней между этими вазами

проехать. Мор еще издали заметил, что у дверей стоит чей-то автомобиль. Подойдя поближе, он увидел, что это длинный темно-зеленый «райли». С неожиданно нахлынувшим чувством восхищения Мор оглядел машину. Сам он о машине не мог и мечтать. Прислонив велосипед к боковой стене дома, он вошел в холл. Повесил плащ на крючок и поднялся по лестнице в большую комнату, служившую одновременно и гостиной, и столовой.

Там уже находились мисс Картер и Бладуард. На минуту он огорчился, потому что мечтал оказаться первым гостем и встречать остальных. Мисс Картер стояла, прислонившись к каминной полке, Бладуард смотрел в окно. Оба молчали. Всем было известно, что Эверард не умеет развлекать гостей.

Тут и сам хозяин дома вышел навстречу Морю.

– Билл, я так рад, что вы пришли. Теперь можно приступить к завтраку. Вот мисс Картер, наверняка вы уже знакомы, и мистер Бладуард здесь. Плащ вы оставили внизу? Отлично, отлично.

У Эверарда было пухлое, румяное лицо. Такие, как он, обычно из мальчишества сразу переходят в средний возраст, как бы минуя промежуточную фазу. На нем был неизменный твидовый костюм и столь же неизменный и излюбленный высокий жесткий воротничок. Глаза большие, с неизменным выражением доброжелательности. Волосы светло-каштановые, не поддающиеся расческе. Когда-то он наверняка был славным мальчиком и до сих пор остался славным человеком, обезоруживающим своей добротой даже тех, кто относился к нему предвзято.

– Приветствую вас, сэръ. Извините, я немного опоздал, – произнес Мор. Одно время Эверард убеждал Мора называть его по имени, но у того не получилось.

Мор бросил торопливый взгляд на мисс Картер, и она кивнула ему. Сегодня на ней было узкое синее шелковое платье, в котором она выглядела элегантней и женственней, чем прежде. Бросалось в глаза, что она чем-то глубоко обеспокоена. Ясно чем, догадался Мор, присутствием Бладуарда. Мор ощутил болезненный укол и с удивлением понял, что это, возможно, обыкновеннейшая ревность. Оказывается, он ждал, что она уделит его появлению куда больше внимания. Ему вновь припомнилась странная сценка на втором этаже изостудии. Он уперся взглядом в фигуру Бладуарда, все еще стоявшего спиной к собравшимся.

– Ну а теперь прошу к столу! – провозгласил Эвви. У него был сильный, проникновенный голос человека, привыкшего взывать к школьной аудитории, и поэтому в его устах любая фраза звучала как фанфары. Стол был накрыт в противоположном конце комнаты. С тех самых пор, как отсюда выехал Демойт, эта столовая-гостиная стала совсем другой. Раньше, увешанная мохнатыми ковровыми шкурами, она напоминала медвежью берлогу. Но шкуры исчезли, их сменили репродукции французских импрессионистов, и комната сделалась как будто светлее и больше.

– Мистер Бладуард, садитесь здесь, – суетился Эвви. – О, мисс Картер, вы присаживайтесь вот тут, а Билл сядет у буфета. Не можете ли мне поставить тарелки, Билл?

Мистер Эверард искренне верил, что можно обходиться без слуг. В школе, дерзнув пойти против мнения родителей, он ввел новые правила: за завтраком ученики сами накрывают столы и сами за собой убирают, сами заправляют постели, сами чистят обувь и дважды в неделю делают влажную уборку. Ну а у себя в доме Эвви тем более мог заводить какие угодно порядки, особенно после того, как отказался пользоваться деньгами на представительские расходы, которые Демойту были назначены как часть директорского жалованья. Если не считать каких-либо особо торжественных случаев, прислуги у Эверарда за столом не было. Вот и сегодня кухарка, сочинив ряд подходящих, как она считала, закусок, удалилась незадолго до прихода гостей, и теперь Эвви предстояло все наилучшим образом расставить. У Мора полегчало на душе, когда он увидел, что сегодня закуски *холодные*. В приемах, устраиваемых Эвви, имелась одна положительная черта – они не тянулись слишком долго; никаких затяжных сидений

со стаканчиками хереса, никаких утомительных дегустаций вин и ликеров нет, все проходило очень живо, и это радовало.

Эвви извлекал из буфета тарелки с мясом и салатами, а Мор расставлял их на столе и наливал гостям минеральную воду. Мисс Картер держалась как-то скованно. Бладуард с рассеянным видом покачивал головой туда-сюда, туда-сюда, словно ему только что эту голову установили и он проверяет, не отпадет ли она ненароком. Трудно было понять, сколько этому человеку лет. Мор предполагал, что ему лет тридцать. Если бы не некоторые странности, его даже можно было бы назвать красивым. Крупная голова с темными, прямыми, довольно длинными волосами, которые при ходьбе или в разговоре как бы оживали, широкое лицо, мощная шея, большие глаза, светящиеся, как у вышедшего на ночную охоту зверя, крупный нос. Не очень четко очерченный рот, иногда приоткрытый. Ровные белые зубы, которые, впрочем, из-за излишне толстых губ трудно было разглядеть. Улыбался он редко. Руки у него тоже были крупные, и он имел привычку жестикулировать ими. У него был какой-то дефект речи, и он маскировал его при помощи повторения одного и того же слова, что давалось ему с большим напряжением, доходящим до комизма. На лекциях Бладуарда школяров охватывал неудержимый смех, и когда это обнаружилось, то дирекция уменьшила, к огорчению Бладуарда, число его уроков – теперь он читал свою лекцию по искусству для всей школы и только один раз, в конце летнего семестра.

Стать образцовым директором школы Эвви мешало еще и то, что он не умел обдумывать разом несколько задач. Вот и сейчас он сначала убедился, что никто из гостей не обделен едой и питьем, и только после этого решил начать беседу.

– Мисс Картер, так как же продвигается работа над картиной? Наверняка уже близится к завершению?

– Боже правый, да я еще и не начинала, – удивленно ответила мисс Картер. – Сделала несколько карандашных набросков, но поза, одежда, выражение – все это только предстоит решить. Пока еще здесь для меня полная неясность. – От волнения в ней ярче проступила ее чужеземность.

– А как вы считаете, сэр, – плутовски начал Мор, – каково самое характерное выражение у мистера Демойта? – Ему захотелось, чтобы Эвви хоть раз позлословил.

Эверард задумался и наконец ответил:

– На мой взгляд, это выражение задумчивости, сдобренной неким оттенком коварства.

«Неплохо», – подумал Мор. Метко и беспощадно. Его оценка Эвви поднялась на один пункт. Он посмотрел на Бладуарда. Тот продолжал есть с безучастным видом, как посетитель ресторана, случайно оказавшийся за столиком с тремя незнакомцами. Мор завидовал умению Бладуарда пренебрегать условностями. Демойт говорил, что в Бладуарде несомненно есть нечто стоящее внимания, и Мор с этим соглашался. В нем есть какая-то будоражащая подлинность. По сравнению с ним Эвви кажется неубедительной, бледной копией человека. И мисс Картер несомненно живая. «А я какой?» – с неведомым доселе пристрастием спросил себя Мор.

Видно было, как трогательно старается Эверард, чтобы беседа не прерывалась. От этих усилий он наморщил лоб и, озабоченно поглядывая на мисс Картер, спросил:

– Вы ведь долгое время жили в другой стране. Наверное, вам непривычно в Англии?

– Да, большую часть жизни я провела во Франции. Мое детство прошло на юге Франции.

– О, побережье Средиземного моря! – воскликнул Эвви. – «Великая цель путешествия», как писал доктор Джонсон. Вы счастливица, мисс Картер.

– Не знаю, – поглядев на него, серьезно произнесла девушка. – Не сказала бы, что юг Франции так уж хорош для детей. Там жара и сушь. Детство осталось в моей памяти одной нескончаемой томительной засухой.

– Но вы ведь жили у моря, не так ли?

– Верно, но это безрадостное море. Море без приливов и отливов. Помню, в детстве в английских книжках я видела картинки. На них девочки и мальчики лепят из песка замки на берегу... и я тоже пробовала строить. Но на средиземноморских пляжах это не получается. Песок грязный и очень сухой. Волны не омывают его, он не лепится. Когда я пробовала строить, песок просто сыпался у меня между пальцами. Слишком сухой, невозможно было слепить. И даже если поливать его водой, он тут же высыхает.

Эти слова привлекли внимание Бладуарда. Он оставил трапезу и окинул взглядом мисс Картер. Всем показалось, что он сейчас заговорит. Но он снова занялся едой. Мор тоже смотрел на девушку. Ее несомненно что-то смутило, то ли собственная пространная речь, то ли неожиданное внимание Бладуарда. Вслед за ней Мор тоже почувствовал смущение, к которому примешалась досада.

А тем временем Эверард придумал новый вопрос:

– По всей видимости, вы единственный ребенок в семье?

– К несчастью, да.

– И всегда жили вместе с отцом? Наверняка вокруг вас было шумное общество?

– Напротив, отец вел скорее отшельническую жизнь. Мать умерла, когда я была еще ребенком. Я никогда не покидала отца, вплоть до начала этого года, то есть до его смерти.

Наступило молчание. Ковыряя вилкой остатки еды, Эвви пытался сообразить, какой бы еще задать вопрос. Мор украдкой взглянул на мисс Картер и окаменел. Глаза у девушки были закрыты, и по щекам текли слезы.

У Мора сжалось сердце. «Тупица! – почему-то выругал он себя. – Знал, что у нее умер отец, но ни разу не подумал, что она горюет». Он начал лихорадочно искать какие-то слова.

Бладуард отложил нож и вилку.

– Мисс Картер, – произнес он, – я горячий поклонник... поклонник творчества вашего отца.

Мор тут же почувствовал симпатию к Бладуарду. Мисс Картер поспешно утерла слезы, так что Эвви не успел их заметить.

– Мне очень приятно это слышать. – В голосе ее и в самом деле зазвучала радость.

– Именно отец учил вас живописи? – продолжал Бладуард.

– Да, и был совершеннейшим деспотом, словно при рождении вложил мне в руку кисть и с тех пор я ее не выпускала. Мне кажется, всю жизнь так и было – я рисую, а отец стоит рядом.

Воспользовавшись тем, что роль собеседника взял на себя другой, Эвви поднялся из-за стола, чтобы переменить блюда. Мор пришел ему на помощь. Следующим номером программы были компот и мороженое. Кстати, уже подтаявшее.

– На самом деле детей не надо учи... учить живописи, – сказал Бладуард. – Они уже знают, как и что изображать. Это единственное умение, которое дается всем людям от природы.

– А что вы скажете о музыке? – спросил Мор. Ему хотелось вмешаться в разговор, но он не успел, девушка уже отвечала на слова Бладуарда.

– Я с вами согласна. В этом смысле отец меня тоже ничему не обучал, пока я не достигла нужного возраста. Но когда начал учить, то подходил к делу со всей строгостью. Одну и ту же работу заставлял, помню, переделывать по многу раз.

– Но позднее они забывают, – изрек Бладуард. У него была привычка – ведя с кем-либо разговор, отвечать иногда не на вопрос собеседника, а на свой, внутренний, но ответ произносить вслух. Того, кто еще мало был с ним знаком, это могло сбить с толку. – Они теряют... теряют дар изображать примерно в то же самое время, когда теряют целомудрие. И после этого им приходится учиться заново. Что это доказывает? Изобразительное искусство – наиболее глубинная форма восприятия. Мы воплощенные... воплощенные существа, наш способ познания – это чувственный способ, причем зрение доминирует над прочими чувствами. У людей еще не развилась речь, а они уже умели рисовать. – И этим тоже славился Бладуард: среди

собранных он мог долго сидеть, не проронив ни слова, но уж если начинал говорить, то не иначе как пространнейшими монологами.

Мисс Картер сосредоточенно слушала Бладуарда. Несомненно, он заинтересовал ее. Мор отодвинул блюдечко. Мороженое оказалось совсем безвкусным. Да он и не любил мороженого.

– Если позволите, – сказал Эверард, – я приступлю к приготовлению кофе. На особой машине, которая есть у меня, это получится довольно быстро. Нет, нет, помогать не надо. Угощайтесь фруктами. Сыр, пирожные, все на столе перед вами. А я потихоньку-помаленьку начну готовить.

Эвви в самом деле недавно приобрел агрегат для варки кофе, но, поскольку не умел рассчитать, сколько сырья туда засыпать, напиток получался таким же удручающе невкусным, как и в доагрегатные времена.

– По вашему мнению, мы сами наделяем мир смыслом при помощи изображения его? – спросила мисс Картер у Бладуарда. – Нет, благодарю вас, – бросила Мору, предложившему ей печенье.

И Мор с унылым видом принялся распечатывать завернутый в серебристую фольгу мягкий треугольничек плавленого сырка.

– Изображение – это двойственное слово, – говорил Бладуард. – Изображение чего... чего-либо – это такая задача, к которой надо приступать с душевным трепетом. Какова первая и основная истина, которую любое воплощенное существо обязано постичь? Я вещь, я материальный объект, пребывающий во времени и пространстве и потому смертный. Какова вторая истина, которую воплощенному надо усвоить? Что, с одной стороны, он связан с Богом, который не есть вещь, а с другой стороны – с теми вещами, которые его окружают. Так вот, эти другие вещи... – Тут Бладуард поднял вилку, словно подчеркивая особый смысл еще не сказанных слов. – Иные из них просто вещи, а иные есть *боговещи*, как и мы сами есть *бого-человеки*.

Тем временем у Эверарда, кажется, возникли какие-то трудности с машиной. Мор с пригорбим отметил, что в последний момент Эвви все-таки плеснул туда слишком много воды.

– Переходите сюда. Кофе вот-вот будет готов, – объявил Эвви. Бладуард, Мор и мисс Картер поднялись из-за стола.

– В Библии сказано оп... определенно, – продолжал Бладуард, – что творения природы существуют на земле ради пользы человека. Разве не так, мистер Эверард?

От этого неожиданного обращения Эвви вздрогнул.

– Согласен, дорогой Бладуард. Мисс Картер, прошу, присаживайтесь вот здесь. Хотите молока к кофе?

– Да, с удовольствием.

– И та же Библия велит... велит удерживаться от сотворения кумиров.

– А вы не против холодного молока? Увы, холостяцкая жизнь, за всем не уследишь.

– Ничего, спасибо. Только не очень много.

– Немудрено, что ранняя церковь смотрела двояко на воплощение религиозных сюжетов в картинах и скульптурах. Но благосклонное отношение у отцов церкви все же возобладало. По этой причине очень скоро мы и обнаруживаем, что молитва и поклонение естественно воплощаются в виде изображения, как в знаменитых мозаиках Равенны.

– О да, они изумительны! – воскликнул Эверард. – Вы были в Равенне, мисс Картер?

– Да, мы с отцом часто туда ездили. Я хорошо знаю эти мозаики.

– Ранняя церковь... ранняя церковь, – продолжал Бладуард, принимая чашечку кофе из рук Эверарда, – не делала, кажется, никакого различия между... между изображением творений природы и изображением человеческого лица. Так близок, так еще близок по времени источник света, и это сообщает их восприятию мира то благоговение, которое отражается в тогдашнем способе изображения человеческого лица. Но вот мирской дух Возрождения захва-

тывает художников, и уже появляется исключительный интерес к форме человеческого тела, сопровождаемый абсолютной утратой той ранней пронизательности и того раннего благоговения.

– Как вам нравится кофе, Билл? – поинтересовался Эверард. – Хоть немного лучше, чем раньше?

– Отличный кофе, сэр, – торопливо глотая безвкусную водичку, сказал Мор.

– То есть вы хотите сказать, – обратилась мисс Картер к Бладуарду, – что следует разделять изображение человека и изображение прочих вещей?

– Это разделение для нас вполне естественно. Но дело в том, что не только к человеку, но и к остальному мы должны подходить с чувством поклонения. Мы должны, изображая ту или иную вещь, пытаться показать именно ее суть, а не трактовать лишь в виде символа наших собственных настроений и желаний. Подлинный художник... подлинный художник – это тот, кто настолько тактичен, что, видя перед собой тот или иной объект, просто показывает этот объект. Но это «просто» для живописи и означает самое главное.

– Я полностью с вами согласна!

Издали донесся звук колокола, напоминающий, что уже пятнадцать минут третьего.

– Но когда перед вами оказывается человек, – продолжил Бладуард, – тогда это не просто объект. Перед вами предстает Бог.

– Билл, у вас после обеда есть урок? – спросил у Мора Эверард. – Извините, что не спросил раньше.

– Нет, – ответил Мор, – на сегодня у меня уроков больше нет.

– Вы подразумеваете, что нам не следует изображать людей? – уточнила мисс Картер.

– Каждому надлежит искать свой собственный путь. Если бы было возможно, ах, если бы было возможно рассматривать голову как материальный объект сферической формы! Но кто же велик настолько, чтобы позволить себе такой взгляд!

– Я не понимаю, зачем пытаться рассматривать голову как материальный объект сферической формы, – заметил Мор. – Голова – это голова, и понять человека можно, заглянув ему в глаза. Ради чего художник обязан все это забыть, не понимаю.

– Укажите мне, кто настолько великодушен, чтобы вместить в себя другого человека? – Отвечая Мору, Бладуард говорил с той же интонацией, что и во все время своего монолога. Он отвечал Мору, но взгляд его был устремлен на мисс Картер. – На материальную вещь мы можем смотреть с почтением, удивляясь возможности ее существования. Но, глядя на человеческое лицо, мы видим не другого человека, а лишь самих себя. А кто мы такие? – Бладуард развел руками, в одной из которых держал чашечку с нетронутым кофе.

– Я согласна со многим из того, что вы сказали, – быстро, как будто испугавшись, что ее перебыют, произнесла мисс Картер. – Наши картины – это оценка самих себя. Я знаю, в какой мере и насколько печально мои картины обнаруживают то, что таится во мне. И все же мне кажется...

– Фактически, – перебил Бладуард, – нам не дано по-настоящему видеть достоинства. Странности и пороки находить куда легче. Но кто в силах преклониться перед лицом другого человека? Истинный мастер портрета должен быть святым, но у святых в этом мире иные задачи. Возможно, иконописцам это было доступно в какой-то мере. Изображения... изображения Господа, как правило, нельзя назвать портретом некой индивидуальности. Изображения Господа, как правило, поражают нас величиим замысла, а не каким-то особым выражением лица, не каким-то оригинальным жестом. Там, где Его облик индивидуализирован, как в караваджевском «Христе в Эммаусе», мы испытываем потрясение. Такое же потрясение мы должны испытывать при созерцании изображения всякого человеческого лица.

Эверард с некоторым беспокойством поглядывал на часы. Он хотел что-то сказать, но мисс Картер опередила его:

– То, что вы сейчас сказали, – это все-таки очень абстрактно, мистер Бладуард. Конечно, можно согласиться с мыслью, что благоговение перед человеческим лицом для художника невозможно... в каком-то возвышенном смысле это чувство действительно недостижимо. И все же взгляните на портреты Рембрандта, Гойи, Тинторетто...

Мисс Картер говорила все звонче. Все большее воодушевление охватывало ее. Бладуард пытался ее прервать. Эверард бормотал что-то невнятное.

– К сожалению, мне пора уходить, – сказал Мор так громко, что перекрыл все голоса. Наступило молчание.

Бладуард поставил чашку на стол и встал.

– Благодарю за приятное *времяпрепровождение*, мистер Эверард, – сказал он. – И с вами, мисс... мисс Картер, тоже очень приятно было познакомиться. Надеюсь, я не уто... утомял вас.

Мисс Картер поднялась. Она все еще была пунцовой от волнения.

– Сердечно вас благодарю, – проговорила она. – Беседа была очень интересной.

Создавалось впечатление, что у Эвви от усталости подкашиваются ноги. Все спустились в холл. Мор заметил на столике маленький сверток. Книги для мисс Картер. Он схватил сверток и поспешил вручить девушке.

– Книги, – сказал он, – которые я вам обещал.

– О, большое спасибо, – произнесла она, едва взглянув в его сторону. Мор мысленно выругал Бладуарда. Гости и хозяин вышли из дома на усыпанную желтой щебенкой площадку. Нестерпимый послеполуденный зной волнами поднимался от земли.

– О, Билл, извинитесь за меня перед вашей женой, – сказал Эвви. – У меня совершенно вылетело из головы, что следует пригласить и ее. Да я и собирался, но память у меня никудышная, вы же знаете. А сейчас, в конце семестра, вообще в голове кавардак. Но вы ей передайте, что я очень и очень извиняюсь.

– Передам, разумеется, – пообещал Мор, хотя не намеревался даже упоминать Нэн об этих нелепых извинениях. Потому что знал, как она это воспримет.

– И не ленитесь убеждать ее в том, чтобы она прочла эту краткую речь на обеде, – добавил Эверард.

– Постараюсь, – держа ладонь козырьком, пообещал Мор.

– Ну, очень рад был вас видеть, а теперь пора возвращаться к делам. Конец семестра на носу, знаете ли. Всего доброго, мисс Картер; надеюсь, вскоре встретимся опять, большое спасибо за визит. – С этими словами Эверард как-то уж слишком поспешно скрылся в доме и затворил дверь.

Три гостя минуту стояли в нерешительности. «Если Бладуард сейчас снова заговорит, я его огрею по башке», – мысленно пообещал Мор. Похоже, мисс Картер посетила подобная же мысль.

– И мне пора, – вороша носком туфельки кусочки щебенки, произнесла девушка и как-то неуверенно добавила: – Могу кого-нибудь из вас подвезти к школе.

И только сейчас Мор сообразил, что этот великолепный зеленый «райли» принадлежит именно мисс Картер. Такая миниатюрная женщина – за рулем такого великана! В первую секунду Мора это озадачило, но уже в следующую вызвало настоящий восторг.

– Нет, спасибо, – тут же сказал Бладуард. – У меня тут велосип... велосипед. Ну, всего доброго. – И с этими словами он исчез за углом дома.

Мор остался наедине с мисс Картер. Он не знал, как поступить. И вдруг сильнейшее желание охватило его – обязательно проехаться в этом автомобиле.

– Да, я буду очень благодарен, если подвезете, – ответил он.

Он отворил перед ней дверцу, после чего сел рядом. Пакетик с книгами она положила на заднее сиденье. Надела черные очки, повязала голову пестрой косынкой. Завела мотор. Машина медленно тронулась с места, и тут мимо них промелькнул любопытный персонаж.

Бладуард, одной рукой держащийся за руль своего велосипеда, другой рукой придерживающий велосипед Мора. Он проехал быстро, с опущенной головой, затем свернул с дороги на ведущую к школе велосипедную дорожку.

«Каков наглец! – возмутился в душе Мор. – Это же зрелище, предназначенное для нее. Но, может, она не поймет, в чем тут соль? А вдруг поймет, то есть разгадает его уловку?» И неожиданно его разобрал смех.

– Что случилось? – спросила мисс Картер.

– Занятный юноша этот Бладуард, – со смехом произнес Мор.

Автомобиль набрал скорость.

Глава 6

«Райли» свернул на шоссе.

– Я, может быть, не с таким уж энтузиазмом предложила подвезти, – сказала вдруг мисс Картер. – Но мне не хотелось, чтобы мистер Бладуард согласился. Его общество и без того меня уже слишком утомило.

– Я понимаю, – отозвался Мор. – К его манере не сразу привыкаешь. Но он, конечно же, незаурядная личность.

– Незаурядная, разумеется, но и странноватая тоже. Он не сумасшедший, я уверена, и все же какой-то сдвиг в нем есть. Аргументирует настойчиво; кажется, что связно, логично... а все вместе получается ошибочным, каким-то одним колоссальным искажением.

– Понимаю. – Мор вдруг почему-то подумал о своей жене. – И все же не следует его презирать. Не лучше ли прежде спросить у самих себя, а может, это мы видим мир не совсем правильно?

– Согласна. Ой! – вскрикнула она и резко затормозила. Еще миг, и они промчались бы мимо ворот школы. – Вот и приехали. А давайте поговорим еще. Я совершенно выбита из колеи. Но вот говорю с вами, и становится легче. Так как, не возражаете?

– Нисколько, – обрадовался Мор. – Я не тороплюсь. Никаких особых дел у меня нет.

– В таком случае, может быть, проедемся еще? Это все моя безалаберность, я знаю, и меня ждет работа, но, в самом деле, надо глотнуть немного воздуха. Да и вам не помешает. И сразу вернемся назад. – Она включила сцепление, и «райли» вновь тронулся с места.

А Мор тут же почувствовал себя виноватым. Уроков у него сейчас и в самом деле не было, но ожидало множество других дел, с которыми надо справиться именно сегодня. И все же это так восхитительно – мчаться в автомобиле; застывший знойный воздух сменяется прохладным ветерком, угрожающая теснота боковых дорог – открытым, зовущим простором магистрального шоссе. Мор увидел, что они пересекают железнодорожный переезд. «Значит, автомобиль поднялся на холм, а я и не заметил», – подумал он. «Это все очень полезно», – сказал он себе. После натянутой атмосферы в столовой Эверарда хорошо совершить такую вот небольшую прогулку.

– Этот человек меня и в самом деле огорчил, – произнесла мисс Картер очень серьезно. И стало ясно, что ни о ком ином, кроме Бладуарда, она сейчас и думать не может.

– Ах он негодник! – с улыбкой отозвался Мор. – Так вас расстроил!

– Нет, нет, вы же сами сказали, что, возможно, он прав... то есть я не считаю, что он прав, но это все обернулось каким-то неожиданным... осуждением. Я очень серьезно отношусь к своему творчеству. В самом деле, *сейчас* кроме творчества у меня и нет ничего. Я знаю, что у меня неплохо получается. И верю, что достигну большего. Но этот человек принудил меня почувствовать, что, как бы я ни старалась, все равно все *разложится*. Видимо, так оно и есть... распадется, *разложится*, я знаю.

«Такое определение, – подумал Мор, – наверное, мог отыскать только тот, для кого английский не совсем родной язык». Голос ее вновь задрожал от волнения, маленькая ладонь, лежащая на руле, то опускалась, то поднималась. Сама того не замечая, она прибавила скорость. Песчаные обочины, проезжающие автомобили, все это мелькнуло и тут же осталось позади. Миг, и на спидометре уже выскочило «семьдесят». Но она, по всей видимости, и не заметила этого. Мор вжался в кресло.

– Нельзя ли не так быстро, – попросил он. – Я редко езжу, и с непривычки тяжело. Бладуард говорит, что каждый должен искать свой собственный путь. Вам его суждения кажутся слишком отвлеченными. Ответом ему может стать сама работа. Ваш ответ в ваших картинах. Когда не отвлекают теории, когда ты наедине с работой, тогда знаешь, что надо делать. По

крайней мере, знаешь, в каком направлении двигаться, чтобы достичь совершенства. – Мор тоже говорил с воодушевлением. Он чувствовал, что здесь есть нечто важное для него как учителя, нечто такое, что необходимо растолковать. А по ходу дела и самому кое в чем разобраться. В общем, ему хотелось продолжить разговор.

Извинившись за рассеянность, мисс Картер уменьшила скорость, и какое-то время они ехали молча. Вот уже и предместья Марсингтона показались. Автомобиль остановился на светофоре.

– А давайте свернем с шоссе, – предложил Мор. Дело в том, что ему очень не хотелось проезжать мимо магазинчика Тима Берка.

И через минуту или две они уже ехали по проселочной дороге. Гул шоссе постепенно затихал. Ветки деревьев смыкались над их головами. Мисс Картер сбавила скорость.

– Вот как легко мы убежали. Удивительно, – сказала она. – Есть ли здесь поблизости река? Так жарко... хочется побыть у воды. Хорошо бы к морю, но оно, наверное, далеко отсюда?

– Далековато, – ответил Мор, озадаченный ее неведением. – Местность вокруг по большей части засушливая, но ради вас я согласен поискать какую-нибудь речушку. Да, милях в пяти отсюда, кажется, есть речка. В общем, вы ведите машину, а я буду высматривать.

– Скажите честно, я не отвлекла вас от дел? Если нужно, я тут же поверну. А может, нужно куда-нибудь подъехать, забрать что-нибудь? Кажется, у вас нет машины?

– Нет. И вы действительно оказали бы мне услугу, если бы подбросили в одно место, это здесь недалеко. Мне кое с кем надо встретиться, и раз уж мы здесь, я не прочь воспользоваться этим. Не придется потом ехать на пригородном поезде. Но сначала отыщем речку. Это не займет много времени. – Марсингтон в двух шагах отсюда, подумал Мор, так почему бы все-таки не навестить Тима. Вчера вечером от волнения много чего было упущено. Надо обсудить как следует финансовую сторону дела, лишь после этого имеет смысл заводить разговор с Нэн и Эвви. Именно финансовая сторона вызывает у Нэн больше всего возражений. И чтобы ответить на все ее вопросы, надо хорошо подготовиться. Поэтому еще один разговор с Тимом будет весьма кстати.

– Что ж, поехали, – сказала мисс Картер.

Дорога была пустынная, и девушка вновь прибавила скорость. О недавней просьбе Мора ехать не слишком быстро она наверняка позабыла. Все еще думает о нравоучениях Бладуарда, почему-то решил Мор. Искоса поглядывая на нее, он заметил, что глаза ее, скрытые за темными стеклами очков, удивленно расширены. Одной маленькой ладошкой она слегка придерживала руль, вторая лежала на краю окна. Они промчались мимо сосновой рощи; запах песка и соснового леса ворвался в машину. Это и в самом деле была безводная страна.

И тут Мор у припомнилось, что он, кажется, пообещал Нэн вернуться к чаю.

– Вы не против остановиться у какой-нибудь телефонной будки? Я должен позвонить жене и сообщить, когда вернусь.

– Пожалуйста, – легко согласилась мисс Картер. Телефонная будка не замедлила появиться, и машина остановилась.

Мор зашел и принялся рыться в карманах в поисках монеток. После гудения мотора неожиданно наступившая тишина особенно поразила его. Сейчас, через минуту или две, из этой тишины раздастся голос Нэн. Настороженный голос, у нее всегда такой, когда она снимает трубку.

– Алло.

– Алло, Нэн. Это Билл. Наверное, не получится вернуться к чаю. У меня тут еще работа, а потом надо будет еще встретиться с Тимом по поводу партийных дел.

– Ну хорошо. Так когда же тебя ждать?

– Думаю, к шести. Может, и раньше. Пока.

Он положил трубку. Странный холодок мгновенно пробежал по его телу. Зачем он это сделал? Зачем солгал Нэн? Почему не признался, что мисс Картер предложила подвезти его на своей машине? Да как быстро родилась эта ложь, мгновенно, на одном дыхании. Почему? Может, потому, что он смутно предчувствовал, что если Нэн узнает, то начнет язвить и ворчать, что он так неразумно тратит время? И все же достаточный ли это повод для лжи? Господи, как все глупо. Ведь все равно кто-нибудь наверняка заметил их. Но не в этом дело. В любом случае нельзя было лгать. Он в задумчивости вышел из будки.

– Что случилось? – тут же спросила мисс Картер. – У вас такой растерянный вид. Вы не заболели?

– Нет. Просто я с трудом переношу жару. Вот сейчас поедем, и станет лучше.

Девушка озадаченно глянула на него, и они поехали дальше.

Вот и еще одна ложь, понял Мор, и вдруг сказал:

– Извините, это неправда. Сам не знаю почему, но я не сказал жене, что еду с вами в машине... очень глупо с моей стороны.

Мисс Картер повернула к нему голову. Глаза ее по-прежнему прятались за темными стеклами. «Теперь она будет меня презирать, – подумал Мор. – Презирать за то, что солгал, и за то, что в этом признался».

– Что ж, расскажете, когда вернетесь. Она на вас не очень рассердится, ведь так? Виновница ведь я.

Мору тут же стало легко, и он почувствовал горячую симпатию к мисс Картер. Ему удалось избежать неправды, и, главное, без особого ущерба для себя. Ну, посердится Нэн немного, ничего страшного. Он был благодарен мисс Картер за то, что она так просто решила его затруднение, и радовался, что все же сказал ей правду.

– Вы совершенно правы, – улыбнулся он. – Какой же я болван. Естественно, когда вернусь, все расскажу ей. На меня-то она рассердится, и вполне заслуженно, но на вас – ни в коем случае... Я все сделаю, чтобы она на вас не рассердилась. Мне так неприятно.

Они переговаривались, а машина мчалась вперед.

– Куда теперь? – спросила девушка.

– Проедемся еще немного, – с некоторым сомнением в голосе произнес Мор. – Как бы не пропустить поворот. Сейчас, сейчас увидим. – Теперь он чувствовал себя в обществе этой девушки гораздо свободней, словно его признание и ее утешающие слова разрушили существовавшую между ними преграду. В какой-то миг он едва ли не поблагодарил себя за собственную глупость.

Мисс Картер снова уменьшила скорость, и Мор начал приглядываться к окрестностям. К тому времени их уже окружало волнистое хвойное море Суррея, плещущееся между расходящимися веером главными лондонскими шоссе. Именно здесь спасающийся от городского шума записной лондонец чаще всего и произносит, хотя и с некоторым сомнением: «Ну вот, наконец-то мы в настоящей сельской местности».

«Наверное, мы проехали поворот, – размышлял Мор, – но это не страшно – если и дальше будем ехать все в том же направлении, то рано или поздно отыщем путь к реке. Мисс Картер хочет увидеть реку, и ее нельзя, после всех этих недоразумений, подвести. Я не имею права ее разочаровывать», – решил Мор. Тем временем становилось все жарче, все явственней ощущался ступившийся древесный дух, идущий от стоящих стеной сосен и елей. Автомобиль ехал и ехал.

То, что совершенно неожиданно возникло впереди на дороге, они оба, не сговариваясь, поприветствовали дружным возгласом. Резко затормозив, мисс Картер очень медленно подвела машину к этому месту. «Странно, – сказала она, – сначала я подумала, что это мираж». Дорогу перерезал *широкий ручей*. «Райли» остановился в нескольких футах от него. Неторопливая, сверкающая под солнцем лента стелилась перед ними. Слышалось тихое журчание.

Некоторое время они сидели, словно зачарованные этим звуком. Потом мисс Картер провела автомобиль еще чуть-чуть вперед, пока передние колеса не погрузились в воду. И тогда она ликующе посмотрела на Мора.

Ему передалось ее воодушевление. И он стал всматриваться, пытаясь разобраться, откуда течет ручей и куда. Выбываясь из зеленой чащи, ручей на другой стороне дороги исчезал под бетонной плитой, засыпанной сверху землей и заросшей травой, и, выливаясь, пропадал среди деревьев. По ту сторону ручья, неподалеку, Мор разглядел поворот налево.

– Едемте туда, – указал вперед Мор. – Думаю, река именно там.

– А вы не опоздаете? – с некоторым беспокойством спросила мисс Картер. – Не хочу вас подводить. Из-за меня у вас и без того уже неприятности.

– Пустяки! Вы ни в чем не виноваты. У меня есть время. Хотите туда поехать? Полюбujemy, и сразу назад.

– О, с радостью! – воскликнула мисс Картер. Подняв брызги, автомобиль плавно заскользил по ручью, проехал еще какое-то расстояние и сделал поворот. И снова они оказались под кровлей деревьев, в рассеянном зеленоватом свете. Мисс Картер сняла очки.

Ярдов через сто неширокая дорога, по которой они до сих пор ехали, сворачивала вправо, несомненно, прочь от того места, где должна бы быть река. Сквозь чащу деревьев ничего нельзя было рассмотреть. Но когда машина остановилась и мотор затих, стало слышно отдаленное бормотание. Река! Но прямо перед носом автомобиля сейчас возвышались белые ворота, а за ними начиналась тихая зеленая тропа, уходящая влево, в заросли папоротника и куманики, а затем под своды дубов, берез и сосен. Тропинка манила к себе. Они переглянулись.

– А давайте пройдемся пешком, – предложил Мор. – Река наверняка в двух шагах отсюда.

– Ну зачем же. Можем и проехать. – С этими словами она вышла из машины и начала отворять ворота. Через несколько минут «райли» уже ехал по тропе.

– Вести автомобиль по такой тропинке, – еле слышно произнесла мисс Картер, – все равно что плыть по улице в лодке. Как в сказке.

Мор не спешил отвечать. И в самом деле, как в сказке. Звук мотора превратился в еле слышное жужжание, а над всем сейчас властвовал величавый гул полуденного летнего леса, в котором очарованно тонут все остальные звуки. Оказавшись по ту сторону белых ворот, они как будто вошли в другой мир. Пьянящий лесной дух окутывал их, и Мор невольно оглядывался по сторонам, будто ожидая чудес. На самой дорожке, скорее всего предназначенной для верховой езды, трава была тщательно подстрижена, в то время как густо растущие по обочинам папоротники и полевые цветы так и лезли под колеса. То здесь, то там в глубину леса уходили усыпанные пожухлой листвой, наполненные коричневым сумраком аллеи. Река все не появлялась. Мисс Картер неожиданно остановила автомобиль.

– Хотите повести? – прежним негромким голосом спросила она.

Мор не сразу нашел, что ответить. В последний раз он вел машину лет пятнадцать назад, а своей собственной у него никогда не было.

– Я давно не сидел за рулем, – сказал он хрипло, – и позабыл, как это делается. К тому же у меня нет прав.

– Какая разница, никто не увидит, мы ведь не на шоссе. Так как, хотите попробовать?

– Не дай бог, еще разобью вашу чудесную машину, – замялся Мор. Но ему так хотелось, ему безумно хотелось повести «райли». И прежде чем он отыскал новые возражения, мисс Картер быстро вышла из машины, а он передвинулся на место водителя. В ней прямо бурлило какое-то ликование, она с восхищением наблюдала, как Мор изучает приборную доску. Он понял, что и в самом деле все позабыл.

– Как запустить двигатель? – спросил он.

– Вот тут зажигание, оно включается, вот стартер, вот ручка коробки передач. Помните, как ею управлять? Тут сцепление, ножной тормоз, акселератор. Ручной тормоз перед вами. –

Она бросала на него ликующие взгляды, как маленький мальчик, понимающий, что сейчас папаша натворит дел.

Мор чувствовал себя громоздким и неуклюжим. Он потрогал рукоятку переключения скоростей. Он вспоминал. Он завел мотор. Осторожно перевел рукоятку на первую скорость. Освободил сцепление. «Райли» рывком двинулся вперед. Он тут же нажал ногой на тормоз, и мотор затих. Мисс Картер зашлась от смеха. Подтянув ноги на сиденье, она обернула юбку вокруг лодыжек.

– Черт! – в сердцах выругался Мор. Он сделал еще одну попытку, и на этот раз ему повезло. «Райли» медленно покотился по тропе, и Мор даже сумел сделать поворот. Ветви деревьев застучали по крыше. В молчании они ехали сквозь густые заросли. Мисс Картер уже без смеха смотрела вперед. Слушая тихое урчание мощной машины и понимая, что она полностью в его власти, Мор чувствовал себя триумфатором. Его переполняла глубокая, всеохватная радость. Напряжения как не бывало. Он держал в руках руль, перед ним расступались деревья, под колеса машины стелилась густая зеленая ковровая дорожка. И тут Мор увидел человека. Тот лежал на усыпанном листьями травяном пятнышке почти у самой тропы; деревья здесь отступили, оставив свободное пространство. Полянку окаймляли цветы и густые заросли куманики, но в самой глубине этой живой изгороди чернел треугольный проход, уводящий в темноту леса. Человек лежал на боку на сухой траве и, кажется, играл сам с собой в какие-то ярко разрисованные карты. Большую часть из них он держал в руке, примерно с полдюжины лежали на траве. Это был широкоплечий коренастый мужчина, одетый в линялые синие джинсы и синюю рубашку. Одежда его чем-то напоминала униформу, но какую-то непонятную. Возле него под кустом примостились котомка и сверток, может быть, с инструментами. Лицо его было наполовину затенено, глаза опущены, но особый красновато-кирпичный цвет кожи и спутанные черные волосы подсказывали, что он, возможно, цыган.

Мор невольно остановил машину. Сейчас они находились в каких-то пяти футах от незнакомца. Прошла минута. Не поднимая глаз, мужчина продолжал рассматривать лежащие перед ним карты. Мор почувствовал, что мисс Картер прикоснулась к его руке. Он вновь включил мотор, и они поехали. И цыган вскоре пропал из виду.

Мор обернулся к спутнице и обнаружил, что та, побледнев, прижимает ладонь к губам.

– Не бойтесь, – попросил он.

– Я действительно испугалась, сама не знаю почему.

Автомобиль, тихо покачиваясь, ехал по тропе. А тропа все не кончалась. Мор и сам, непонятно почему, почувствовал тревогу.

– Наверное, это какой-то наемный рубщик леса из здешнего лесничества. Они живут в лесу: в хижинах, в палатках.

– Мне показалось, он чем-то похож на цыгана. А цыгане никогда ни на кого не работают. Может, надо было дать ему денег? Как вы думаете?

Мор снова бросил взгляд на нее. И снова почувствовал тревогу.

– Цыгане очень самолюбивы, – с невольной почтительностью признал Мор.

– А вы обратили внимание на карты? Я таких никогда не видела.

В этот миг тропа сделала еще один поворот, и они увидели реку. Стелясь вдоль берега, тропа расширялась, превращаясь в широкую поляну; между берегами, поросшими тростником, кипреем, мятликом, блестело под солнцем зеркало реки. То там, то сям виднелись поздние, еще неувядшие незабудки. Пахло водорослями.

Мор остановил машину, они вышли. Подошли к берегу и остановились в молчании. Все вокруг настолько напоминало сад, что Мор невольно оглянулся, ожидая увидеть невдалеке жилище хозяина. Но ничего не увидел, кроме окаймленной пышной зеленью реки. Он посмотрел на девушку. Она стояла на берегу, среди листвы и цветов, и лицо ее выражало какой-то

невероятный восторг. Словно слепая, она протянула руки к веткам, сорвала листочек, положила его в рот и прожевала, задумчиво глядя на воду.

Мор резко отвернулся и пошел вдоль берега. Вот она, настоящая естественная жизнь, где для каждого времени года существуют свои тончайшие признаки. Терновник уступает место боярышнику, тот в свой час отходит, давая место бузине. Как редко доводится бывать в таких местах! Отведя рукой ветви, он обнаружил, что река разлилась здесь в виде широкой тенистой заводи. Берег отлого спускался к воде. У самого края дно было усыпано галькой, но дальше ничего уже не видно, значит, там очень глубоко. Вода у берегов словно заштрихована белыми линиями. Белые лебединые перья невесомо плывут по глади. Мор оглянулся, чтобы окликнуть свою спутницу, но она уже стояла у него за спиной.

– О! – воскликнула мисс Картер. – Я хочу искупаться! Вы не против? Я так хочу! Так хочу!

Растерянный и даже чуточку испуганный, Мор понял, что у него просят разрешения, но не знал, что сказать.

– Мне *надо* искупаться, ну, пожалуйста, – вновь повторила мисс Картер. И Мор увидел шальные огоньки в ее глазах. И вспомнил вдруг цветочный сад и комнату Бладуарда.

– Конечно, купайтесь, если хотите, – ответил он наконец. – Будем надеяться, что никто посторонний сюда не пожалует. Я отойду подальше и покараулю.

– Это глухое место, никто сюда не придет. Я разденусь тут, в зарослях, это не займет много времени. Но мне просто необходимо поплавать.

Мор вышел из сумрачных зарослей и пошел, волоча ноги, по заросшему травой берегу. Ему стало как-то не по себе. Солнце припекало. Капли пота, словно слезы, непрерывно стекали по его лицу. Река и в самом деле так и звала окунуться. Мор отыскал местечко на берегу среди высокой травы и сел, глядя на воду, которая струилась тремя-четырьмя футами ниже. Росший на противоположном берегу утесник дурманил сильным кокосовым ароматом. Крупная стрекоза на миг повисла в воздухе и тут же исчезла. Птичьего пения не было слышно. Жара утомила и птиц.

Мор сидел спиной к тому месту, где за невысокими деревьями скрывалась заводь. Через несколько минут до его ушей донесся энергичный всплеск и восторженный возглас.

– Чудесно! – прокричала мисс Картер. – Вода такая теплая. И совершенно чистая! Вы не знаете, водяной кресс здесь растет?

– Смотрите не запутайтесь в водорослях, – предупредил Мор.

Всплески стали громче.

Мору становилось все тревожней. «И зачем я только ввязался в эту глупую историю», – думал он. Потом вспомнил о Нэн и понял, что неприятностей не избежать, напрасно надеется. Да и с какой стати он решил, что все обойдется? Ведь у него в жизни раньше ничего подобного не случалось. Действительно, Мор старался не лгать жене, ну мог еще сказаться больным, будучи здоровым, и наоборот. Но сегодня вечером предстоит сознаться в том, чего еще никогда не случалось в его жизни. И он не мог даже предположить, как Нэн это воспримет. Ну, ничего ужасного, безусловно, не произойдет. Скажет правду, после чего им обоим останется одно – как-то ее принять. Но он даже приблизительно не представлял, как все это произойдет, и поэтому почувствовал глухую тоску.

Сказать ли Нэн о том, что мисс Картер купалась в речке? Может быть, надо было вообще запретить ей это делать. Но это было бы как-то жестоко. Придется рассказать все. Если уж он решился искать спасения в правде, а это и в самом деле единственное его спасение, то лучше выложить все начистоту. Несомненно, на обратном пути он заглянет к Тиму, и таким образом хоть какую-то часть истории можно будет изложить свободно. А может, и это тоже ложь? Может, визит к Тиму он изобрел лишь для того, чтобы подольше пробыть в обществе мисс Картер? Он не мог с уверенностью сказать, что это не так. Наверное, потом, после того как

сегодняшний вечер останется позади, лучше не встречаться с мисс Картер без особой необходимости. Хотя что здесь такого особенного. Какая глупая ложь. Из-за этого простое и обыденное действие превращается в нечто двусмысленное. Мор глядел прямо перед собой. Водяная крыса медленно проплыла к противоположному берегу и исчезла в зарослях. Но Мор ничего не видел. Темная завеса повисла между ним и теплым пространством клонящегося к вечеру дня. Он посмотрел на часы.

Пятнадцать минут шестого. Мор вздрогнул. Как быстро пролетело время! Надо возвращаться, и немедленно. Он повернулся к зарослям и увидел брошенное на куст синее шелковое платье и на зеленой траве крохотные ярко-желтые сандалии. Он поспешно отвернулся.

– Мисс Картер! – позвал он. – Пора возвращаться. Я разверну машину.

– А вы справитесь с управлением? – совсем близко от него раздался звонкий, свежий голосок.

– Справлюсь. – С угрюмым видом Мор забрался в машину и завел мотор. Впутаться в такую историю! Какой же он глупец! Но сегодня вечером все вновь станет простым и понятным. Нэн, конечно же, обидится, даже рассердится, но иного выхода из этой нелепицы у него нет. Сознание, что каждой минутой пребывания здесь он обманывает жену, мучило его нестерпимо.

Включив реверс, Мор развернулся и немного проехал вдоль берега. Получилось даже лихо. Затем нажал на тормоз и перевел рычаг на первую скорость. Осторожно спустил сцепление. Машина не двигалась. Он легонько нажал на газ, но все оставалось по-прежнему. Машина стояла на месте. Мор сосредоточился. Проверил ручной тормоз, проделал все положенные манипуляции, сильнее нажал на газ. Машина не трогалась с места. Теперь он слышал не предвещающий ничего хорошего жужжащий звук – одно из задних колес делало холостые обороты, приминая траву.

Мисс Картер неспешно шла к нему по лужайке. На лицо ее вернулось привычное, чуть чопорное выражение, с которым спорило отнюдь не чопорное, а сейчас и вовсе плотно облепившее тело, шелковое платье. Она шла босиком, туфли и чулки несла в руке.

– Что случилось? – чуть встревоженно спросила она.

– Застряли, – выйдя из машины, пояснил Мор.

– А может, вы случайно включили ручной тормоз?

– Нет. – Мор обошел вокруг машины. Оказалось, она замерла в опасной близости от края обрыва, запутавшись задними колесами в густой траве. Берег здесь круто обрывался вниз, но растительность мешала рассмотреть это. Под покровом зелени почва была влажная и топкая. Зайдя по грудь в высокую траву, он обнаружил, что правое колесо почти висит над пропастью среди клонящихся к воде зеленых кушей, а левое застряло в болотистой ямке. От переднего колеса до обрыва был один фут, может быть, два.

– Ну как там? – спросила мисс Картер. Она шла за ним, как и прежде босая, и, наклонившись, он увидел ее маленькие белые ступни в траве рядом со своими тяжелыми ботинками.

– Осторожно, тут крапива, – буркнул Мор. – Ладно, думаю, я все понял. Одно колесо подошло слишком близко к краю обрыва, но если второе не пробуксует, то выедем наверняка. Оно застряло в какой-то канавке. В крайнем случае подстелем под него травы и ветвей, и все будет в порядке. Я заведу мотор, а вы проследите за задними колесами.

– Нет, я заведу, – возразила мисс Картер. – Меня машина послушается. Она села и запустила двигатель. Но ничего не изменилось. Мотор взревел, и только. Мор увидел, как задние колеса проворачиваются, одно – среди травы у самого обрыва, другое – в грязной колее. Мисс Картер выключила мотор и вышла из машины.

– Охалка травы и хвороста, вот что нам надо, – сказал Мор. И, отойдя к опушке леса, начал срывать высокие стебли травы и папоротник. Мисс Картер ушла чуть дальше, в лес, и там занялась сбором ветвей. Когда она вернулась, Мор заметил, что ноги у нее исцарапаны до крови. Они вместе присели у колеса. От мисс Картер пахло речной водой. Когда она наклони-

лась вперед, капля, упавшая с мокрых прядей волос, потекла вниз, к груди. Она помогла Морю затолкать листву по бокам колеса. Затем Мор руками выгреб грязь из канавки под шиной и задвинул туда связку прутьев и папоротника.

– Ну вот, – сказал Мор. – Теперь попробуем отъехать. Вы поведете или я?

– Я. А вы проследите.

Мор присел на корточки возле левого колеса, а мисс Картер вновь запустила мотор. Напрягшись, Мор наблюдал, как колесо начинает вращаться. Все шло как надо. Поверхность шины надежно соприкасалась с сухой подстилкой. Мор уже собрался крикнуть, что все в порядке, как машину вдруг тряхнуло, и она опять остановилась. Мор с удивлением увидел – колесо приподнялось над землей и крутится в воздухе. Он поспешно встал на ноги.

– Что опять случилось? – огорченно спросила девушка из машины. Корпус автомобиля начал клониться к реке.

Мор поспешно зашел с другой стороны и обнаружил, что от берега отвалился еще один ком земли и правое колесо зависло в воздухе.

– Выходите, – приказал Мор.

– Нет, еще раз попробую завестись.

– Выходите немедленно.

Она вышла и, увидев положение задних колес, тихонько охнула.

– Я ужасно сожалею, – сказал Мор. – Это все из-за меня. Но в сторону сожаления. Надо что-то делать.

– Допустим, подложим что-нибудь под левое колесо, потом вы сильно толкнете сзади, тогда, может быть, выберемся.

– Сомневаюсь. Сначала надо как-то поднять мост. Корпус и без того уже достаточно накренился.

– А если поднять домкратом, выровнять в горизонтальном положении, а потом медленно опустить?

– Домкратом не получится – не на чем его установить, почва слишком рыхлая. Да и вообще, если мы ее и опустим, она снова накренился.

Мисс Картер хотя и была огорчена, но вовсе не растеряна. Она напряженно размышляла. И прежде чем Мор опомнился, нырнула под автомобиль.

– Что вы делаете? – крикнул он. – Смотрите, как наклонилась!

Но девушка уже вылезла из-под машины. Колени и подол ее платья были все в грязи.

– Хотела проверить, что с мостом, – отбросив чулки и туфли в траву, пояснила она. – Оказывается, там под ним камень. Давайте подложим что-нибудь объемистое под левое колесо, потом освободим мост от камня. И тогда машина вновь станет на три колеса.

– Бесполезно. Тут нужен трактор.

– Сначала испытаем этот способ, – решительно заявила она и тут же побежала в заросли. Чувствуя, что потихоньку начинает ненавидеть эту машину, Мор пошел за ней. Девушка вскоре отыскала плоский, поросший мохом камень, и они потащили его к берегу. Камень был очень тяжелым. Мор снял плащ и подвернул рукава. Начали засовывать камень под колесо. Покрытый грязью камень так и норовил выскользнуть из рук.

– Работа для сумасшедших, – откачнувшись на пятках, пробормотал Мор. Мисс Картер покраснела от напряжения. И без того румяные щеки ее, теперь ставшие и вовсе пунцовыми, были покрыты потеками грязи. Платье задралось. Одним коленом она упиралась в землю. Это было, честно говоря, забавное зрелище.

– Надо проследить, чтобы камень не оказался снаружи. Если машина встанет на него, то уже не соскользнет с обрыва.

Мор лишь вздохнул. Никуда не денешься. Надо довести дело до конца.

– Теперь подумаем, – сказал он, – как извлечь другой камень из-под моста, да так, чтобы авто на нас не обрушилось.

– Воспользуемся рукояткой стартера, – сказала мисс Картер. В ней просто бурлила жажда деятельности. Она открыла багажник и достала оттуда рукоятку.

– Дайте мне, – велел Мор. – И отойдите в сторону. Когда машина встанет на три колеса, я попытаюсь ее вывести.

Мор на секунду нырнул в «райли» – поставил машину на ручной тормоз и включил первую скорость. Потом вернулся к багажнику и лег у самых колес. Он увидел и тот камень, который они притащили из лесу, и другой, поближе к берегу, заклинивший задний мост. Он протянул руку, вооруженную рукояткой, и начал подкапывать у основания этот второй камень. Мисс Картер присела поблизости, но ее почти скрывала высокая трава.

Работа шла на удивление легко. «Может, и в самом деле, – думал Мор, – этот сумасшедший план удастся осуществить». Камень, кажется, уступил его усилиям и начал наклоняться. Еще немного... мост освободится, и машина опять встанет на три колеса. Мор копнул еще раз и резко отпрянул.

Зловеще прощурив шинами, «райли» сделал безумный крен к реке. Машина вздыбилась над Мором, как вставший на задние лапы медведь. Он кубарем скатился в траву, ударившись со всего маха о колени мисс Картер. Потом они, шатаясь, встали на ноги.

– Вас не задело? – с тревогой спросила она.

Мор не ответил. Они приблизились к берегу. Еще один большущий кусок склона обвалился, и машина зависла теперь уже двумя колесами, передним и задним. Комья земли падали вниз, замутняя воду; течение равнодушно подхватывало и уносило вдаль длинные стебли камыша, пучки травы, сломанные стебельки цветов.

– М-да, – произнес Мор, – теперь, я так думаю, пора идти за трактором.

– Поздно, – ровным голосом произнесла девушка. Мор посмотрел и понял, что действительно уже поздно. – Падает в реку, – прошептала она. Они наблюдали, как медленно, очень медленно автомобиль клонится к воде. Комья земли с хлопаньем ударялись о воду и тонули в ней. Взяв девушку за руку, Мор отвел ее в сторону. Возникла напряженная пауза, и в тишине стали еще слышнее равномерный шум воды и жужжание ос на лугу. Автомобиль некоторое время балансировал на врезавшихся глубоко в почву колесах, потом вновь начал медленно наклоняться. Колеса все выше и выше поднимались над землей, и наконец корпус повис вертикально над водой. Потом, скрежеща и приминая землю, машина перевернулась и крышей вниз обрушилась в реку.

И снова стало очень тихо. В наступившей тишине явственнее слышались шорохи леса и трав и журчание воды, но как-то иначе, чем прежде. Потому что поток теперь устремился сквозь открытые окошки машины. Речка была не очень глубокой, вода доставала лишь до окошек. Стебли колыхались под теплым ветерком, и стрекозы, словно вертолетики, зависали среди яркой зелени.

Ничего не изменилось вокруг, только чернел слой обвалившегося берега да «райли» лежал внизу в реке в лучах вечернего солнца, словно громадный черный, перевернувшийся вверх лапами жук.

– О боже, – вздохнула девушка.

Мор не знал, что сказать. Он видел, что она вот-вот заплачет.

– Бедный мой «райли», – проговорила она и разрыдалась.

Растерявшись на минуту, Мор протянул руки и крепко обнял ее.

Опомнившись, девушка поспешно высвободилась из его объятий. Мор протянул ей платок.

– Послушайте, – сказал он, – нам теперь одно осталось – пойти и отыскать гараж с командой ремонтников, пусть они разбираются. В общем-то, машина не пострадала... просто надо

ее вытащить. Нужен кран, и все будет в порядке. Я останусь и прослежу, а вы езжайте домой на автобусе. Во всем виноват я один – и, разумеется, оплачу все расходы. А вы отправляйтесь домой и отдыхайте. Я провожу вас до шоссе.

– Ох, не говорите глупостей, – устало отмахнулась мисс Картер, – я не оставлю машину. Вы идите за ремонтниками, а я здесь побуду.

– Мне не хочется оставлять вас одну в лесу, – возразил Мор. Он вспомнил о цыгане.

– Сделайте одолжение, идите. Я останусь здесь.

Мор понял, что ее не переубедишь. И еще ему стало ясно, что она и в самом деле хочет, чтобы он ушел. Повернувшись, он пошел по тропинке и, проходя мимо полянки, где раньше лежал цыган, обнаружил, что там его уже нет. Он вышел из ворот и вскоре остановил машину, которая и привезла его к ближайшему гаражу. И не более чем через полчаса небольшой, груженный краном грузовичок, приминая папоротник и ломая ветви, вновь подвез его к берегу реки.

Мисс Картер стояла по колено в воде около машины. Заметив подъезжающий грузовик, она выбралась на берег и решительно обратилась к Морю.

– Я вас прошу, уезжайте домой, – сказала она. – Вы здесь ни при чем. Я сама уговорила вас поехать. Пожалуйста, езжайте домой. Ваша жена наверняка места себе не находит от беспокойства.

– Нет, я должен остаться и проследить, чтобы все было в порядке.

– Пожалуйста, пожалуйста, уходите, – держа его за руку, твердила девушка, – пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

И Мор в конце концов сдался. Ремонтники, посоветовавшись, объявили, что без труда извлекут «райли», но мисс Картер, по всей видимости, не терпелось, чтобы он ушел. Поэтому, постояв еще немного, Мор отправился в обратный путь. Когда в его поле зрения показался пересекающий дорогу ручей, Мор увидел, что у воды кто-то стоит. Это был тот самый человек с полянки, сейчас он стоял в воде прямо в ботинках, и струи воды омывали низ его штанов. Он не оглянулся, а зашел поглубже. Мор минуту понаблюдал за ним, потом развернулся и пошел в обратную сторону. И вскоре остановил попутную машину, на которой доехал до шоссе. Там он сел в автобус.

Приближаясь по оживленной дороге к своему городку, Мор чувствовал себя так, будто возвращался из сказочного путешествия. Всего несколько часов назад он встал из-за обеденного стола в доме Эвви. Что же это был за мир, в который он попал потом? «Какой бы она ни была, – подумал Мор, – та страна, по которой я совершил путешествие, ясно, что больше мне там побывать не придется». От этой мысли ему стало очень грустно, и вместе с тем мысль эта была утешительной. Он взглянул на часы. Начало девятого. И в самом деле, Нэн, наверное, места себе не находит. Надо было ей позвонить. Но в той странной атмосфере мысль о звонке ни разу не посетила его. За окошком автобуса показались знакомые улочки. Он вышел из автобуса и быстрым шагом пошел мимо тесно прижавшихся друг к другу домов к своему собственному.

Дойдя до угла, он вдруг остановился. Знакомая фигура выступила из тени деревьев и быстро направилась к нему. Это был Тим Берк.

Тим подошел к Морю, взял его за руку и повел в ту сторону, откуда тот пришел.

– Тим! Что случилось? Мне сейчас не до разговоров. Мне надо домой. Я попал в очень неприятную ситуацию.

– Еще бы! – сказал Тим. Схватив руку Мора, он настойчиво вел его по дороге. – Я ждал тебя здесь. И сомневался, этой ли дорогой ты пойдешь. Я не хотел, чтобы Нэн меня увидела. – Они свернули на другую дорогу.

– Что случилось, Тим? – освободив руку, спросил Мор. Они остановились под каким-то деревом.

– Нэн мне звонила, – сообщил Тим.

«Ну конечно, – подумал Мор, – как же это я не догадался, что Нэн обязательно позвонит Тиму и спросит, где это я запропал».

– И что же она ответила, когда узнала, что я к тебе не заезжал?

– Она не узнала.

– Как?

– Я сказал, что ты просидел у меня большую часть дня, потом отправился хлопотать о помещениях для комитета, и, скорее всего, это продлится до самого вечера.

– Тим, ради бога, зачем ты все это нагородил! – схватившись за голову, простонал Мор. Тим взял его за лацкан плаща.

– Я видел тебя в машине с девушкой, на светофоре, около Марсингтона.

Мор прислонился к дереву. Это было платановое дерево с чешуйчатой пегой корой. Мор отломил кусочек.

– Мне кажется, твое ирландское воображение сыграло с тобой шутку. В машине была мисс Картер, та, что пишет портрет Демойта. И я действительно заехал бы к тебе, но с машиной случилась авария.

Тим ничего не ответил. «Я и сейчас лгу», – подумал Мор. О боже!

– Тим, извини, ты поступил как настоящий друг. Сегодняшняя неразбериха... в ней я один виноват.

– Ты не сердись на меня? Я не мог сказать, что тебя не было. Я хотел как лучше. И вот придумал. – Тим все еще держал его за отворот плаща.

– Успокойся, Тим. В сущности, ты поступил очень разумно. Я один виноват. И больше это не повторится. Поэтому сделаем так, будто ничего и не было. Я ужасно виноват, что втянул тебя. В общем, благодарю, ты все правильно сделал.

Он тронул Тима за плечо. Тот отпустил его плащ.

Они поглядели друг на друга. Во взгляде Тима сквозили любопытство, неуверенность и сочувствие. А во взгляде Мора – боль и раскаяние. Они пошли назад по дороге.

Когда завернули за угол, Тим спросил:

– Ты уже говорил с ней?

– Еще нет. Вскоре поговорю.

Они минуту постояли.

– Ты не сердись? – произнес Тим. – Я хотел как лучше.

– Ну как я могу сердиться. Мне у тебя надо прощения попросить. Ты правильно поступил. И больше не будем к этому возвращаться. Спокойной ночи, Тим.

Мор повернулся и медленно побрел домой.

Глава 7

На земле вечерет, и свет находит последнее пристанище в небесах. Высокие окна гостиной распахнуты. Арабески птичьего пения, нарушаемого обычно человеческими голосами, сейчас вольно наполняют комнату. В догорающих отблесках дня Рейн Картер работает над картиной...

Это было на следующий день после крушения «райли». Бригада ремонтников довольно быстро вытянула автомобиль и отвезла в гараж. В аварии пострадал мотор, вдобавок туда затекла вода, несколько примялась крыша, но, кроме этого, никаких серьезных поломок не обнаружилось. В гараже пообещали, что через какое-то время машина станет как новенькая.

Но сейчас Рейн не думала о машине. Не думала она и об Уильяме Море, хотя накануне вечером, прежде чем заснуть, мысли ее были заняты именно им. Работа над картиной полностью захватила ее. Этим утром Рейн кое-что важное решила относительно портрета, наметила, как надо действовать, и, не откладывая в долгий ящик, начала осуществлять намеченное. На полу в гостиной расстелили простыню, на которую поставили мольберт, кухонный столик и стул. На столике лежали кисти и краски, большой холст был натянут на подрамник. Напротив, возле окна, на фоне одного из своих ковров, сидел Демойт. За окном виднелся краешек сада, несколько деревьев, а вдали над деревьями маячила башня школы. Перед Демойтом стоял стол с разложенными на нем книгами и бумагами. По требованию художницы Демойт просидел тут довольно долго и сейчас был уже несколько утомлен. Тем более что большую часть времени Рейн не писала, а расхаживая туда и сюда, то разглядывала портретируемого, то обращалась с просьбой чуть изменить позу, то уходила, принося различные предметы и раскладывая их на столе.

На Демойте был его любимый потертый вельветовый пиджак и галстук-бабочка. Эта своеобразная капитуляция произошла вчера утром. После завтрака Рейн вдруг заявила: «Не сочтите меня капризницей, мистер Демойт, но – вот костюм, в котором я хочу вас изобразить». И выложила перед ним на стул этот самый наряд. Демойт промолчал, но тут же направился к мисс Хандфорт, чтобы объявить ей, как он относится к такого рода предательству. Ханди ответила так: «И дураку понятно, что я ничего не знала, а если бы и знала, то не выболтала бы, и вы это прекрасно понимаете, этой чернавке». Демойт еще немного покипел, потом мысленно пообещал сделать нагоняй Мору, когда тот в очередной раз явится. После чего все же переделался в предложенный наряд, в коем тут же почувствовал себя куда лучше и свободней, чем в прежнем.

Неспешно рассматривая сидящий перед ней объект, Рейн слышала голос отца: «Не забывай, что портрет должен иметь глубину, массу, и плюс к этому – декоративные достоинства. Не позволяй себе увлекаться головой или пространством настолько, чтобы забыть, что холст, помимо всего прочего, это еще и плоская поверхность, ограниченная рамой. Твоя задача состоит еще и в том, чтобы покрыть эту поверхность неким узором». Что не давалось Рейн, так это видение этого самого узора. И лишь совсем недавно ей открылось, каким именно он должен быть; а с этим пришло понимание, как надо писать лицо Демойта. Лицо у него болезненно желтоватого цвета и все изрезано морщинами, будто сморщившееся яблоко. Резче всего эти морщины выступают у рта, которому на портрете, скорее всего, будет придано до некоторой степени саркастически-насмешливое выражение, столь характерное для старика. То же самое выражение отзовется более приглушенно в грозно сходящихся у переносицы кустистых бровях, проявится в очертании глаз и в глубоких морщинках, веером расходящихся от уголков. Сыграет свою роль и изборожденный множеством тонких морщин лоб. В этом месте дух иронии должен как бы смениться примирением, а веселость – печалью.

Как часть фона Рейн решила выбрать ковер, узор которого повторит уже найденную тему. В узорчатой поверхности должен содержаться скрытый намек на характер портретируемого, так страстно стремившегося задекорировать все окружающее его пространство. И она выбрала превосходный ширазский ковер, интенсивно золотистый фон которого еще выгодней подчеркнет оттенок, найденный ею для стариковского лица, а паутина морщин еще раз откликнется в переплетении вытканых на ковре цветов. Этот ковер, тот самый, возле которого Мор впервые увидел ее, она уговорила Демойта временно повесить возле окна, а на его место поместить какой-нибудь другой. Старик хоть и помрачнел, но просьбу исполнил.

Рейн сознавала все подводные камни своего плана. То, что глубина и пространство могут оказаться жертвами внешней декоративности, ее, конечно же, беспокоило, но далеко не в первую очередь. На такой риск ей и раньше случалось идти. И она уже по опыту знала, как надо действовать: сначала уделить внимание декоративности, после чего забыть о ней и заняться глубиной – и непременно все сложится. А вот найденный декоративный мотив в сочетании с предполагаемым цветовым решением мог оказаться слишком мягким, что грозило ослабить композицию в целом. И чтобы этого не произошло, надо будет уделить особое внимание лепке головы, это самая трудная задача, и кряжистой мощной шее. Предметы на столе и руки тоже должны сыграть свою роль, особенно руки. Относительно этой детали Рейн еще не решила. Трактовка пейзажа за окном готовила свои сюрпризы. Деревья можно бы изобразить несколько стилизованно, но вряд ли это верный путь. Нет, пожалуй, тут нужна иная манера, более аскетичная. От чего она не могла отказаться, так это от желания поместить башню Сен-Бридж, величавую, устремленную в небеса, в верхнем левом углу картины. Само небо должно быть бледным, контрастирующим с ярким светом комнаты и таким образом уравновешивающим все цветовое решение картины, Демойт должен смотреть несколько в сторону, прочь от окна, не прямо в глаза зрителю.

– Пора, мадемуазель, заканчивать, – буркнул Демойт. – При таком свете нельзя писать. – И в который раз нетерпеливо заерзал на стуле. Сидеть ему расхотелось еще тогда, когда он узнал, что сейчас пишут-то вовсе не его, а какой-то там уголок ковра. И он давно ушел бы, но Рейн остановила его замечанием, что «все цвета влияют друг на друга, поэтому и ковер без вашей фигуры станет совсем другим».

– Я знаю, что нельзя, – рассеянно ответила девушка. На ней были черные брючки и просторный красный халат с подвернутыми рукавами. – Света маловато, вы правы. Если бы меня сейчас увидел мой отец, он бы рассердился. Но мне обязательно надо закончить вот этот маленький кусочек.

Она тщательно выписывала каждый завиток на поверхности ковра в правом углу картины. Остальное на холсте было едва намечено мелкими тонкими штришками. Рейн, как и ее отец, не была сторонницей подмалевка. Она привыкла писать сразу красочными мазками, и то, что получалось, могло показаться окончательным вариантом, но почти всегда на этот первый слой через какое-то время наносился новый. Рейн следовала манере Сидни Картера и в том, что сначала писала фон, а уж потом главные предметы; они как будто вырастали из фона и начинали, если это было необходимо по замыслу, властвовать над ним. И еще она всегда помнила другой совет отца: «Попробуй тщательнейшим образом выписать какой-нибудь совсем крохотный фрагментик картины – и многое узнаешь о своем будущем полотне. Выполни эту работу и отложи, чтобы подумать». И Рейн надеялась, что на следующий день сумеет на основе маленького, но вполне завершенного фрагмента ковра продвинуться дальше.

Она отложила кисти. В комнате и в самом деле стало слишком темно.

– Пожалуйста, посидите еще минуточку, – видя, что Демойт готовится встать, попросила Рейн. – Еще немножко, прошу вас.

Он сел.

Рейн подошла к нему и начала рассматривать руки, задумчиво склонившись над столом. Руки. От них многое зависит. На картине они должны стать еще одним выражением силы. Но как же их изобразить?

– Что делать с вашими руками, прямо не знаю, – вздохнула Рейн, потянувшись через стол, взяла Демойта за руку и положила ее на какую-то книгу. Нет, не звучит.

– А вот я знаю, что делать с вашими, – отозвался Демойт. Взял ладонь девушки в свою и поднес к губам.

Рейн чуть заметно улыбнулась. Она глядела на Демойта, но уже не изучающим взглядом. В комнате теперь стало совершенно темно, хотя в саду еще теплился свет.

– Из-за меня вы провели утомительный день? – спросила она, не пытаясь высвободить ладонь. Демойт держал ее в своей, тихо поглаживая и то и дело поднося к губам.

– Из-за вас я просидел в одной позе долгие часы, а при ревматизме это настоящая мука, вот и все. Дайте-ка я взгляну, что вы там понаписали за сегодняшний день. – И он тяжело протопал к мольберту. Рейн пошла за ним и села на стул перед холстом. Она чувствовала себя усталой.

– Добрый божевка! – вскричал Демойт. – Дитя мое, и это все, что вы изобразили за последние два часа? Какой-то жалкий пятячок ковра! Ну и славно, – значит, вы пробудете с нами долгие годы. А может, вы, как Пенелопа, будете трудиться вечно? Ну что ж, я буду только рад. И подозреваю, что есть еще один-два человека, которые тоже будут рады. – Демойт склонился над стулом, на котором сидела Рейн, и коснулся ее волос. Тяжелой ладонью обнял затылок. Медленно опустил руку на ее шею.

– Картину я закончу, – произнесла Рейн, – и уеду. Но мне будет жаль. – Она говорила очень серьезно.

– Да, – сказал Демойт. Он взял другой стул и сел рядом с ней, касаясь коленями ее коленей. – Закончите и уедете, и я вас никогда больше не увижу. – Он говорил об этом как о чем-то обыденном, давным-давно решенном. Она внимательно смотрела на него. – Когда вы уедете, здесь останется мой портрет, а мне хотелось бы, чтобы остался ваш.

– Любой портрет – это и портрет художника, – ответила Рейн. – Создавая ваше изображение, я отражаю в нем себя.

– Спиритические бредни! Я хочу видеть вас во плоти, а не призраком.

– Художники воплощают себя в тех, кто им позирует, и зачастую почти в буквальном смысле. Берн-Джоунз изображал людей такими же худыми и мрачными, каким был он сам. Ромни всегда воспроизводил свой собственный нос. Ван Дейк – свои собственные руки. – В полумраке она протянула руку и, проведя пальцами по ворсистой ткани его пиджака, взяла Демойта за запястье.

– Ваш отец, да, он научил вас многому, – сказал Демойт, – но вы сами совсем иная и должны жить по-своему. Простите мне, старику, скучные речи. Вы не можете не понимать, как мне хочется сейчас обнять вас, и знаете, что я этого не сделаю. Рейн, Рейн. Расскажите-ка лучше, как по-вашему, зачем художнику нужно, чтобы модель походила на него? Вы хотите, чтобы я стал похож на вас? Что за причуда?

– Не знаю, наверняка есть какие-то пределы для нашего видения себя во внешнем мире. Свое собственное лицо мы изнутри ощущаем как трехмерную маску. И когда изображаем другого человека, на помощь зовем опыт осознания нашего собственного лица.

– Значит, наши лица не более чем маски? – Демойт коснулся лица девушки и осторожно провел пальцем по ее носу.

Мисс Хандфорт шумно вторглась в комнату и включила свет. Рейн не сдвинулась с места, зато Демойт отшатнулся, да так неуклюже, что ножки стула со скрежетом проехали по полу.

– Господи, вы все еще сидите здесь, в такой темноте! – воскликнула мисс Хандфорт. – А там мистер Мор пришел только что. Я посоветовала ему идти наверх, в библиотеку, думала,

вы там. – Мисс Хандфорт протопала к окну и начала энергично задергивать шторы. Сад уже успел потемнеть.

– Мне не нравится, Ханди, что ты таким стенобитным орудием вламываешься в комнату, – заметил Демойт. – Оставь шторы и поди скажи Морю, чтобы шел сюда.

– Пусть все остается здесь или убрать? – спросила Ханди, указывая на простыню, на холст и на прочие атрибуты.

– Пусть еще останется, если можно, – попросила Рейн.

– Это что же получается, вы собираетесь завладеть и моей гостиной? – пророкотал Демойт. – Дом и без того уже весь пропах красками. Иди, Ханди, ступай и доставь того господина из библиотеки.

Подходя предыдущим вечером к двери своего дома, Мор все еще сомневался – рассказывать жене или нет всю историю целиком? Вмешательство Тима усложнило задачу. «Теперь, если я расскажу откровенно, – размышлял Мор, – то брошу тень не только на себя, но и на него». Но не столько это останавливало Мора, сколько чувство, что все эти рассказы, и его, и Тима, делают историю куда более двусмысленной, чем она есть на самом деле. «Я видел тебя в автомобиле с девушкой». Тим произнес эту фразу так, что Мор вдруг увидел происходящее со стороны; и понял, что внешне это совсем иначе выглядело, а ведь ему самому все казалось обыкновеннейшей, зауряднейшей поездкой на автомобиле. Значит, размышлял Мор, если я сейчас изложу Нэн чистейшую правду, то это все равно ни к чему путному не приведет. Как ни старайся, у Нэн все равно останется подозрение, что от нее что-то утаили. А так вроде ничего и не случилось. Да ведь и в самом деле ничего не случилось, а вскоре и вовсе забудется. «Если не считать нескольких неизбежных официальных встреч, я с этой девушкой больше не увижусь». «И не будем больше к этому возвращаться» – вспомнились слова, сказанные Тиму, и, как он сейчас понимал, очень правильно сказанные. Тим не имеет привычки осуждать. А вот если рассказать Нэн, то она никогда не успокоится и его принудит вечно сожалеть и каяться.

В общем, войдя в дом, он все еще не решил ни за, ни против. Нэн встретила его внизу, у дверей.

– Ну вот ты и дома, а я волновалась. Ужин в духовке. Я испекла кекс, он там, на буфете, – возьмишь, если захочешь. Фелисити поужинала и ушла в кино, а мне надо посетить миссис Пруэтт. Ты, разумеется, представляешь, как это весело. Завтра вечером собрание на женских курсах, и Пруэттиха хочет знать мое мнение насчет того, что *развивает* женщину, кроме кино и танцев. Я тут же по телефону ответила ей, что кроме танцев и кино иных способов не вижу, но она хочет, чтобы я пришла. Надеюсь, не задержусь надолго, но ты ведь знаешь, как эта дама вьедлива. – Через минуту Нэн уже закрыла за собой дверь.

Мор сел ужинать. И тут же понял, что размышления не прошли даром: он наконец решил. Так вот, если он собирался рассказать все как было, то нужно было не зевать, пока она не ушла. Но этот момент прошел. Нэн «съела» полуправду. И разумней будет ее не разочаровывать. Если бы она спросила, он бы не стал скрывать. А так – пусть все остается как есть. Мор отрезал кусочек кекса и вдруг понял, что надо еще кое-что сделать. Нужно предупредить Рейн, что он передумал рассказывать жене. Надо сообщить, и не откладывая, иначе может выйти недоразумение. Над кексом Мор задумался об этом новом обстоятельстве. И тут подоспел очередной вопрос – расскажет ли она *Демойту* об этой загородной прогулке? От этой мысли Мор вновь не на шутку встревожился. «Обязательно встречусь с ней завтра, – решил он, – и выясню, сказала или нет, и если да, то надо будет как-то так сделать, чтобы дальше не пошло». Демойт, безусловно, тоже не болтун, но именно в эти обстоятельства посвящать его почему-то не хочется. Ведь старик славится язвительностью, а этот случай раззадорит его еще больше. Ну а что, если мисс Картер не скажет? Может так случиться? У нее такой независимый характер, и наверняка она умеет хранить секреты. А это вопрос в некотором смысле деликатный, поэтому, скорее всего, она ничего не скажет Демойту. И все же надо бы как-то выяснить. Но как? Ведь для

этого понадобится обстоятельный разговор, а завтра целый день уроки, да и вечером тоже не получится, потому что вокруг мисс Картер, несомненно, будут посторонние – Демойт, например, и ну, в общем, какие-то другие люди. А если позвонить по телефону? Нет, не годится. Без Ханди не обойдешься, а уж она не промолчит. Подумав, Мор решил, что... напишет письмо. Потом лично отнесет его на Подворье. Встретится, если получится, с мисс Картер наедине, а если не получится, то найдет способ незаметно письмо передать.

Продумывание этих планов поглотило Мора с головой. И как только вопрос уладится, он, разумеется, будет всячески избегать встреч с юной леди. А если и встретится, то только после написания картины, на торжественном обеде. Какая тягостная, однако, выходит история. И все же предстоящее сочинение письма показалось ему занятием довольно приятным. Он отправился наверх, к себе в спальню, служившую ему одновременно и кабинетом, вытащил листки бумаги и принялся набрасывать черновик. Оказалось, это не так-то легко. Нужно же еще решить, как начать и чем закончить письмо, что именно написать и как поточнее выразить свою мысль. Сначала возник вот такой вариант:

«Дорогая мисс Картер!

Когда я вчера вечером вернулся домой, оказалось, что приятель, которого я собирался посетить, уже изложил жене ложную версию истории. Поэтому я тоже решил умолчать. Надеюсь, Вы поймете... и простите за то, что я втянул Вас в этот обман.

Надеюсь, с автомобилем все хорошо? Мне неудобно, что я Вас бросил на берегу. По-прежнему настаиваю на оплате ремонта.

Искренне Ваш, Уильям Мор»

Мор пробежал глазами по строчкам, зачеркнул «мне неудобно, что...», а потом и вовсе разорвал листок и вновь глубоко задумался. «Если я и в самом деле соберусь платить за ремонт, – думал он, – то снова придется встретиться». А что, если попросить ее прислать счет? Но понравится ли ей это? Такой девушке, как она, наверняка – нет. Ну а если самому выслать ей определенную сумму? Нет, опять трудности, опять хлопоты. Послать слишком мало – нехорошо, некрасиво, а послать достаточную сумму, то есть много... это заранее расстраивало Мора, который если и не был впрямую скуп, то уж бережлив несомненно. И в конце концов он решил вопрос «оплаты счетов» в письме вообще не затрагивать, а положиться на случай. Если до отъезда мисс Картер им еще раз доведется встретиться, то этот вопрос они обсудят с глазу на глаз. И тогда он составил второй вариант.

«Дорогая мисс Картер!

Сообщаю Вам, что в конце концов я решил по причинам, которые не буду здесь излагать, оставить свою жену в неведении. Спешу Вас об этом уведомить, чтобы и Вы действовали соответственно. Смиренно прошу прощения за то, что вверг Вас во все эти неприятности. Надеюсь, что “райли” переживет эти испытания и вскоре вновь будет мчаться по дорогам. Искренне сожалею, что не сумел тогда Вам по-настоящему помочь.

Искренне Ваш, Уильям Мор

P. S. Не рассказали ли Вы мистеру Демойту о наших приключениях? Если рассказали, то, надеюсь, сделали со всей возможной деликатностью? И, пожалуйста, сожгите это письмо».

Тима упоминать незачем, решил Мор, а краткость и уклончивость во всем, кроме главных пунктов, – это именно то, что нужно. Какое-то время он изучал письмо № 2, но в конце концов уничтожил и его. «Сожгите письмо» – ну зачем об этом просить? От этого только еще сильнее запахнет сговором и двусмысленностью. Она достаточно умна и поймет, что *такое* письмо где попало бросать нельзя. И Мор приступил к третьей попытке. На этот раз он решил

быть кратким и деловитым, отчего, как ему казалось, письмо получится более искренним и серьезным. Он написал так:

«Мне очень жаль, но я решил в конце концов о поездке жене не говорить. Поэтому и Вас прошу хранить молчание. От всей души прошу извинить за причиненные неприятности. Корю себя за то, что бросил Вас одну... Надеюсь, с автомобилем все в порядке.

У.М.»

Мор перечел письмо. Этот вариант ему понравился, и он вложил листок в конверт. Упоминание о Демойте в последнем варианте отсутствовало, потому что... на месте по поведению девушки и Демойта как-то да выяснится, знает старик или нет. Если он застанет мисс Картер наедине, то сможет спросить у нее; а если Демойт окажется рядом и начнет отпускать разные шуточные намеки, то из этого станет ясно, что его уже посвятили. Хуже, если на Подворье соберется какая-нибудь компания. Взглянув на часы, Мор понял, что, оказывается, просидел над письмом целых два часа. Фелисити давно пришла и закрылась в своей комнате. Нэн еще не вернулась. Мор тщательно заклеил конверт и сжег черновик со своими мысленными потугами. Его не оставляло чувство, будто он удачно завершил отложенный на вечер объемистый кусок работы. Он лег в постель и уснул сном праведника.

На следующее утро он понял, что все выглядит куда мрачнее, чем казалось вечером. Стыдно признаться, но он, оказывается, не только обманул Нэн, но и дальше вполне обдуманно собирается обманывать. И еще исключительно по его вине потерпел аварию чрезвычайно дорогой автомобиль... а ведь вчера обрушившийся в воду «райли» сопрягался в его воображении, глупо конечно, всего лишь с неким увлекательным приключением. Придется оплачивать ремонт – эта мысль отрезвила его совершенно. Ну а в остальном, несмотря на все опасения, он решил вести себя как наметил. Возможно, существовал и какой-то иной способ, но хлопот столько, что обдумать все равно не удастся. И чем дольше тянулся день, тем чаще, в перерывах между уроками, он вспоминал, что вечером придется идти на Подворье, где не избежать встречи с мисс Картер, как это ни прискорбно.

Полужинав в половине восьмого, Мор выпроводил Нэн на заседание женского комитета, после чего, примерно в четверть девятого, и сам вышел из дома. Он сказал Нэн, хотя она не особенно интересовалась, что вечером собирается навестить Демойта. Так он делал довольно часто, в те часы, когда Нэн удалялась по своим делам. Он обычно добирался до Подворья на велосипеде, но на этот раз ему захотелось прогуляться пешком. Был ясный, теплый вечер. «Теплынь наверняка еще продержится, – думал он, – и, может быть, даже в день школьных соревнований будет хорошая погода». Он шел, погруженный в приятную задумчивость. Все тревоги куда-то улетучились. Он наслаждался окружающим покоем с простодушной радостью, которую уже давным-давно не испытывал, и размышлял о том, что жизнь проходит в ненужной суете, а счастливых мгновений так мало. Пройдя немного вдоль шоссе, он свернул на тропинку и пошел напрямик через поле. Вот уже показалась невысокая каменная стена и шелковичные деревья, и в эту минуту волнение и тревога в нем одержали победу над безмятежностью. Тайно передавать письмо Морю предстояло в первый и, он горячо надеялся, в последний раз.

Не позвонив, он вошел в дом и был встречен Ханди, которая тут же сообщила ему: «Его светлость в библиотеке». Мор поднялся туда, но в библиотеке никого не оказалось. Книги и меланхоличный полумрак, вот и все, что он там нашел. Тишина комнаты тут же окутала Мора, и, уже наполовину поборов волнение, он присел у одного из столиков. Тут Ханди вернулась и, сунув голову в дверь, сообщила: «Простите, он в гостиной с мисс... как бишь ее?»

Мор спустился и постучал в дверь гостиной. Внутри горело множество ламп и шторы были задернуты. Демойт стоял, опершись о каминную полку, а мисс Картер сидела на стуле

перед мольбертом. Мор с радостным удивлением уставился на мольберт. Потому что это было первое вещественное подтверждение того, что мисс Картер и в самом деле художница.

– Добрый вечер, – сказал Мор, – добрый вечер. Вижу, работа уже кипит.

– Кипит! – фыркнул Демойт. – Тут изображают один из моих ковров, а я весь день сижу в виде довеска. Взгляните на этот шедевр!

Мор подошел к холсту. Мисс Картер поднялась и отступила. На холсте и в самом деле ничего не было, кроме маленького, тщательно выписанного квадрата в углу.

Остальное было только намечено еле заметными линиями. Мору это показалось странным. Но мисс Картер наверняка знает, что делает.

– Неплохо, неплохо, – пробормотал он.

– Он просто не знает, что сказать, – со смехом бросил Демойт. – Но не огорчайтесь, мадемуазель, еще немного, и мы все будем у ваших ног.

Мору не понравился этот тон. Неужто Демойт хочет выставить его невеждой?

– Мисс Картер знает, что я абсолютно верю в ее талант, – произнес Мор и тут же понял, как глупо это прозвучало. Он попытался загладить неловкость тем, что послал девушке взгляд одновременно и сокрушенный, и дружественный. В ответ она улыбнулась с такой теплотой, что Мор совершенно успокоился.

– Грубая лесть. Вы же ничего не смыслите ни в таланте мисс Картер, ни в чем-либо другом. Этот человек не может отличить Рембрандта от Рубенса. Он живет в бесцветном мире.

«Зло и, в сущности, несправедливо, – подумал Мор. – Надо как-то скрасить эти слова».

– Я говорил о вере. Блажен, кто, не видя, верует. Я верю в мисс Картер. – Только прежняя ободряющая улыбка девушки как-то сгладила неуклюжесть этого комплимента.

– А стало быть, мы уже говорим не о таланте мисс Картер, а о ней самой. Глупый разговор, и стал еще глупее. Не желаете закусить?

– Нет, сэр, я поужинал дома.

– Тогда предлагаю выпить бренди. Наша мастерица наверняка устала. Пишет, или делает вид, что пишет, уже не меньше шести часов.

– Я действительно устала, – отозвалась мисс Картер. – Мистер Демойт не верит, но я за сегодня выполнила большой кусок работы.

Мор удивился ее словам. Ему почему-то казалось, что после вчерашних волнений она пролежит весь день чуть ли не в беспомощности. И он посмотрел на нее с восхищением, надеясь, что она верно поймет его взгляд. На ней сегодня были брюки, а халат она вскоре после прихода Мора сняла, и под ним обнаружилась белая хлопчатобумажная блуза. Короткие черные волосы и темный румянец щек делали ее похожей на Пьеро. Мору вдруг показалось, что в ней есть что-то от гротескной меланхолии этого персонажа.

Мор и мисс Картер уселись в кресла около камина. Демойт взялся что-то искать в буфете.

– Где, черт возьми, стаканы для бренди? – ворчал он. – Наверное, Ханди утащила в кухню, чтобы пить из них лимонад. Надо пойти и забрать. Ну, вы тут пока не скучайте. – Старик вышел из гостиной, оставив дверь открытой.

Мор понял – именно сейчас надо передать письмо. От волнения он стал красным как рак. Мисс Картер поглядела на него с некоторым удивлением. Мор полез в карман, порылся там несколько секунд. Потом выхватил конверт, поднялся и поспешно положил конверт девушке на колени. Но конверт упал на пол, и она наклонилась за ним с изумленным видом. И в этот миг Мор поднял глаза и увидел, что в дверях стоит Демойт и наблюдает за сценкой. Мисс Картер сидела спиной к дверям и потому ничего не видела. Она быстро сунула конверт в сумочку и вновь взглянула на Мора. Демойт выждал секунду, после чего вошел, звонко брякая стаканами.

– В столовой оказались, на столе, – деловито пояснил он. – Должно быть, Ханди несла назад, да не донесла. Теперь пойду поищу бренди. – И он вновь вышел из комнаты, со стуком затворив за собой дверь.

Мора до боли огорчило, что Демойт заметил передачу письма. «Просто какой-то заговор против меня», – думал Мор. Все складывается именно так, что любой пустяк разрастается до непомерных размеров. Теперь не только Тим, но и Демойт будет думать, что есть какая-то интрига, а на самом деле ничего ведь нет. Раз и навсегда покончить с этим недоразумением, вот чего он хотел, но из-за Демойта все вдруг, наоборот, наполнилось каким-то совершенно ненужным значением. Он поглядел на девушку едва ли не рассерженно.

– С машиной все в порядке, – негромко сказала она.

– Очень рад это слышать, и простите мне мою вчерашнюю бестолковость. Вы не рассказали Демойту?

– Нет. Может, и глупо, но мне почему-то не захотелось. Сказала, что машина в ремонте, и только.

– Удачное совпадение. – Мор тоже говорил тихо. – Я не сказал жене. В письме объяснение.

– Значит, мы оба будем хранить этот секрет?

Мор невольно кивнул.

– Я настаиваю на оплате ремонта. Вы должны будете поставить меня в известность...

– Ну что вы! Страховая компания заплатит, на то она и существует!

В эту минуту Демойт с топотом ворвался в гостиную и объявил: «А бренди все-таки здесь!»

И Мору стало обидно от мысли, что вот он остался наедине с мисс Картер, может быть, в последний раз и потратил время на какую-то прозаическую чушь. Он взял стаканчик бренди.

А мисс Картер была, по всей видимости, в прекрасном настроении.

– Хотите, – предложила она Мору, – я нарисую, как вы сидите и пьете коньяк?

Мор смутился и покраснел, на этот раз от удовольствия.

– Я согласен. А как мне сесть?

– Как сидите, так и оставайтесь. Именно так, как мне надо.

Она достала блокнот и карандаш и, то и дело отпивая из стаканчика, принялась рисовать.

Мор сидел совершенно неподвижно, чувствуя на себе два взгляда – дружелюбно-внимательный мисс Картер и таящий издевку, насмешливый Демойта. Ему казалось, будто одну его щеку овеивает свежий весенний ветерок, а другую сечет холодный осенний дождь.

Наверное, Демойт решил не принимать никакого участия в разговоре. Он просто сидел, как никому и ничем не обязанный посторонний зритель, и поглядывал то на Мора, то на мисс Картер. Хочет заставить нас говорить, догадался Мор, а сам будет исподтишка наблюдать, старый лис.

– Как зовут вашего сына? – спросила девушка.

– Дональд.

– Жаль, что тогда, при встрече, я с ним так и не познакомилась, – продолжила мисс Картер, глядя то на Мора, то на бумагу. – У вас еще есть дети?

– Дочка. Ей скоро четырнадцать. Ее звать Фелисити.

«Как-то странно, – подумал вдруг Мор, – говорить с ней о детях. Ведь она сама всего лет на восемь старше Дональда».

– А чем Дональд собирается заняться?

– У него через несколько недель вступительный экзамен по химии. Полагаю, будет химиком или кем-то в этой области. – Мору хотелось еще что-нибудь сказать о Дональде.

– А дочка? У нее какие мечты?

– Не знаю. Думаю, проучится еще один-два семестра в школе, а в следующем году пойдет на курсы секретарш. Она не очень-то одаренная.

И тут Демойт не сдержался:

– Ну что за чушь вы несете, Мор! Неужели вы допустите, чтобы Фелисити бросила школу? Наверняка способности у нее есть, просто надо дать им развиваться. Год или два в шестом классе – и перед вами явится совсем другой человек! Ей обязательно надо поступить в университет. Пусть не в Оксфорд, не в Кембридж, но ведь и в Лондоне есть где продолжить образование. Ради всего святого, *позвольте* девочке сделать выбор! Или вы предпочитаете видеть ее в роли глупой секретарши, зачитывающейся модными журнальчиками?

Гнев и обида вскипели в душе Мора. Он повернулся к Демойту, но, заметив, что девушка предупреждающе подняла карандаш, поспешно сел как прежде. В сущности, он был того же мнения, что и Демойт. Но есть еще Нэн и есть материальная сторона, с которой надо считаться. И вообще, ничего еще не решено. А ответил он сейчас так лишь потому, что надо было как-то ответить... и еще потому, что захотелось вдруг все окрасить в мрачные цвета и как можно больше сгустить краски.

– Мне кажется, вы преувеличиваете пользу образования. По вашему мнению, если в школе или в колледже человеку не начинают мозги разной ерундой, то потом жизнь его тут же сломит.

– Вы, милейший, сами эту нелепицу выдумали и мне приписали. – Демойт явно был задет. – Разные есть люди. Например, жизнь не сломит мисс Картер, какое бы образование она ни получила. А таким, как вы и ваша дочь, действительно прежде надо много чего вложить в голову.

Это было произнесено таким свирепым тоном, что Мор просто онемел. И мисс Картер перестала водить карандашом по бумаге.

А Демойт, видимо, тут же укорил себя за несдержанность, потому что сказал:

– Простите за вспыльчивость, не сдержался.

– Пустяки, сэр.

Наступило молчание.

– И я у вас обоих прошу прощения, но думаю, мне пора прилечь, – спустя минуту сказала мисс Картер. – Я страшно устала, глаза слипаются.

Демойт, явно огорченный, тут же высказал предположение, что мисс Картер уходит потому, что не хочет более общаться с таким грубияном. Но девушка ответила очень спокойно, что уходит лишь потому, что хочет спать. А Мор было невероятно жалко, что она сейчас уйдет так рано. Наверняка такой встречи у них больше не будет. Он допил остаток бренди.

– Разрешите хоть поглядеть на рисунок, – попросил он.

Мисс Картер глянула на листок и захлопнула блокнот. Как-то странно посмотрела на Мора и сказала: «Нет, не надо. Не удался. Ерунду не хочу показывать». Мор стоял у камина, в то время как девушка остановилась у двери. Она о чем-то говорила с Демойтом, проводившим ее *до двери*, потом произнесла отрывисто «доброй ночи» и ушла.

Шаркая подошвами, Демойт подошел к камину. Увидав, что Мор допил содержимое стакана, налил ему еще. Потом они сели. «Нет, это именно из-за твоей грубости она так быстро ушла», – хмуро глядя на старика, думал Мор, в то время как Демойт так же мрачно глядел на него. Так, в обоюдном хмуrom молчании, они провели какое-то время.

– Вы ведь не торопитесь? – наконец спросил Демойт.

Мор понимал – несмотря на все претензии, старику очень не хочется, чтобы он прямо сейчас встал и ушел.

– Нет. У Нэн сегодня заседание женского комитета, так что я не тороплюсь. – Стаканчики вновь наполнились бренди. Мор ждал, что старик вот-вот упомянет о письме. Наверняка он сохранил этот момент в памяти. «Когда же он вспомнит о письме?» – думал Мор. Ведь наверняка все помнит.

– Она такая маленькая, – задумчиво произнес Демойт. – На кого, как вы думаете, она похожа? На маленького мальчика, бесспорно, ну на кого же еще, с этими ее крохотными руч-

ками, огромными глазами и любовью к ярким нарядам? А может быть, на клоуна или на цирковую собачку... да, да, именно на цирковую собачку; знаете, в такой хорошенькой клетчатой курточке и с бантиком на хвостике... ей так хочется понравиться, поэтому все выходит немного ненатурально, но она старается и смотрит этими своими глазками...

Как неуважительно, подумал Мор и сказал:

– Мне кажется, она очень серьезно относится к своей профессии.

– А вы недотепа и олух.

– За что же вы меня так? – сдержанно спросил Мор.

– Я видел, как вы передали письмо, – усмехнулся Демойт. – Ничего не стану спрашивать.

Просто мне интересно, способны ли вы увидеть ее по-настоящему.

Их глаза встретились. «А старик чуточку ревнует, – мысленно отметил Мор. – Любопытно, что сказала бы мисс Картер, если бы узнала, в чьем сердце пробудила чувства. Ну-ка я его сейчас разочарую».

– Письмо совершенно деловое, – сказал он. Демойт окинул его скептическим взглядом.

– Ну что ж, тем хуже для вас, мой мальчик... Поговорим о чем-нибудь другом... Например, о Фелисити. Вы упомянули о курсах секретарш, но, надеюсь, это несерьезно?

– Кто знает, ведь не так-то легко понять, что серьезно, а что нет. Поступление в университет... что ж, можно было бы рискнуть. У нее могут вдруг проявиться способности... почему бы и нет... ну а если не проявятся? К тому же вопрос денег. На обучение Дональда, даже если ему предоставят финансовую поддержку, все равно уйдет масса средств. Если еще и Фелисити... я просто не представляю.

– Вы по-прежнему собираетесь стать членом парламента?

– Сначала кандидатом. А окажусь ли в парламенте, зависит от избирателей.

– Уютное местечко. Значит, вы наконец решились. И Нэн тоже сменила гнев на милость?

– Я с ней еще не говорил. – Мор произнес это бесцветным голосом, глядя вниз и машинально раскачивая стаканчиком.

– Беру назад все, что только что сказал. Я это сказал просто так, чтобы вас уколоть, вы ведь понимаете, и еще потому, что мне на минуту... а, пустяки все это. Я страшно рад, что вы наконец решились. А грустно мне потому, что я знаю – когда вы станете значительной фигурой, мы уже не сможем называться друзьями.

Мору показалось, что старик шутит, настолько это прозвучало нелепо.

– Я никогда не стану значительной фигурой, так что не беспокойтесь, – как можно серьезней ответил Мор.

– Я несказанно рад за вас. Конечно, уезжайте подальше из этой дыры, от этого елейного Эвви, от угрюмого Пруэтта, от безумного Бладуарда, туда, в Лондон. Там вы сможете встречаться с интереснейшими людьми. И с женщинами. А здесь нам всем остается лишь одно занятие – коротать время до собственных похорон.

Нэн называет Демойта сумасшедшим. Мор и сам подозревал об этих настроениях старика, о тоске, наверняка охватывающей Демойта, когда он остается один.

– Вы заблуждаетесь. Я нисколько не презираю наш городок. Это будет всего лишь смена места службы. Кстати, будьте любезны, не говорите никому, пока не станет официально известно.

– С жалованьем члена парламента вы и обучение Фелисити в университете сможете оплачивать, – упорно держась за свое прежнее настроение, проговорил старик.

– В университет я ее вряд ли пошлю. Слишком рискованно. Живя здесь и преподавая в школе, я, по крайней мере, знаю, сколько и куда надо тратить денег. А там, где возникнут разные непредвиденные расходы, мне долго придется становиться на ноги. Да и Нэн ни за что не согласится. Относительно должности в парламенте разговор предстоит не очень легкий, а

уж о таком рискованном предприятии, как обучение Фелисити, она наверняка и слушать не захочет. Либо должность, либо университет, я должен выбирать.

Мор высказал эту мысль и тут же понял, что готовится в определенном смысле пожертвовать будущим Фелисити ради своей собственной карьеры. Перспектива малоприятная.

– Нэн, Нэн, Нэн! – закричал Демойт. – Я устал от этого имени! Да кто она такая, что по всякому пустяковому поводу вы идете к ней на поклон?

– Она моя жена.

– Нет, вы просто мямля! Большого мямли, чем вы, я не встречал! Это же позор! Из-за своей трусости вы и Фелисити не позволите испытать судьбу. Наверняка я слишком резок, а в вас гордость бунтует, но все же послушайте и не отвергайте. Будущее вашей дочери – вот что главное! Так вот, начальную плату за обучение Фелисити я сам внесу. Все равно она будет получать субсидию от местной администрации, так что я не особо разорюсь. У меня в банке отложена определенная сумма. Здесь, в этом захолустье, деньги тратить не на что, путешествий я не люблю, а жить мне осталось, как вы понимаете, не сто лет. Итак, не отнекивайтесь и в позу оскорбленного самолюбия не становитесь. Я хочу, чтобы девочка получила образование, и на этом закроем вопрос. Мне будет стыдно, если она останется за бортом. Простите старику его каприз.

Мор сидел неподвижно, чуть наклонившись, по-прежнему глядя в стакан. Он чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы, и боялся взглянуть на Демойта.

– Вы так добры – наконец сказал он, – я очень тронут, но я не могу просто так взять и согласиться. Надеюсь, вы понимаете, на то есть веские основания, хотя, конечно, ваше предложение очень заманчиво. Но все же надо обдумать, и я не хочу сказать, что вот так, с ходу, его отвергаю. Но надо подумать. Если поднатужиться, то я и сам мог бы оплачивать, а если честно, то я сомневаюсь, что Нэн согласится, чтобы вы платили.

– Да полноте вам! Просто не говорите ей, мальчишка. Обманите. Скажите, что это премия от Эвви, что нашли деньги на улице или выиграли на бегах! Что-нибудь придумайте, изобретите. А я устал слушать все эти глупости.

– Я подумую, – сказал Мор. Демойт подлил ему бренди, и они заговорили о чем-то другом.

Прошло еще около часа. Почувствовав наконец, что выпито достаточно, Мор решил отправляться домой. Демойт сообщил, что идет спать, и Мор, проводив его до дверей спальни, спустился вниз, надел плащ, вышел за порог и тут же замер – таким дивным светом и благоуханием встретила его ночь. Луна всходила; огромный шар пока еще маячил за деревьями, и мириады звезд сверкали на небе, и чем ближе к Млечному Пути, тем их становилось больше. Одна из тех редких в Англии ночей, когда звезды и в самом деле освещают землю. Вокруг Мора словно был включен свет. И хотя царило безветрие, заросли тихо перешептывались. Мор поднял голову и увидел – окно в комнате Демойта освещено. Оно над парадной дверью по левую руку. По правую – одно из окон библиотеки, под которым располагается «будуар» мисс Хандфорт. Мор прошел к каменной ограде, отворил калитку и ступил на лужайку, ту самую, что видна из окон гостиной. По мере того как он шел, луна поднималась все выше, и его собственная тень скользила перед ним. Мор у доставляло наслаждение неслышно ступать по влажной траве, и он даже приостановился, чтобы продлить это чувство, и различил собственные следы, отчетливо видные при свете луны. Ему было удивительно легко, будто он сам стал бесплотным. Где-то вдали приглушенно гудело шоссе. Но здесь тишина наполняла воздух, будто некий особенный аромат. Дойдя до середины лужайки, он оглянулся на дом. К библиотеке примыкает комната в два окна, одно из которых выходит на зады дома, а второе – на лужайку. Это комната для гостей. И хотя шторы были задернуты, он догадался, что в комнате горит свет. Там мисс Картер. И, наверное, она еще не спит. Значит, все это было выдумкой, насчет уста-

лости. Должно быть, ей просто наскучило общество Демойта. «А может, твое?» – с горечью спросил себя Мор. И вдруг какое-то болезненное томление охватило его.

Через секунду он понял, что ему мучительно хочется увидеть мисс Картер, увидеть тут же, не откладывая, прямо сейчас. Мор стоял совершенно неподвижно и вместе с тем задыхался. «Ты пьян», – сказал он себе. Такого чувства он раньше никогда не испытывал. До слез, до отчаяния ему хотелось видеть ее. «Должно быть, я болен, – думал Мор. – Что же делать? Все произошло так неожиданно. Что же делать? Вернусь в дом. Это нетрудно, ведь парадная дверь наверняка еще открыта. Поднимусь по лестнице, пройду по коридору и постучу в дверь ее комнаты». От одной мысли, что это возможно и что ничто ему не помешает, если только он сам не передумает, Мор пошатнулся и едва не упал на землю. Осознание, что сейчас все в его власти, на миг стало острым до боли.

Очнувшись, он чуть повернулся и тут лишь заметил, что в сумраке деревьев кто-то стоит. Мор замер от страха и растерянности. Отступил на несколько шагов. А призрак вышел из-под дерева и, неслышно ступая по траве, начал приближаться к нему. Это мисс Картер! Он хотел заговорить, но не смог. Потом разобрал, что призрак слишком рослый. Это была Ханди.

– О, так это вы, мистер Мор! – От басовитого голоса мисс Хандфорт лунная ночь тут же рассыпалась грудой осколков. – А я-то думаю, кто тут стоит так тихо.

Мор повернулся и молча пошел к выходу из сада. Ему очень не хотелось, чтобы мисс Картер узнала, что он стоял на лужайке и наблюдал за ее окном. Никаких головокружительных чувств он больше не испытывал. Теперь ему хотелось одного – уйти и не слышать, как рокошет позади голос мисс Хандфорт.

А она шла следом и говорила без остановки:

– Задергиваю шторы и вдруг вижу, кто-то по саду идет, дай, думаю, схожу проверю, непорядок, кто-то ночью на лужайке. Ну вот, вышла, а это вы.

– Очень храбрый поступок с вашей стороны, Ханди, – сквозь зубы процедил Мор. Теперь он шел по каменистой дорожке, но Ханди не отставала. Он успел заметить, что в спальне Демойта уже темно.

– Тут и в самом деле глаз да глаз нужен, – бубнила мисс Хандфорт. – В окрестностях шатаются разные странные личности. Говорят, недавно бродяга какой-то появился вроде цыгана. Может, высматривает, кого бы ограбить.

– Не сомневаюсь, что вы надежно запираете двери, – отозвался Мор. Они дошли до конца дороги. Значит, сейчас выйдут за пределы поместья.

– В *наш* дом ему не забраться! – заявила мисс Хандфорт. – Спокойной ночи, мистер Мор.

– Спокойной ночи, Ханди, – ответил Мор. Ему было ужасно не по себе. Он решил пойти по шоссе.

Глава 8

– Как ты к людям относишься, так и они к тебе, – обращаясь к Фелисити, сказала Нэн.

– Они меня поймут, – мрачно ответила Фелисити и ушла к себе в комнату.

«Она права, – слушая снизу этот обмен репликами, думал Мор, – все мы только на это и надеемся». Он глянул на часы. В два пятнадцать урок. Значит, пора уходить. На его «до свидания» никто не ответил, и он вышел из дома, звучно хлопнув за собой дверью.

Нэн отправилась следом за Фелисити.

– Хорошенько все осмотри, и наверняка отыщется, – сказала она. – Она далеко уползти не могла. Если здесь не найдешь, то снова посмотри в моей комнате. Еще, чего доброго, залезет ко мне в тапок или в постель.

– Ну нет нигде, – страдальческим голосом произнесла Фелисити, – может, в какую-нибудь дырку забралась, под пол, или вообще умерла!

– И как тебя угораздило эту гадость в дом притащить!

– И вовсе не гадость, а даже красивая – длинная, гладкая, и рожки такие классные. Я ее всего лишь на секунду оставила. Она свернулась в клубок и начала как-то так шевелиться странно, спрятав рожки. Я и подумала, может, ей жарко – хотела принести немного воды, вернулась, а она исчезла.

– Будем надеяться, что выползла через окно.

– Вряд ли. Наверняка где-то в доме. Но я ее никогда не найду. – Фелисити шмыгнула носом.

– Ты здесь снова все переставила, – с укором заметила Нэн.

– Мне так больше нравится. – И Фелисити с плачем упала на кровать.

– Не огорчайся, детка, нет никакой причины. Ну-ка, успокойся и лучше подумай, что бы такого полезного сделать. Ну, вот хотя бы собери свои летние платья, и я постираю. И поскорее, а то тебе не в чем будет ехать в Дорсет. – С этими словами Нэн вышла из комнаты.

Фелисити еще немного поплакала, потом вытерла слезы и опять начала искать улитку. Но вредное создание как в воду кануло. Представив, как трагически могла сложиться судьба улитки, Фелисити обронила еще несколько слезинок. «Я во всем виновата, – думала она. – Ведь улитке было так хорошо в саду, среди травы и листьев... но кто-то поднял ее и унес в дом, прочь из родного мира. Больше никогда так не поступлю», – поклялась себе Фелисити.

Она зашла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Обнаружила, что глаза покраснели. Вымыла лицо холодной водой. И решила пойти в школу, повидаться с Доном. То есть сделать то, что школьные власти сурово делать запрещали. Если ее застанут в комнате брата, то в первую очередь на него, на Дональда, обрушится страшная кара... и родители постоянно твердят, что посторонним на территорию Сен-Бридж входить нельзя без официального разрешения. Прекрасно зная, что такое «хорошо» и что такое «плохо», Фелисити в то же время не питала никакого особого трепета перед старшими, и ее сознание энергично творило в полном отрыве от окружающего ее взрослого мира, полного запретов и проповедей, большей частью совершенно, как она считала, бессмысленных. Вот и сейчас она не совершит никакого преступления, если пойдет в Сен-Бридж и увидится с братом. Загвоздка лишь в том, чтобы это прошло безнаказанно. Она переделалась, причесалась, в общем, тщательнейшим образом привела себя в порядок. После чего сошла вниз и уже собралась выйти.

– Милая, ты куда-то уходишь? – спросила Нэн из кухни.

– В библиотеку, – тут же придумала Фелисити и, выскочив из дверей, поспешила к шоссе.

На бегу она тихо свистнула, и Лиффи появилась и вприпрыжку побежала рядом, все время поглядывая на нее и улыбаясь своей собачьей улыбкой. Лиффи теперь никогда не входила в дом и вообще держалась подальше от человеческого жилья. С тех пор как ее матери-

альное тело исчезло, она стала даже как-то крупнее, у нее теперь были черные уши и черный хвост, намекающие на ее inferнальное происхождение. Ангуса еще нет, но раз Лиффи вернулась, то вскоре в том или ином облике обязательно появится и он.

Фелисити прошла мимо главных ворот Сен-Бридж и пошла обочиной вдоль холма. Узкая полоска жухлой травы отделяла тротуар от проезжей части. По шоссе непрерывно проезжали автомобили, в гору и вниз, со стороны Лондона к побережью и от побережья в сторону Лондона. В гору поднимались с тяжким бычьим ревом, зато вниз летели как птицы, с ветерком, от которого то и дело взвивался подол девчоночьего платья. На самой макушке холма школу огораживала высокая стена, из-за которой выглядывал верхний этаж корпуса «науки и спорта». Ниже по склону тянулся высокий прочный деревянный забор, над которым виднелась красная черепичная крыша одного из общежитий, пруюттовского, где жил Дональд. Ниже колыхались верхушки деревьев, а еще ниже зеленела стеклянная крыша павильона для сквоша и слышался веселый визг и плеск воды в бассейне. Тут школьный забор и лента шоссе начинали потихоньку расходиться в разные стороны, а травяной бордюр становился все шире и шире. Отсюда можно было увидеть белеющий под холмом, крытый шифером дом Эверарда.

С важным видом, словно и нет ей никакого дела до школы, Фелисити продолжала свой путь. И тут Лиффи, забавы ради просквозив через нескольких пробежавших мимо собачек, подбежала к изгороди и в мгновение ока исчезла. Фелисити остановилась, огляделась по сторонам и пошла вдоль изгороди, которая чем дальше, тем больше отклонялась от шоссе. И дошла до того места, где эта изгородь под прямым углом примыкала к изгороди какого-то частного дома. И здесь существовал промежуток, заросший кустарником. Такой узкий, что через него протиснуться мог лишь очень изящный человек. Тело Фелисити, вполне материальное, было тем не менее очень изящным, и поэтому через минуту-другую она уже стояла на коленях среди зарослей этого частного сада.

Здесь она уже могла действовать смело. Забор школы был сделан из досок, каждая около двух футов шириной. Во время каких-то прошлых летних каникул они с Дональдом потрудились и вытащили гвозди, после чего снова вернули их на место, но, конечно, только для видимости. Вот и сейчас, убедившись, что поблизости никого нет, Фелисити подергала доску и через образовавшуюся щель проскользнула на территорию школы. После чего предусмотрительно вернула доску на место.

Ее окружила непроходимая зеленая глушь, какие-то кучи травы, какие-то кострища, а дальше виднелись деревья, росшие на задах директорского дома. Она пошла направо, и вскоре ей предстояло уткнуться прямо в павильон для сквоша. Но если не выходить из зарослей, которые здесь, поблизости от дома Эверарда, были особенно густыми, можно пройти незамеченной, тем более что это была довольно малолюдная часть территории. Лиффи, притаившись на время в какой-то ямке, заколдовала себя и теперь бесшумно скользила впереди. «Может, я снова встречу Ангуса?» – думала Фелисити. Здесь, в окрестностях школы, она встретилась с ним лишь раз, когда вот так же, без разрешения, пробралась сюда, а он в облике древесного духа молча проводил ее взглядом. Это было так неприятно. Уж лучше пусть явится в виде какого-нибудь каменщика или водителя полицейской машины. Как всегда в такие минуты, Лиффи куда-то исчезла. Пригибаясь, Фелисити пробиралась сквозь заросли. Впереди среди деревьев мелькнуло освещенное солнцем пространство спортивных площадок. Фелисити решила добраться до общежития, а уж тогда рискнуть выйти на открытое место.

Неожиданно впереди, совсем близко от нее, что-то зашуршало, среди листвы мелькнула чья-то белая рубаха. Фелисити припала к земле, полежала минуту, потом, пригнувшись, снова начала пробираться. Лиффи вновь появилась и побежала впереди, шевеля своими черными ушами и с помощью волшебства делая все движения Фелисити бесшумными. И очень вовремя она подросла, потому что вокруг было столько колючих кустов, а под ногами столько сухих, звучно похрустывающих веток. Но Фелисити запомнила белый проблеск среди зелени. Инте-

ресно, кто же это был? Среди кустов неожиданно образовалось открытое пространство. И сквозь него, как сквозь небольшую подзорную трубу, она увидела сидящего на траве человека. Кажется, он был один. Тетрадь с белыми страницами лежала рядом с ним. Наверное, раньше он рисовал. Но сейчас отложил блокнот и сидел, обхватив руками колени. Фелисити наблюдала за ним долго, минут пять, а он все сидел неподвижно. Какой-то странный человек, с длинными волосами. Фелисити показалось, что раньше его где-то видела. И тут она вспомнила – это же учитель рисования. Несомненно, его можно было принять за воплощение Ангуса, вот только Ангус никогда не появляется в облике тех, кого она уже знает.

Эта странная неподвижность в конце концов встревожила ее. Припомнились истории о йогах и колдунах. Пятясь, она на корточках выбралась из кустов, потом встала в полный рост и, махнув рукой на все предосторожности, побежала через лес. От страха ей теперь хотелось только одного – оказаться в комнате Дональда, и как можно быстрее. Как только она приблизилась к общежитию, Лиффи скрылась среди деревьев. Фелисити выскочила из кустов и через маленькую зеленую боковую дверцу влетела в дом. На миг остановилась и прислушалась. Кажется, никто не преследует. Там, где она оказалась, когда-то была раздевалка, но теперь здесь хранили только чемоданы и снаряжение для крикета. Отдаленный смех и звуки ударов эхом разносились по дому. Здесь закрепился стойкий запах дерева, влажного бетона, застарелого пота, брезента. Фелисити в темноте прошла вперед и по короткой лесенке поднялась туда, где тоже было темно. Голоса зазвучали вдруг совсем близко, и тогда она сорвалась с места, промчалась по коридору и пулей влетела в комнату Дональда.

Дональд, вытянувшись во весь рост, лежал на столе. Окно было раскрыто, и одна обутая в белую туфлю Дональдова нога болталась где-то снаружи. Второй он рассеянно елозил по краю стола. Под головой у него лежала стопка книг и крикетный щиток. Дональд был не один. Под столом валялся Джимми Кард – голова на полу, ноги задраны вверх на поручень кресла. Одну руку он положил под голову, другой держал Дональда за лодыжку. Только стукнула дверь, они тут же вскочили. Но, обнаружив, что это всего лишь Фелисити, вернулись на прежние места.

Фелисити огорчилась, что в комнате оказался еще кто-то. Этот Джимми Кард ей никогда особо не нравился, а когда подружился с Дональдом, то вообще стал ее врагом.

– Фела, – тут же сказал Дональд, – я тебе сто раз говорил и повторю опять, чтобы ты сюда не приходила.

– Но меня никто не заметил. Я же не глупая и знаю, как пройти. Видела вашего учителя рисования, сидит, как факир, в каком-то трансе.

– Бладуард злой колдун. На кого он посмотрит, тому не жить, – сказал Джимми. – Однажды в церкви он долго смотрел на здешнего кота. Тот на окне сидел. Так кот через какое-то время скончался в страшных муках.

– Но он меня не заметил, – ответила Фелисити, – это я на него смотрела.

И она прошлась по комнате, стараясь понять, что тут изменилось. Комната была небольшая, оклеенная цветастыми обоями, когда-то яркими, но сейчас уже вылинявшими до цвета спитого чая. Маленькая каминная полка была темно-коричневого цвета, и таким же коричневым был стенной шкаф, в который на день убирали постель. На несколько покосившейся, прикрытой ситцевой занавесочкой книжной полке стояли учебники по химии, детективы, несколько брошюр по альпинизму и, разумеется, «Трое в лодке, не считая собаки». Стол, стул и потертый коврик завершали обстановку. По стенам, приколотые кнопками, висели картинки и фотографии. Дело в том, что один из бывших жильцов этой комнаты незадолго до выпуска украсил стены рисуночками, выполненными в наивно-непристойной манере. И с тех пор, исключительно ради сохранения этих шедевров для потомства, каждому новому жильцу вменялось в обязанность развешивать свои собственные картинки именно поверх тех изображений и следить, чтобы висели нерушимо.

Фелисити рассматривала галерею Дональда. Что скрывается за карточками и открытками, в это ее не посвятили. Она не заглядывала в комнату Дональда с самого прошлого семестра и поэтому сейчас смотрела с интересом. Снимок львицы с львятами. Цветное фото – Тенсинг на вершине Эвереста. Оправленная в рамочку маленькая репродукция «Заклинателя змей» Анри Руссо – подарок родителей. Цветная реклама из «Нью-Йоркер» каких-то сказочно красивых автомобилей. Фото второго состава сен-бриджевских игроков в крикет. Раньше его здесь не было. Дональд совсем недавно вошел в число одиннадцати. На каминной полке – фотография родителей под треснувшим стеклом. Рядом с ней – *чудный* перочинный ножик с несколькими лезвиями и прилично надкушенный жареный пирожок.

– Можно я доем? – попросила Фелисити. Разрешение было получено. Да, в общем-то, в комнате мало что нового. – А больше у тебя ничего нет перекусить? Я по пути проголодалась ужасно.

Дональд неторопливо спустился со стола и принялся открывать какую-то коробку. Джимми Кард встал, потянулся, вспрыгнул на стол, присел на корточки и, то поднимаясь на пятках, то опускаясь, начал выстукивать по деревянной поверхности в ритме какого-то новомодного танца. Фелисити поморщилась от этого грохота.

– У нас сейчас маловато денег, – сказал Дональд. – Вот, хочешь кекс?

– Это древнебританский кекс, – заметил Кард. – Такими питались солдаты в армии Боадии.

Фелисити осторожно попробовала. «Пожалуй, и в самом деле из музея», – подумала она. И все же доела.

– Как там родители? – спросил Дональд.

– Мамочка хлопочет, готовится к поездке, – ответила Фелисити с полным ртом. – С папой я не часто вижу. – Завидев на книжной полке еще гору любопытных вещей, Фелисити начала в ней рыться. – А это что? – У нее в руках оказалась какая-то длинная серебряная штукавина.

– Сверхзвуковой свисток, – объяснил Дональд.

– Сверхзвуковой? А для чего?

– Чтобы подзывать собак. Звук такой высокий, что собаки слышат, а люди нет.

– Какая ерунда. Собаку можно позвать и просто словами. Ну, разве что какую-нибудь сверхзвуковую собаку, как например... – Тут она замолчала, потому что существование нездешней Лиффи было ее и Дональда тайной. Она сунула в рот свисток и что есть мочи дунула. Раздался тонкий пронзительный свист.

– О, так это обычный, звуковой, – разочарованно протянула Фелисити.

– А ты посильнее дунь, – посоветовал Джимми, – и звук исчезнет.

Фелисити дунула сильнее, звук стал еще выше и замер.

– Сверхзвук заставляет людей беспокоиться, – сказал Джимми. – Кругом тихо, но они слышат что-то, и им становится дурно. Именно с помощью таких свистков парни на нюрнбергских партейтагах оболванивали других парней.

– А что такое нюрнбергские партейтаги?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – ответил Кард. – У тебя старший братец есть, вот пусть он тебе и рассказывает.

Покраснев, Фелисити спросила у Дональда:

– Можно мне взять? Тебе ведь не жалко, а?

– Дарю, Фела, – важно ответил Дональд, – и когда Эвви начнет читать проповедь, приди, стань около церкви и дунь в этот свисток.

– Ты уже видела ту очаровательную девицу, что поселилась у нашего Демойта? – поинтересовался Кард.

– Нет. А кто она?

– Ее зовут Дождинка. Пишет портрет Мойтика. Ова-Рева хотел, чтобы она поселилась в его доме, но Мойт оказался проворней.

– Ее и в самом деле так зовут? – удивилась Фелисити.

– Нет, ее зовут Рейн, – ответил Дональд.

– Твой папа водил ее по школе, я видел, – сказал Джимми. – И, по-моему, делал это не без удовольствия. Интересно, Мойт уже подобрал ключик к ее сердцу?

– По-моему, очень хорошее имя, – произнесла Фелисити. Слова Карда были ей очень неприятны. Взгляд ее блуждал по комнате. Ей хотелось поговорить о чем-нибудь другом.

Тут она заметила что-то торчащее из-под кучи курток и свитеров и с восторженным визгом устремилась туда. И вытащила... объемистый моток нейлоновой веревки.

У нее закружилась голова, будто ее мгновенно перенесли на крутизну. Так же как и Нэн, мысль об альпинистском восхождении ее ужасала.

– Дон, ты же говорил, с этим покончено, ты же *обещал!* – Она присела и ухватилась за моток, будто собиралась его унести.

– Хватит, Фела. Не надо меня упрекать. Свои обещания ты тоже не выполняешь. Да и вообще, брось эту глупую веревку.

– Ты готовишься куда-то взбираться? Куда?

– На школьную башню, – вмешался Кард. Фелисити окаменела. В комнате на миг стало тихо.

– Не болтай, Джимми, не будь дураком, – сказал Дональд, – а теперь ступай, ради бога, то есть ты, Джимми, а не Фелисити. Мне надо поговорить с сестрой, раз уж она пришла.

– Ага, ладно, – ответит Кард. – Ага знает, когда Ага не угоден. Встретимся, как обычно, в обычном месте. – Пружинисто, как маленькая пантера, он подошел к двери и вышел, ногой закрыв за собой.

Фелисити подошла к брату и ухватила его за манжету куртки. Дональд как раз оделся для крикета.

– Дон, он ведь пошутил, ну, про башню?

– Конечно пошутил, – пряча глаза, ответил Дональд. На школьную башню действительно взбирались. Но этот случай в истории школы был отмечен лишь раз. И проделал это человек, в настоящее время занимавший пост заместителя министра в министерстве городского и сельского планирования. В ознаменование своего подвига он тогда нацепил на шпиль известный предмет из фарфора, который белел там несколько недель, пока учитель физкультуры не догадался сбить его из ружья.

– Если что, я расскажу родителям.

– Не расскажешь, – с уверенностью ответил Дональд. Он знал, что Фелисити не скажет. – Держи язык за зубами. Проболтаешься, и нас с Кардом выгонят из школы. Ты же не хочешь стать причиной гибели моей карьеры, я надеюсь? – В Сен-Бридж существовало железное правило, согласно которому любого дерзнувшего взобраться на школьное строение тут же исключали. Это правило появилось после того, как вслед за первым еще один-два верхолаза-любителя попытались покорить вершину. Но сделать это было не так-то легко, потому что на некотором расстоянии от основания торчал внушительный выступ и он-то и был главным препятствием.

– Ты же убьешься, – со страхом проговорила Фелисити. – Пожалуйста, Дон, не делай этого. Хочешь, я подарю тебе мой фотоаппарат, новый, взамен?

Освободив наконец свой рукав, он не больно, хотя и энергично, загнул сестре руку за спину.

– Не суетись, сестренка. Чего я не люблю, так это когда женщины поднимают панику. Мы никуда не полезем, прежде чем не убедимся, что все совершенно безопасно. А может, и вообще не полезем.

– Больно, Дон. Что там за рисунки? – И, высвободив руку, она вытащила из-под стопки книг несколько листов бумаги. Это были наброски башни, сделанные с разных сторон.

– Видишь, какие мы старательные. Если одолеем *это*, – он указал на выступ, – остальное будет детской забавой. У нас есть гениальный план. Но не исключено, что мы и от него откажемся. Время покажет. Кард хотел тебя подразнить, поэтому и рассказал.

– Дон, ну пожалуйста! Проси что хочешь, я сделаю. Только откажись. Что хочешь проси. – Между братом и сестрой давно уже было заведено: если ты хочешь, чтобы я отказался от своего плана, выполни то, о чем я тебя попрошу. И вот впервые за долгое время возник повод вспомнить об этой игре.

– Ну хорошо, – сказал Дон с улыбкой, вновь укладываясь на столе. – Сейчас подумаю. Как насчет Игры в Могущество? – Игру в Могущество изобрела Фелисити, и довольно давно. Это было своего рода доморощенное колдовство. Намечалось, кто будет заколдован, потом у жертвы похищали какую-нибудь вещицу: носки, галстук, носовой платок, чулки – ну, в общем, то, что обычно используют в разных обрядах и церемониях. Но, как показала практика, интерес заключался не столько в магии, сколько в этих самых тайных набегах. Во время которых захватывались трофеи, среди которых можно отметить кальсоны мистера Пруэтта, подтяжки мистера Хензмана и красивенькую коробку из-под печенья из дома мистера Эверарда. Но заметим, что ни один из этих трофеев затем в магических ритуалах не использовался.

– Согласна! – выпалила Фелисити. Вся красная от напряжения, она готова была лететь со всех ног. – Назови кого хочешь.

– Ну, я не знаю, – беззаботно помахивая ногой в воздухе, протянул Дональд, – допустим... прямо не знаю... предположим... что, если... как ее... мисс Картер.

– Идет! Значит, я побежала. Где она живет? У Демойта? – И она кинулась к двери.

– Сестренка! – Дональд подпрыгнул, как механический чертик в коробочке. – Стой! Я пошутил. Мы же эту игру давно вычеркнули и перечеркнули.

– Я не перечеркнула! – едва не плача, проговорила Фелисити. – Лиффи ждет во дворе. И по пути я, кажется, видела Ангуса, – с неким вызовом добавила она. Ангус был незаменимым союзником в «могущественных» набегах. А Лиффи, новую, бесплотную, Фелисити берегла как собственную спрятанную драгоценность.

– Брось эти глупости и, ради бога, *не реви*. И без того столько шуму наделала, что сейчас все сбегутся.

– Значит, договорились, я делаю набег, – сказала Фелисити, утирая слезы. – Раз ты согласился, то уже нельзя брать назад слово. И если я выполню, что обещала, ты не полезешь на башню.

– Да не кричи же так. Если Пруэтт узнает, нам не поздоровится. Сейчас я тебя провожу. Иди за мной, и тихо.

Дональд осторожно приоткрыл дверь, высунул голову и проверил, нет ли кого в коридоре. Издали долетали обрывки смеха, звуки джазовой музыки и глухой стук – это где-то мячом ударили о крикетные ворота. Дональд выждал минуту. Потом, крепко взяв Фелисити за локоть, вытащил ее из комнаты, одним прыжком заставил одолеть лесенку. И через секунду они уже выбежали со стороны черного хода. Здесь он отпустил ее и побежал в чашу, делая стремительные зигзаги между деревьями. Быстроногая Фелисити едва поспевала за ним. Через минуту-другую они уже стояли перед стеной. С другой стороны доносился гул машин. Дональд быстро пошел вдоль стены, ища определенное место. Именно там, на расстоянии примерно восемнадцати дюймов, с верха стены осколки битого стекла были вынуты.

– Становись ко мне на плечи, – присев на корточки, велел он сестре.

Это был испытанный способ. Фелисити встала к нему на плечи, и он медленно начал выпрямляться. Наконец она смогла, ухватившись за стену, начать перелезать на ту сторону. Дональд помогал, подпирая снизу ладонями ее подошвы. Она посидела на стене, после чего

перебросила ноги на ту сторону, собираясь спрыгнуть. Но напоследок посмотрела вниз на Дональда.

– Дон, – сказала она. – Я обещание выполню. Прямо сейчас. И ты помни свое обещание.

– Я ничего не обещал. Ну, прыгай, а то заметят.

– А я выполню! – упрямо повторила Фелисити.

– А я тебе запрещаю. И отказываться не собираюсь, так и знай. Прыгай, я сказал.

– Я пойду. А если ты меня обманешь, я больше никогда не буду с тобой говорить и мы станем врагами навеки. – Теперь предстояло спрыгнуть со стены. А до земли было неблизко. Фелисити закрыла глаза... и в следующий миг уже катилась по траве. – Пока, Дональд! – крикнула она.

– погоди, – раздался из-за стены голос Дональда. Потом его голова показалась над стеной. Он подтянулся, стал на корточки на стене и спрыгнул, не очень ловко, но тут же поднялся и как ни в чем не бывало пошел вверх по тропинке. Фелисити, стараясь не отставать, пошла рядом.

– Значит, так, – сурово произнес Дональд, – ты сейчас пойдешь домой. Я тебя провожу, и больше об этой глупой затее ни слова.

– Ну, проводи. Но я там сидеть все равно не буду. И как только уйдешь, я тут же уйду. Погляди на Лиффи. Она такая большая, черная, машет хвостом. Видишь, какой хвост? Сверхзвуковой свисток пригодится, чтобы ее подзывать.

– Слушай, если ты пойдешь совершать этот глупый поступок, я вынужден буду пойти с тобой. И если нас поймают, все будут думать, что это я устроил. – Они прошли мимо ворот школы и свернули на тенистую аллею, ведущую к их дому.

– Даже если нас Демойт поймает, то Эвви не донесет. Он ведь не дружит с Эвви.

– Донести, может, и не донесет, но здорово рассердится.

– Я его не боюсь. А ты не иди – если боишься, тебе не обязательно идти.

– Вот вернемся, Фела, ты у меня получишь. Значит, так, если кто-нибудь нас увидит, мы с тобой встретились случайно несколько минут назад.

Они прошли по дорожке между какими-то гаражами и вышли к полям, отделяющим поселок от Брейлинского Подворья. Плоское, открытое пространство наполнялось еле слышным потрескиванием, словно поджаривалось на горячем солнце. Сено скосили какое-то время назад, и травинки торчали острые, короткие и очень сухие. От непрерывной жары земля на тропинке превратилась в пыль. Они шли молча, Фелисити первая, Дональд за ней, и наконец вддали среди деревьев показались розоватые стены дома и отблески солнца замерцали в окнах. Они на миг остановились. И тут Фелисити увидела Ангуса.

На этот раз в облике цыгана, он сидел поблизости от тропинки, на краю пересохшего болотца. Одну ногу окунув в высокие заросли, когда-то росшие на дне болотца, другую поставив на короткую прибрежную траву. Поза, полная достоинства, голова откинута назад, красновато-коричневая шея, рубаха на груди распахнута. И смотрел прямо на Фелисити непроницаемо-высокомерным взглядом. Страшноватый какой-то. Конечно же, это Ангус, потому что никто другой не мог бы появиться так неожиданно. Да, это Ангус. Вид у него явно недобрый. Но ведь божественные существа при своем появлении всегда вызывают дрожь, даже если являются с миром. неподвижность сделала его почти невидимым. Дональд прошел, не заметив, и Фелисити решила не сообщать о его присутствии. Взяв брата за руку, она потащила его быстрее, пока цыган не скрылся за высокой травой.

Фелисити стало вдруг очень тревожно. Наверное, лучше вернуться. Дернув за куртку, которую Дональд нес, перебросив через руку, она сказала:

– Дон, не надо лезть на башню. Это плохо кончится, я чувствую. Пожалуйста, пообещай, что не полезешь, и вернемся домой.

Дональд слегка прижал пальцем ее веснушчатый нос.

– Нет, подружка, – сказал он, – назад мы не пойдем. А я, может, и не полезу. Это же Кард задумал.

И неторопливо, словно просто вышли на прогулку, они продолжили свой путь к дому. Через минуту тропинка привела их к невысокой, местами выкрошившейся стене, огораживающей дальние пределы директорского сада. Был тихий послеполуденный час. Брат и сестра, знавшие привычки демойтовского дома, не сомневались, что Демойт и мисс Хандфорт сейчас отдыхают у себя в спальнях, задернув шторы. Значит, проникнуть в дом будет совсем нетрудно. Оставалось, правда, одно сомнение – мисс Картер; где она и что делает?

Пока Дональд через стену осматривал сад, Фелисити глядела по сторонам. Появление Ангуса продолжало ее беспокоить. У стены росло множество цветов, и даже солидный слой коричневой пыли не в силах был скрыть свежесть их лепестков. Тут росла пижма, дикая горчица, лихнис. Растения пустошей. Фелисити с нежностью разглядывала их. Потом начала собирать букет.

– Эй, не время сейчас для цветов! – остановил ее Дональд. – Перелезем через стену вот здесь. Потом пробежимся вдоль тисовой изгороди, она нас прикроет, а к дому перебежим там, где из окон нас нельзя увидеть. Затем сделаем круг и подойдем к парадной двери. Если заперта, попробуем через кухню. Если увидят, скажем, что ищем папу – мол, подумали, что он здесь. Проникнем в дом, послушаем, нет ли какого шума, и наверх, и да сопутствует нам удача. Думаю, Картер живет вон в той комнате, угловой. Все ясно? Вперед.

Судя по всему, Дональда тоже охватил азарт. Пройдя вдоль стены, он перелез в том месте, где густо росли кусты сирени. Сжимая в руке букет цветов, Фелисити перебралась следом. Эта стена по сравнению со школьной была парой пустяков. Держась в тени живой изгороди, они прошли под аркой, и теперь их без труда можно было увидеть из всех окон. Дональд мгновенно пересек открытое пространство и прижался к стене дома. Фелисити сделала то же самое. Еще секунда, и они встали перед парадной дверью. Она оказалась незапертой. И они вошли в дом.

Внутри было тихо. До того тихо, что казалось, будто их бурное дыхание могут слышать на самой верхней площадке. Они постояли немного, чтобы отдышаться. Обменялись красноречивыми взглядами, и Фелисити крепко взяла брата за руку. Бесшумными шагами пересекли холл и начали подниматься по лестнице. Дом спал, сморенный жарой. Все окна были распахнуты, и горячий пыльный воздух беспрепятственно проникал сюда из сада. Лучи солнца освещали ступеньки, по которым брат и сестра сейчас поднимались на цыпочках. Скрипучие ступеньки на этот раз промолчали. А выше, на площадке, им под ноги лег толстый балуджистанский ковер. Неслышно пройдя по нему, они остановились перед дверью комнаты для гостей. Изнутри не доносилось ни звука.

Дверная ручка была сделана из желтого прозрачного стекла. Крепко взявшись за нее, Дональд начал поворачивать. Дверь отворилась достаточно для того, чтобы, не входя, заглянуть внутрь, и тоже совершенно бесшумно. Может быть, тут вообще никого нет и сам дом онемел навсегда? Обождав немного, Дональд осторожно вошел в комнату. Со вздохом облегчения Фелисити последовала за ним. Комната оказалась пустой.

Как только дверь за ними затворилась, дикий восторг охватил их, и они молча заплясали по комнате, размахивая руками. Фелисити вытащила из кармана свисток. И уже собралась дунуть, чтобы прозвучал мощный сверхзвуковой беззвучный свист, но Дональд остановил ее.

– Но он же беззвучный, значит, если я сви... – шепотом начала объяснять Фелисити. Это страшно рассмешило обоих, и, корчась от немногого хохота, они повалились на постель. – Но ты же сказа... – снова шепотом начала Фелисити. И зря, потому что хохот уже просто душил их.

Наконец Дональд встал, поднял Фелисити и привел кровать в порядок.

– А теперь быстро, – тихо сказал он, – выбери какую-нибудь вещь, и идем. Ну, что возьмем?

– Чулки, – решительно произнесла Фелисити. Заподозрив, что Дональд предпочтет что-нибудь иное, она вдруг прониклась женской солидарностью к мисс Картер – женщину имеет право грабить только женщина. Они засновали по комнате, на ходу открывая дверцы и ящики.

– Вот они, – сообщила Фелисити и, вытащив из ящика пару нейлоновых чулок, помахала ими перед Дональдом, затем засунула в карман. Настало время уходить. Фелисити еще раз оглядела комнату. Забрала со стула свой букетик. Стоящий у окна стол был покрыт бумагами. Фелисити подошла к столу и начала перебирать листки.

– Пошли! – прошипел Дональд.

– О, письмо от папы. Любопытно, что он пишет.

– Оставь. Идем.

– Ничего страшного, это же папино. – Она извлекла из конверта листок и прочла. Постояла немного. Вернула листок в конверт и отошла от стола.

– О чем там? – спросил Дональд.

– Так, пустяки. Идем быстрее. – И она потащила его к двери.

Дональд внимательно глянул ей в лицо. Потом вернулся к столу, отыскал письмо и прочел.

– Ну, пошли же, идем, идем. – Фелисити открыла дверь и вышла на площадку. Дональд пошел за ней. И они молча начали спускаться. Но на полпути Фелисити вдруг остановилась. Дональд, идущий следом, остановился тоже. В дверях гостиной стояла мисс Хандфорт. И смотрела на них.

– Вот так новости! – произнесла она, и голос ее гулким эхом прокатился по дому. Детей Мора мисс Хандфорт недолюбливала. – Вот как нынче принято наносить визиты!

От гула ее голоса Подворье вздрогнуло и, пробудившись, настороженно замерло. Дональд и Фелисити так и приросли к ступенькам.

– Вы что же, язык проглотили? Что вам понадобилось там, наверху, отвечайте!

В этот миг отворилась дверь, и мисс Картер вошла в холл. Все трое дружно к ней повернулись. Она была в открытом белом платье, и в тот миг, когда вошла, солнце блеснуло у нее за спиной. Слепленная светом, она прикрыла глаза рукой. Непонятное собрание на лестнице ее, наверное, удивило, и она вопросительно взглянула на мисс Хандфорт.

– Дети мистера Мора, – скептически-неодобрительно пробасила мисс Хандфорт.

Рейн перевела взгляд на юную пару. Брат и сестра стояли словно на полотне Гейнсборо – Фелисити картинно положив руку на перила, Дональд мрачно возвышаясь за ней.

– Рада наконец вас увидеть, – произнесла Рейн. – Дональд... мы с вами встретились однажды, мельком. А вот вас вижу впервые... Фелисити. Ну, как вы поживаете?

Дональд смотрел на нее без улыбки. Фелисити, спустившись на несколько ступенек, улыбнулась Рейн.

– Мы принесли вам цветы, – сказала она. – Обыкновенные, полевые, но надеемся, вам понравятся. – И она протянула букет.

Рейн с восторженным возгласом приняла его и прижала к лицу. Фелисити была чуть выше мисс Картер, и та смотрела на нее снизу вверх.

– Прекрасные. Я так люблю английские полевые цветы. Лучше ничего и представить не в силах. Как мило с вашей стороны. Прелестные цветы. – Она еще плотнее прижала букетик к щеке.

Дональд спустился со ступенек и встал рядом с сестрой. Взял ее за руку.

– Вы ведь не торопитесь? – спросила Рейн. – Оставайтесь, немного побеседуем. Мисс Хандфорт, не могли бы вы... принести чаю? Ведь все равно сейчас время чаепития, я не ошиблась, ведь так? Если нет, то я не хочу вас отягощать. Или молока и пирожных, если есть?

Мисс Хандфорт молчала.

– Увы, нам пора уходить, – сказала Фелисити. – Очень жаль. Нас ждут дома, мы и так задержались. Просто заглянули, чтобы принести вам букет.

– Очень мило. Вы доставили мне настоящую радость. От души благодарю. Надеюсь, вскоре снова встретимся.

– И я надеюсь, – сказала Фелисити. – До свидания. До свидания, мисс Хандфорт. – И оба юных создания мигом исчезли за дверью.

Они поспешно вышли за ворота демойтовского сада. Узкая тропинка вела вдаль, к полям. Фелисити не шла, а бежала. Дональд торопился следом. Только когда дом остался далеко позади, Фелисити свернула с тропинки, перебежала поле и села в тени каких-то кустов. Дональд сел рядом. Какое-то время они молчали.

– Дон, ты не полезешь туда, обещай, – наконец заговорила Фелисити.

– Это вряд ли имеет значение... теперь, – чуть подумав, ответил Дональд.

Они сидели, уставившись в траву.

– Кровавые слезы, – произнесла Фелисити. Это был древний ритуал.

Не говоря ни слова, Дональд вытащил из кармана перочинный ножик и протянул сестре. И она осторожно сделала два крохотных надреза у себя под глазами. Дети Мора были одарены способностью силой воли вызывать слезы. Через мгновение кровь и слезы, смешиваясь, потекли по их щекам.

Глава 9

Сегодня Нэн наконец уезжает. Мор ждал этого дня с нетерпением. В последнее время в их маленьком домике не затихал тарарам – непрерывно стирали, утюжили, вытряхивали, чистили, собирали и вновь разбирали чемоданы. Везде валялись карты, и разговоры шли только о поездках, о том, какие места заказать, не испортится ли погода... в общем, от всего этого Мор до того устал, что старался под любым благовидным предлогом подольше задержаться в школе. Учебный год заканчивался, и это означало, что хотя уроков и поуменьшилось, зато общих организационных забот поприбавилось. На плечи Мора ложился труд составления отчетов для родителей, а также предстояло решить ряд вопросов относительно штатного расписания на будущий год. Потому что Эвви с этим явно не мог справиться. А собственный дом стал Морю неприятен. Этот дом всегда казался ему слишком маленьким, и поэтому лучше всего там жилось летом, когда окна весь день распахнуты и кажется, что и внутри прибавляется пространства. И в то же время именно летом, перед каникулами, Нэн все переворачивала вверх дном, и Фелисити ходила зареванная и злая. Сердце Мора сжималось всякий раз, когда вечером, переступая порог, он входил в коридорчик, и без того тесный, а теперь еще и заставленный множеством чемоданов, спортивным снаряжением и прочим скарбом. И в такие минуты в него закрадывалась мысль – а не переселиться ли на время к Демойту? О Подворье и его обитателях он думал постоянно. Но уйти туда не решился. Какое-то тягучее беспокойство постоянно мучило его. Меньше чем через три недели у Дональда вступительный экзамен, и об этом тоже надо помнить. Дважды за последнее время он пытался поговорить с сыном, выяснить, как у него дела, но Дональд отвечал неохотно. И Морю оставалось лишь огорчаться и недоумевать.

Вчера Мор наконец решился серьезно обсудить с Нэн вопрос о кандидатстве... то есть немного не так – он решил *объявить* Нэн о своем намерении стать кандидатом. Но, увы, стоило ему только приступить к осуществлению замысла, и все пошло кувырком. Нэн тут же дала понять, что ничего обсуждать не намерена. Она применила свой самый жестокий прием. Вот как это выглядело: как только Мор начал со всей серьезностью излагать свои планы, намерения, надежды, не забывая подчеркивать, какой выгодой это может обернуться для всех них, она уселась на диван, подвернула под себя ногу и в упор вызывающе-насмешливо посмотрела на него. В такие минуты Мор ощущал в ней присутствие какой-то сокрушительной силы и содрогался от этого до глубины души. Она будто восходила куда-то вверх, в недостижимость, где ее ничто не могло пронять. А он со своими жалкими вопросами и возражениями оставался где-то там, далеко внизу. И это все происходило совсем не от того, что она не понимала его доводов. Просто в ее присутствии, в поле, создаваемом ее личностью, эти доводы переставали существовать. Мор еще раз убедился, что его жена – это поистине крепость, способная выдержать любую осаду. Никакие доказательства на нее не действовали, раз выбрав, она упорно шла вперед со спокойной и даже радостной уверенностью в том, что достигнет своей цели. На протяжении разговора она ни на минуту не теряла присутствия духа, подсмеивалась над Мором, высокомерно вышучивала его и довела до того, что он в бессильном гневе окончательно сник. Но уходя из комнаты, все же выкрикнул: «Нравится тебе или нет, а я поступлю по-своему!»

Выкрикнул он это просто в сердцах. И все же на следующее утро вдруг подумал, что, наверное, и в самом деле поступит по-своему. Глубокие раны, которые Нэн наносила его самолюбию, болели непрерывно. Задыхаясь от гнева, он вспоминал, сколько раз она его унижала. Пора бы ей понять, что покушение на достоинство другого человека – это преступление, вызывающее к немедленному воздаянию. Как только встречу с Тимом, скажу, что начинаю кампанию, решил Мор. А после того как это станет достоянием общественности, Нэн не решится возражать, для этого она слишком уважает условности, к тому же самолюбие не позволит. Волей-неволей придется делать вид, что все в порядке. Он сознавал, что некрасиво этому радо-

ваться, и все же не мог победить язвительную радость, воображая, как раскипятится Нэн, когда узнает, что он все же поступил как хотел. Потому что, возможно, больше всего Мора раздражала в жене именно эта спокойная уверенность в собственной правоте, в собственном мнении, с которым ему остается лишь безропотно соглашаться.

Но все эти мысли он схоронил с ловкостью, обретенной за годы семейной жизни, глубоко в себе, и по его бодрому виду никто бы не догадался, что он о чем-то таком задумывается. Нэн тоже как будто начисто забыла вчерашнюю ссору, все сегодняшние ее разговоры касались исключительно радостей предстоящего отдыха. В 10.30 придут на вокзал Ватерлоо, потом позавтракают, после чего скорым дневным поездом отправятся в Дорсет. Уже заказали такси, которое отвезет их на станцию к лондонскому поезду. Такси – это, конечно, очень дорого, но багаж настолько объемист, что иначе не получится. Такси вот-вот должно было подъехать, а Фелисити еще не собралась. Все утро куксилась, была не в настроении, несмотря на обещание, что в Лондоне ланч состоится в ее любимом *Роял Фестивал Холл*.

Нэн и Мор вышли в палисадник. Чемоданы были вынесены и стояли перед дверью. Мор глядел на чахлые цветочки, георгины и астры, росшие по обеим сторонам бетонной дорожки.

– Посмотри, любимое место Лиффи совсем заросло в этом году, – сказал он. – Она любила лежать вон там, среди цветов, помнишь?

– О, вспомнила одну забавную вещь. Встретила на улице эту художницу, мисс Картер, и она сказала, что дети принесли ей цветы.

– Что ты говоришь!

– Что слышишь. Явились в дом Демойта, вручили букет и тут же ушли!

– Странно. Хотя, впрочем, почему бы и нет... И Фелисити тебе не рассказала?

– Разумеется нет. Она такая скрытная, ты же знаешь. Очень милый жест, и мисс Картер, насколько я успела понять, очень растрогана... но ты не хуже меня знаешь наших очаровательных отпрысков. Неужели они просто так зашли, чтобы подарить цветочки? Нет, за этим прячется какой-то подвох.

Мор склонен был согласиться с Нэн, и вообще это происшествие его очень расстроило. Он не понимал, что бы это могло значить; он робел перед собственными детьми, особенно когда они начинали преподносить сюрпризы.

– Не о чем беспокоиться, Нэн, – все же сказал он. – Просто им захотелось сделать кому-то приятное. Наверняка это Фелисити предложила.

– Ты наивен. Почти так же, как мисс Картер, и это кое о чем говорит.

Упоминание о мисс Картер взволновало Мора. За последние три дня ему два раза случилось видеть художницу: один раз она шла вдаль по полю, а второй раз – по улице городка в сторону торгового центра. И, не перемолвившись с ней ни словом, он при этом дважды испытал непонятное глубокое волнение.

Подъехало такси. Мор поднял чемоданы. Фелисити вышла во двор и, не сказав ни слова, села в автомобиль. Мор и Нэн погрузили багаж и в молчании поехали на станцию. Там Мор заплатил водителю и перенес чемоданы на платформу. Стали ждать поезда.

С безоблачного голубого неба солнце светило на маленькую станцию с двумя платформами. Каждая была снабжена своей особой островерхой крышей, похожей на те, какими обычно украшают перроны в игрушечных железных дорогах. Слева и справа от полотна железной дороги зеленели сосны, между которыми виднелись красные крыши высоких викторианских домов. Целая толпа пассажиров ждала прихода поезда на Лондон, и среди них многие знали Мора в лицо. В таких местах он обычно чувствовал себя ужасно. А оставалось ждать еще целых пять минут.

И вдруг на Мора будто свежим ветерком повеяло – Нэн уезжает. *Нэн уезжает*. Она уезжает. А на следующий год в это время, даст бог, все будет по-другому. К тому идет, что все будет по-другому. Он поднял голову. Как хорошо, что решение наконец-то принято. Будущее

зовет и много чего обещает. И тут же он почувствовал громадную нежность к Нэн. Обернулся и взглянул на нее. Она глядела на часы, постукивая носком туфельки по платформе. «Сейчас появится!» – с улыбкой сообщила она. Чувствовалось, что она волнуется. Фелисити стояла чуть в стороне, глядя на дощатый забор станции, за которым возвышались сосны.

– Нэн, ты ничего не забыла? – спросил Мор. – У тебя есть что почитать в дороге?

– Есть. Вот сегодняшняя утренняя газета и журнал.

– Давай-ка я еще чего-нибудь куплю... какую-нибудь книжечку, ну и, может быть, плитку шоколада? – И с этими словами он побежал к киоску, где продавали вперемешку газеты и кондитерские изделия. Купил какой-то тоненький пингвиновский сборничек поэзии, коробку молочного шоколада и два банана. Вернулся и рассовал жене по карманам.

– Билл, дорогой, как мило! – воскликнула Нэн, доставая подарки из карманов и пряча их в чемоданчик.

Опрятный зеленый состав показался из-за поворота. Пассажиры пошли вдоль вагонов. Мор отыскал два угловых места и разместил багаж. Для прощания времени почти не осталось. На таких маленьких станциях поезда останавливаются лишь на минуту. Мор успел поцеловать жену и дочь... и вот уже поезд на всех парах уносился вдаль. Мор взмахнул рукой, успел заметить, как Нэн, выглянув, замахала в ответ, – и состав скрылся за поворотом в зеленой гуще деревьев.

Мор задумчиво спустился с платформы. Отдал свой платформенный билет. На освещенной солнцем пыльной станционной площади сейчас, после того как состав скрылся вдали, стало совсем тихо. Мор остановился, захваченный каким-то неясным чувством радости, и в тишине утра послышалось ему обещание чего-то очень, очень хорошего. Он ждал. И вдруг из самых глубин его существа с сокрушающей силой возникло понимание. «Я влюблен в мисс Картер». Мысль эта обрела форму столь неожиданно, что он, упершись взглядом в пыльную землю, едва устоял на ногах. «Со мной что-то случилось. Я влюблен. Нет, не просто влюблен, а люблю отчаянно, страстно». И вместе с пониманием этого на него нахлынуло невыразимое чувство блаженства. Он стоял, как и прежде, не отрывая глаз от земли, но теперь ощущал себя так, будто оказался в центре вселенной, начинающей медленно вращаться вокруг него.

Дыша полной грудью, слегка покачиваясь на каблучках, он улыбался сухой земле. «Должно быть, я сумасшедший», – с улыбкой говорил он себе. Слова возникли и улетели, как листья в огонь. Медленным шагом прошел он по площади к калитке. Калитка была деревянная. Он с нежностью провел рукой по доскам. Сухое шершавое дерево, теплое, прекрасное. Отломил щепочку. Все с той же улыбкой. «Ну что с меня взять, я ведь сумасшедший», – дрожала в нем прежняя мысль. И тут же явилась следующая: «Я должен ее увидеть. Как только ее увижу, сразу пойму, как поступить дальше. Я пойму, когда ее увижу. Ее увижу».

Стремительно выйдя за калитку, он быстро пошел, едва ли не бегом побежал, по дороге, ведущей к школе. До нее было недалеко. Солнце горячило лоб, в душном воздухе трудно было дышать. Задышавшись, он бежал. Туда, где в гараже посреди «учительского» садика ждал его велосипед. В легких не хватало воздуха, руки и ноги болели от напряжения, но желание видеть мисс Картер теперь стало настолько сильным, что заглушало любую физическую боль. Вот и здания школы показались. Но от волнения он уже не мог бежать, а просто пошел медленным шагом. Если бы кто-то сейчас шел с ним рядом, то слышал бы, как тяжело он дышит, видел бы, как искажено его лицо. Собрав последние силы, он подбежал к гаражу.

Взяв машину за руль, как дикого зверя за рога, он вытащил ее на свет божий. Оказалось, что колесо спустилось. Он бросил велосипед на землю и с громким проклятием пнул колесо. Придется поехать на чужом. И тут вспомнил, что в 11.15 у него в шестом классе урок истории. Но теперь его ничто не могло остановить. И хотя он уже не задышался, но боль не отпускала, боль, от которой он готов был кричать, – жажда видеть ее. Оседлав схваченный наугад вело-

сипед, он кое-как проехал по дорожке, потом к воротам, потом через шоссе и вверх, к железнодорожному переезду.

Склон шел вверх немилосердно круто, и как он ни жал на педали, ехал все тише и тише и наконец совсем завяз. Пришлось слезть и вручную вести велосипед. Добравшись до верха, он поехал вниз, и когда на миг в отдалении перед ним мелькнуло Брейлинское Подворье, он беззвучно прошептал: «Рейн». Изо всех сил крутя педали, он на сумасшедшей скорости летел вниз... Кинув велосипед у стены, вбежал в дом. Внутри было тихо и прохладно. Он пробежал через холл и отворил дверь гостиной.

Мольберт стоял на прежнем месте. Демойт, освещенный солнцем, сидел спиной к двери недалеко от окна. Мисс Картер в комнате не было.

– Приветствую вас, сэра, – держась за дверь, произнес Мор, – а где мисс Картер?

– Несмотря на то что я уж привык, – не оборачиваясь, заговорил Демойт, – что во мне видят лишь некий старый, бесполезный обломок допотопного антиквариата, тем не менее...

– Простите, сэра, – входя в комнату, сказал Мор, – не гневайтесь. Но мне действительно необходимо повидать мисс Картер. Возможно, вы знаете, где ее найти?

– Вас не затруднит подойти сюда, разумеется, если вы не очень спешите, чтобы я, по крайней мере, мог видеть, с кем разговариваю.

Мор подошел и встал перед стариком, а тот окинул его суровым взглядом, очевидно приготовившись к очередному вопросу.

– Извините, – сказал Мор. – Так где же она?

– Если бы вы пожаловали в любой другой час, в любое другое время дня, то нашли бы юную леди здесь, в этой комнате, за работой. Она трудится как пчелка, если вспомним пословицу. Но в этот час дня она, как вам ни огорчительно будет сие услышать, совершает утренний моцион, то есть ходит на прогулку. – Демойт говорил очень медленно, словно для того, чтобы помучить неожиданного визитера.

Краем глаза косясь на холст, Мор отметил, что за последнее время с ним произошли немалые перемены, но рассматривать как следует не решался. Стараясь говорить спокойно, он задал очередной вопрос:

– А не довелось ли вам знать, сэра, куда именно она отправилась, то есть имею ли я возможность ее встретить?

– Этого знать мне, как вы выразились, *не довелось*. Но меня вот что интересует, обратили ли вы внимание на свой воротничок? Он у вас расстегнулся и висит сзади на шее в совершенно невозможной манере. Мне эти пристегивающиеся воротнички никогда не нравились. Именно по этой детали и можно угадать провинциального учителя. И лицо у вас чем-то измазано, то ли машинным маслом, то ли смолой. Рекомендую, прежде чем продолжите поиск, привести себя в порядок.

Схватившись за воротничок, Мор заправил его под плащ и кое-как вытер ладонью лицо.

– Благодарю вас, – сказал он. – Пожалуй, я пойду.

Когда он был уже около дверей, Демойт отозвался вновь:

– Она пошла по тропинке через поле. Может, и найдете.

Поблагодарив еще раз, Мор поспешно вышел, сел на велосипед, выехал за калитку и тут же свернул на неширокую тропинку. Колеса то ныряли в ямки, то подскакивали на пучках травы; он ехал под жарким солнцем, прикрывая глаза ладонью. Впереди никого не было, и уже показались первые дома городка. Он проехал по одной дороге, свернул и проехал по другой. Напрасно. Надо возвращаться домой. Умыть лицо холодной водой и подумать, что делать дальше. Но вместо этого он проехал мимо своего дома и порулил вверх по дороге по направлению к воротам школы. Не исключено, что мисс Картер именно там, зашла по какому-нибудь делу к Эвви.

У ворот, прислонившись к одной из колонн, стоял долговязый, одетый в белый костюм учитель физкультуры Хензман.

– Держится хорошая погода, – заметил он. – Может, и на день соревнований повезет в кои-то веки.

– Вполне возможно, – согласился Мор. Он слез с велосипеда и в нерешительности остановился возле ворот.

– Ваш сынишка ничего, старается. Он еще покажет «класс» в крикете. В команде Пруэтта только на него и надеются. – По мнению Хензмана, в классе Пруэтта крикету уделяли непропорционально мало внимания.

– Совершенно с вами согласен, – сказал Мор. – А вы, случайно, не видели, мисс Картер здесь не проходила?

– Проходила. Минут двадцать назад она была здесь, на площадке. А потом пошла с Бладуардом вниз по склону.

– Спасибо, – произнес Мор и поспешно проехал через ворота. При имени Бладуарда его пронял легкий холодок. Оставив велосипед на углу главного здания школы, именно там, где такого рода транспорт строго-настрого запрещалось оставлять, он пошел через площадку, свернул за библиотеку и по тропинке направился вниз. Эта тропинка успела порядком зарости. И ему то и дело приходилось перепрыгивать через сухие ветки и через какие-то низкорослые кусты. Двое мальчиков поднимались ему навстречу. Отступив, они с удивлением поглядели ему вслед. Где же Бладуард и мисс Картер? Он остановился и прислушался. Но, кроме ласкового нестихающего перешептывания листвы, ничего не было слышно. Он свернул с тропы и пошел напрямик через заросли, цепляясь ногами за папоротники.

И неожиданно вышел на полянку, где перед ним предстала картина, наполнившая его одновременно и горечью, и радостью. Там была мисс Картер. Но совсем иная. Сейчас она была пленницей. В длинном, текучем, изумрудном шелке, обернутом вокруг тела, оставлявшем обнаженным только одно плечо, она сидела посреди поляны на невысокой стремянке, а вокруг на траве, держа в руках доски и карандаши, сидели двенадцать мальчиков. Они рисовали ее. В глубине сцены, прислонившись к дереву, стоял распорядитель спектакля, Бладуард, и зорким оком наблюдал за учениками. Он еще не заметил Мора, но тот успел заметить, как пристально смотрит Бладуард на мисс Картер. На нем была рубашка с короткими рукавами, руки он держал в карманах. Пряжи темных волос падали ему на щеки. Он сейчас показался Мору похожим на Момуса, похожим на Люцифера.

Неожиданное появление Мора вызвало мгновенный отклик. Отделившись от дерева, Бладуард вытащил руки из карманов и выпрямился. Но тут же удивленное выражение сменилось улыбкой. Глаза его и губы сузились, превратившись в насмешливые щелочки. Ученики все разом повернулись и вопросительно уставились на неожиданного пришельца. Мор определил, что это несколько учеников пятого класса. Машинально потрогал воротничок, все ли в порядке. Воротничок оказался на положенном месте. Рейн сделала легкое движение рукой, тем самым сообщив, что заметила его. Она позировала как-то по-детски, то есть очень серьезно, боясь шевельнуться. Бладуард все еще улыбался напряженной, застывшей улыбкой. И Мора вдруг охватила уверенность, что учитель рисования прочел его мысли. Он подошел к нему, в то же время знаками приказывая мальчикам продолжать работу. «Я искал вас, чтобы поговорить об отчетах», – произнес Мор первую пришедшую на ум фразу, в то же время уповая, что она не совсем нелепо прозвучала в этих обстоятельствах. Бладуард продолжал с улыбкой смотреть на Мора. «Хватит тебе улыбаться», – со злостью подумал Мор. И пошел вдоль круга детей, глядя на рисунки. Мальчики, на минуту отвлекшись, успели вернуться к работе. Он всем существом чувствовал присутствие мисс Картер, но взглянуть на нее не решался. Делая вид, что поглощен рассматриванием рисунков, он в то же время ни на минуту не забывал, что незадолго до двенадцати прозвонит колокол, и она будет свободна.

Одни ученики работали акварельными красками, другие – чернилами или гуашью, третьи рисовали карандашом. Мор остановился за спиной у Ригдена. По всем предметам он был среди отстающих, а вот рисовал талантливо. Пером и коричневой гуашью очень умело сделал набросок, особенно выразительной получилась голова и ниспадающая живописными складками драпировка. Ригден оглянулся и посмотрел на Мора. Казалось, он не верил в собственный успех. Мор улыбнулся одобрительно. Эта улыбка наверняка превратит Ригдена в героя дня. Мор прошел дальше, украдкой поглядывая на часы.

Джимми Кард сидел в непринужденной позе, прислонившись спиной к дереву, одну ногу вытянув, другую подвернув под себя. Подойдя поближе, Мор расслышал, что мальчик тихонечко насвистывает какую-то музыкальную фразу, повторяя ее вновь и вновь. Мор взглянул на его рисунок. М-да, из этого юноши художник вряд ли получится. Он видел модель в профиль и запечатлевал ее с помощью карандаша. Но у него выходила какая-то приземистая фигурка, в драпировке, безобразно обтягивающей тело, с непомерно большим бюстом. В тот момент, когда Мор глядел на рисунок, Кард поднял голову и глянул ему в глаза, и Мор, вопреки себе, ответил на его взгляд. Но тут же отвернулся. Он не любил Карда. И радовался, что тот собирается поступать в Оксфорд, а не в Кембридж. Слава богу, подальше от Дональда. В эту минуту прозвучал колокол.

На полянке все пришло в движение. Мальчики складывали карандаши и краски и один за другим поднимались с травы. На своем пьедестале Рейн, получившая свободу, подбирала складки драпировки. Украдкой глянув на нее, Мор посмотрел на Бладуарда и нашел, что Бладуард смотрит на него. Только бы у него сейчас не было «окна», мысленно взмолился Мор. Бладуард перестал улыбаться. Он тихо покачивал головой, такая у него была привычка. Мальчики уходили, мелькая среди деревьев, по направлению к изостудии, где им надлежало оставить рисовальные принадлежности и отправляться на следующий урок. Мор, Бладуард и Рейн теперь остались одни на поляне.

Рейн по-прежнему сидела на стремянке и не спешила сходить вниз. Возможно, там, наверху, она чувствовала себя более значительной.

– Мистер Бладуард взял меня в плен, – со смехом обратилась она к Морю. – И полюбуйтесь, что он отыскал среди своего реквизита, какое чудо! – Она говорила это и в то же время снимала с себя зеленую шелковую ткань. Под ней оказалось цветастое платье с открытыми плечами. – И в самом деле, мистер Бладуард, я, пожалуй, куплю у вас эту ткань и отдам своей портнихе. – По-прежнему стоя на верхней ступеньке, она свернула шелк и передала Бладуарду. Теперь стали видны ее обнаженные ноги с очень гладкой кожей. Мор и Бладуард как по команде отвели глаза и посмотрели ей в лицо. И она посмотрела на них со своего возвышения – слегка надменно, слегка самодовольно, как маленькая девочка Викторианской эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.